

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
УРАЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМ. А. М. ГОРЬКОГО

IMAGINES MUNDI

Альманах
исследований всеобщей истории
XVI–XX вв.

Выпуск 1
АЛЬБИОНИКА

Издается с 2001 г.

Екатеринбург
Издательство Уральского университета
2001

ББК Т 3(О)
I55
УДК 9

Печатается по решению
редакционно-издательского совета
Уральского государственного
университета им. А. М. Горького

Редакционная коллегия

А. Г. Чевтаев, докт. ист. наук, проф. (гл. редактор); *В. А. Бабинцев*, канд. ист. наук, доц.; *В. В. Высокова*, канд. ист. наук, доц. (отв. за выпуск); *В. Н. Грак*, канд. ист. наук, доц.; *Ю. С. Кирьяков*, канд. ист. наук, доц.; *И. А. Кручинина*, асс.

Рецензенты

Кафедра всеобщей истории Урал. гос. пед. ун-та;
канд. ист. наук *В. Н. Земцов*

Оформление обложки – *В. И. Реутов*

I 55 **Imagines mundi:** Альманах исследований всеобщей истории XVI–XX вв.
Вып. 1. Альбионика. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2001. 180 с.

ISBN 5–7996–0104–1

Первый выпуск альманаха является своеобразным подведением некоторых итогов научно-исследовательской работы Центра новой и новейшей истории Великобритании и англоязычных стран исторического факультета Уральского государственного университета им. А. М. Горького

ISBN 5–7996–0104–1

© Уральский государственный университет, 2001
© В. И. Реутов, оформление обложки, 2001

СОДЕРЖАНИЕ

От редколлегии	4
ТЕКСТ. ПУБЛИКАЦИИ ИСТОРИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ	
Меморандумы принца Альберта. К политическому кризису в Англии 1845–1846 гг. <i>Предисловие, перевод и комментарии</i> О. А. Анфимовой и Н. А. Кручининой	7
Воспоминания о войне 1778 года. Из сочинений Фридриха II Гогенцоллерна. <i>Предисловие, перевод и комментарии</i> Ю. Е. Комлевой	21
Дебаты о создании Национального банка США. Письма Т. Джефферсона и А. Гамильтона. <i>Предисловие, перевод и комментарии</i> Н. В. Васильевой. <i>Под общ. ред.</i> Д. А. Суровеня	37
ИНСТРУМЕНТАРИЙ. МЕТОДОЛОГИЯ, ИСТОРИОГРАФИЯ, АРХИВЫ, БИБЛИОГРАФИЯ	
<i>Высокова В. В.</i> Полемика Хейдена Уайта и Артура Марвика. (К вопросу о постмодернистской методологии истории)	54
<i>Чевтаев А. Г.</i> Пермская школа исследований политической и духовной культуры Запада Нового и Новейшего времени	66
<i>Кручина Н. А.</i> Британская библиотека: история формирования и обзор основных фондов	85
<i>Комлева Ю. Е.</i> Фридрих II Великий в фондах отдела редких книг научной библиотеки Уральского госуниверситета	101
<i>Мельник А. В.</i> «Вестник Европы» об Англии. Библиографический указатель материалов, опубликованных в 1866–1917 гг.	107
ДЕБЮТ. НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ СТУДЕНТОВ И АСПИРАНТОВ	
<i>Викторов И. Н.</i> Экономическая демократия в Швеции (1970–1980-е)	121
<i>Данилова О. С., Слуцкая Л. В.</i> Историческая память и восприятие исторических событий. Европейские интеллигенты и русская революция ..	135
<i>Запарий Ю. В.</i> Миротворческие операции ООН в период Боснийского кризиса 1991–1995 гг.	140
<i>Голубецкая Н. С.</i> Проблема влияния андалусской народной поэзии на куртуазную лирику трубадуров	144
<i>Глазкова Д. П.</i> Россия глазами англичан: «Путь из Англии в Москву...» Ричарда Ченслора	147
<i>Сумин А. В.</i> Административно-правовое устройство английской колонии Вирджиния в 1619–1623 гг.	151
<i>Кручина Н. А.</i> Индустриальное общество и социальные проекты британских либералов и социалистов конца XIX – начала XX в.	158
<i>Куницкий С. В.</i> Проблема дешифровки в борьбе разведывательных служб Великобритании и Германии в 1930-х гг.	164
<i>Глушко В. С.</i> Роль Великобритании в формировании общей политики ЕС в отношении Балканского кризиса (1991–1995)	167
<i>Холкин С. Л.</i> «Движение за самоусиление» в Китае. Ценностный аспект действий политической элиты на примере категорий «целесообразность», «внешнее» и «внутреннее»	174
<i>Об авторах и переводчиках</i>	179

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

В последние годы на кафедре новой и новейшей истории Уральского государственного университета им. А. М. Горького сложилось несколько направлений в исследовании проблем истории Европы и Америки, Азии и Африки Нового и Новейшего времени. Руководствуясь стремлением к объединению и координации усилий исследователей всеобщей истории Нового и Новейшего времени, кафедра начинает издание альманаха «Imagines mundi» («Образы мира»). Исходной (определившей и название альманаха) стала близкая редакционной коллегии идея Карла Ясперса: «История в ее целостности мыслится как последовательная смена *образов мира* (курсив наш. – *Ред.*)». Соответственно и целевая установка издания может быть сформулирована предельно широко: изучение пятисотлетнего прошлого мирового сообщества во всем многообразии его проявлений.

Предполагается издание альманаха тематическими выпусками. В перспективе готовятся выпуски по интеллектуальной истории, проблемам межцивилизационных контактов и истории международных отношений, процессам модернизации как в странах Европы и Америки, так и модернизации (точнее, ориентализации) в странах Востока. Название первого выпуска («Альбионика») возникло не случайно. Среди круга научных интересов коллектива кафедры естественным образом выделилось изучение политической, социальной и культурной истории Великобритании и англоязычных стран. Этот интерес, а также многолетнее общение с коллегами из университетов Москвы, Петербурга, Перми, Челябинска, Саратова, Уфы и других городов показали необходимость создания определенной структуры для координации научно-исследовательской работы заинтересованных специалистов.

Осенью 1999 г. на историческом факультете Уральского государственного университета им. А. М. Горького был создан Центр исследований новой и новейшей истории Великобритании и англоязыч-

ных стран. Координация и объединение усилий исследователей этого направления весьма актуальны, ибо на фоне значительного продвижения в изучении истории Германии, Италии, Франции и других стран успехи данного направления остаются пока весьма скромными.

Творческий коллектив, подготовивший данный выпуск, не имел намерения замыкаться на строго британской проблематике. Название первого выпуска альманаха призвано символизировать сложную систему связей Великобритании в историческом пространстве XVI–XX вв., что предполагает изучение встроенности Англии в общеевропейский и мировой контекст, исследование межцивилизационных контактов в рамках Британской империи. Выпуск является своеобразным подведением первых итогов научно-исследовательской работы Центра исследований новой и новейшей истории Великобритании и англоязычных стран.

Структура первого выпуска альманаха, названия разделов отражают последовательность основных этапов исследовательской практики историка: работа с историческим источником («Текст»), выбор методологических оснований исследования («Инструментарий») и, наконец, представление итогов («Дебют»).

Особый интерес, на наш взгляд, представляет первый раздел. Все материалы впервые публикуются на русском языке и посвящены малоизученным эпизодам истории Великобритании, США и континентальной Европы XVIII–XIX вв. Редколлегия выражает благодарность Н. Н. Баранову, доценту отделения международных отношений исторического факультета, и О. В. Потаповой, преподавателю кафедры иностранных языков Уральского государственного университета им. А. М. Горького, за помощь в подготовке материалов этого раздела.

Разнообразны материалы второго раздела. Обращают на себя внимание отклик на полемику известных западных историков А. Марвика и Х. Уайта относительно постмодернистской методологии истории, а также обстоятельный обзор работ, появившихся в последние десять лет в рамках крупнейшей в России пермской школы исследований политической и духовной культуры Запада Нового и Новейшего времени. Здесь же представлен очерк формирования современного состояния основных фондов одного из крупнейших в мире книго- и архивохранилищ – Британской библиотеки, а также показано, каким богатым источниковым потенциалом обладают русские дореволюционные периодические издания.

Третий раздел включает в себя тезисы научных работ студентов и аспирантов кафедры новой и новейшей истории, подготовленных к 60-летию исторического факультета Уральского государственного университета им. А. М. Горького. Эти работы весьма разнообразны по своей направленности и охватывают в широком временном диапазоне малоизученные в отечественной исторической науке проблемы.

Надеемся, что выход в свет данного издания привлечет внимание специалистов вузов и научных учреждений Поволжья, Урала и Сибири и станет дополнительным стимулом для формирования более тесных научных связей ученых этих регионов как в рамках Центра британских исследований, так и на страницах нового альманаха.

ТЕКСТ

ПУБЛИКАЦИИ ИСТОРИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

МЕМОРАНДУМЫ ПРИНЦА АЛЬБЕРТА К политическому кризису в Англии 1845–1846 гг.

*Предисловие, перевод и комментарии
О. А. Анфиловой и Н. А. Кручининой*

Промышленный переворот в Англии вступил в свою завершающую стадию в 30-х гг. XIX в. Кардинально изменив экономику Великобритании, он привел также к серьезной трансформации социальной структуры. Средний класс (предприниматели, финансисты, промышленники) стал осознавать себя самостоятельной социальной силой – со своими экономическими и политическими интересами. Добившись в ходе Великой реформы политических прав, он стал требовать и удовлетворения своих экономических требований.

В начале XIX в. в Англии существовал целый ряд протекционистских пошлин, ограничивавших или совсем запрещавших ввоз продовольствия из-за рубежа. Начиная с 1815 г. торийские кабинеты в интересах землевладельцев-лендлордов принимали *хлебные законы*, устанавливавшие высокие пошлины на ввозимый хлеб. Они чрезвычайно тяжело сказались на положении беднейших слоев населения, вынужденных покупать хлеб по высоким ценам. Хлебные законы были невыгодны также и промышленной буржуазии, так как удорожали рабочую силу, сокращали емкость внутреннего рынка и препятствовали развитию внешней торговли.

Борьба за отмену хлебных законов началась почти сразу же после их принятия. К 1838 г. в Англии оформилось движение «манчестерских фабрикантов», лидеры которого, Р. Кобден и Д. Брайт, основали Лигу борьбы против хлебных законов. Манчестерцы выступали за полную свободу торговли. Главным требованием Лиги была отмена хлебных законов. В 1844 г. в противовес Лиге землевладельцами была создана анти-Лига, которая боролась за сохранение хлебных законов.

В 1841 г. к власти пришел торийский кабинет сэра Роберта Пиля. Р. Пиль провел некоторые реформы таможенного законодательства: были снижены

или отменены ввозные пошлины на отдельные виды сырья (например, окончательно уничтожены пошлины на ввозную шерсть). Затем были отменены и последние вывозные пошлины. Идя навстречу требованиям фабрикантов, Р. Пиль отменил ввозные пошлины на ряд продуктов питания, в частности на мясо и масло, но не решался снизить тариф на ввозной хлеб.

Осенью 1845 г. ситуация существенно изменилась: в Ирландии начался голод, связанный с неурожаем картофеля. В большей части Европы был неурожай, и цены на хлеб в Англии существенно выросли. Все это вновь поставило на повестку дня проблему отмены хлебных законов. 1 ноября 1845 г. Р. Пиль на заседании кабинета внес предложение о временной отмене хлебных законов и даже высказался за необходимость их окончательной отмены. Большая часть его кабинета с ним согласилась. Только один министр – министр военных дел и колоний лорд Стэнли упорно не хотел принять эту идею. Более того, выражая свое несогласие с планами Р. Пила в отношении хлебных законов, в декабре 1845 г. большая часть партии тори в палате общин не поддержала главу кабинета при голосовании законопроекта об увеличении субсидии католическому колледжу в Мейноте. В этой крайне напряженной ситуации 6 декабря 1845 г. Р. Пиль подал в отставку.

После неудавшейся попытки лорда Рассела, лидера партии вигов, сформировать кабинет Р. Пиль вернулся к власти 20 декабря 1845 г. Он надеялся, что сможет убедить тори в необходимости решения этой проблемы и сохранить свое руководство в партии, но ошибся. «Заднескамеечники» теперь видели в Р. Пиле предателя партийных интересов, ведь партия тори традиционно была защитницей земельной аристократии. Они смогли найти себе новых лидеров и организовать настолько, что в период с ноября 1845 г. по февраль 1846 г. по существу превратились в новую («протекционистскую») партию.

Сам же Р. Пиль, наоборот, считал себя истинным защитником интересов тори. Для него отказ от протекционизма был той жертвой, на которую можно было пойти, чтобы сохранить другие консервативные интересы, нацеленные на обеспечение социальной стабильности и порядка в стране. Несмотря на отчаянное сопротивление представителей землевладельцев в парламенте, растянувших обсуждение билля на 3 месяца, 25 июня 1846 г. хлебные законы были отменены.

Ниже представлены меморандумы принца Альберта (памятные записки для внутреннего пользования королевского двора), которые отражают позицию монархии в этой напряженной ситуации ноября – декабря 1845 г. в Англии*.

* Перевод сделан по изд.: *The Letters of Queen Victoria: A Selection from Her Majesty's Correspondence between the Years 1837 and 1861*. Vol. 2. L., 1908. P. 48–51; 59–62; 65–67.

Осборн¹, 7 декабря 1845г.

Получив предыдущее письмо² ... мы, конечно, были ужасно напуганы. Вчера вернулся Р. Пиль³ и объяснил нам состояние дел.

1 ноября он созвал свой кабинет и представил ему отчеты членов комиссии по Ирландии – доктора Бэклэнда, доктора Плэйфэйра и доктора Линдли, касающиеся состояния урожая картофеля, половина которого сгнила, и никто не может гарантировать, что сохранится оставшееся. В Бельгии, Голландии, Швеции и Дании, где из-за болезни картофеля менее обеспеченные слои населения также были лишены своей привычной пищи, быстро были предприняты энергичные меры: открыты гавани, закуплено зерно и созданы запасы на случай роста цен⁴. Сэр Роберт предложил предпринять те же самые шаги в Англии и путем открытия портов подготовиться к отмене хлебных законов. Но его коллеги отвергли [предложение], и из всего кабинета только лорд Абердин⁵, сэр Джеймс Грэм⁶ и мистер Сидней Герберт⁷ голосовали вместе с ним. Сэр Роберт надеялся, что мнение остальных вскоре изменится, и поэтому отложил окончательное решение. Тем временем началась агитация Лиги борьбы за отмену хлебных законов, в каждом городе принимались декларации [в поддержку отмены хлебных законов], проводились митинги. «Таймс» – барометр общественного настроения – стала вдруг *горячо* (здесь и далее по тексту выделено автором меморандумов. – О. А., Н. К.) поддерживать отмену хлебных законов, заседания кабинета привлекли внимание, всеобщая паника охватила массы людей. Сэр Роберт снова созвал свой кабинет. Во время их совещаний лорд Джон Рассел⁸ обращается с посланием из Эдинбурга в Сити⁹.

Вся страна восклицает: хлебные законы обречены!

Вслед за этим сэр Роберт заявил своему кабинету, что ничто, кроме единодушия, не спасет дело, и настаивал на принятии решения.

Граф Баклей¹⁰ и лорд Стэнли¹¹ заявили, что не могут принять участие в процедуре отмены хлебных законов и поэтому должны уйти в отставку. Другие члены [кабинета], включая герцога Веллингтона¹², продемонстрировали готовность поддержать сэра Роберта, однако, как говорит последний, «явно неохотно и вопреки своим чувствам». После этого сэр Роберт решил оставить пост [первого] министра.

Когда он приехал сюда, он был явно взволнован и сказал мне, что расставание с нами – один из самых трудных моментов в его жизни,

«...но это необходимо, и если я ошибся, то из-за преданности и самого большого беспокойства не оставлять Ее Величество в столь трудный момент. Я должен был уйти, когда я впервые остался в меньшинстве в моем собственном кабинете. Тем не менее я старался сделать все от меня зависящее, но невозможно вернуть ушедшее время. Как только я увидел письмо лорда Джона, я почувствовал, что земля уходит у меня из-под ног, и что бы я сейчас ни предложил, все будет рассматриваться как продиктованная воля оппозиции, как принятие меры, предложенной лордом Джоном. 1 ноября вся страна была готова действовать, не было сомнений, все наблюдали за действиями правительства, но, увидев его колебания, страна сама приняла решение, и лорд Джон оказывается на высоте положения благодаря его ловкому ходу и недостатку единодушия с нашей стороны».

На мое замечание о том, что сэр Роберт имеет перевес в сто голосов в палате общин, и на вопрос о том, почему невозможна его дальнейшая работа в правительстве, он ответил:

«Герцог Баклей поведет за собой половину шотландских депутатов¹³, и позиция лорда Стэнли, лидера протекционистов в палате лордов, приведет к немедленному отступничеству значительной группы [тори-протекционистов], в число которой войдут даже члены двора Ее Величества. Герцогиня Баклей¹⁴, лорд Хардвиг¹⁵, лорд Эксетер¹⁶, лорд Риверс¹⁷, лорд Беверли¹⁸ и другие уйдут в отставку, и нам будет сложно найти тех, кто заменит их в палате общин, я уверен, я потерплю поражение, тори, землевладельцы и другие в ярости отвернутся от меня и объединятся с вигами и радикалами, которые скажут: “*Это наша задумка, и мы не позволим вам ее осуществить*”. Будет лучше, если я уйду сейчас, пока *никто не связал себя обязательствами* в пылу партийных споров, пока не сформированы фракции, не сделаны неосторожные заявления, так будет лучше для Ее Величества и для страны».

После того как мы изучили возможности короны, мы пришли к выводу, что лорд Джон – единственный человек, которому можно поручить сформировать кабинет. Лорд Стэнли со своим аристократическим происхождением вызвал бы восстания (или бунты), поводом для которых будет стремление заставить массы людей, крайне бедных, платить высокую цену за хлеб в интересах лендлордов.

Очень важно не допустить прямого противостояния палаты лордов, с одной стороны, и палаты общин и народных масс, с другой. Сэр Роберт правильно замечает:

«Я боюсь, что другие интересы окажутся в опасности в ходе борьбы вокруг хлебных законов. Система комплектования армии, законы об охране дичи и правилах охоты, [англиканская] церковь подвергнутся нападкам со стороны Лиги».

После того как Виктория, учитывая вышеизложенное, высказалась в пользу лорда Джона и спросила сэра Роберта: «Но как он будет руководить столь малым меньшинством?», сэр Роберт ответил: «У него будут трудности, и, возможно, он не до конца понимал, что он делает, когда писал то письмо, но я *поддержу его*. Я чувствую, что мой долг перед Вашим Величеством – не оставлять Вас без правительства. Даже если лорд Джон осуществит в полном объеме намерения, провозглашенные в том письме (в котором, я думаю, он заходит слишком далеко), я поддержу его в парламенте и использую все мое влияние в палате лордов, чтобы помешать им препятствовать его деятельности. Я сделаю больше, если он захочет этого. Я скажу, что увеличение расходной части бюджета, которое станет необходимо, – это моя идея и я несу ответственность за это».

Сэр Роберт намеревался дать мне меморандум, где он должен в письменном виде изложить свое обещание.

Он был глубоко взволнован и сказал, что «...не потеря власти (так как “я ненавижу власть”) и не потеря поста», который не был для него ничем, кроме головной боли, но «разрыв прежних отношений с королевой и со мной и потеря нашего общества» были для него утратой, которой нет равных. Тем не менее мы могли положиться на его готовность служить нам в том качестве и на том посту, где это будет нужно. Говорят, что лорд Абердин чувствует то же самое и так же глубоко переживает. Потеря двух столь достойных уважения людей, которые пользуются нашим абсолютным и искренним доверием в общественных и личных делах и всегда доказывали, что они настоящие друзья, наносит нам *глубокую рану*.

Альберт

Замок Виндзор¹⁹, 20 декабря 1845 г., 12 часов

Мы только что видели Джона Рассела, который явился для того, чтобы объяснить, почему он вынужден отказаться от поручения сформировать правительство. Он обратился с письменной просьбой ко всем своим коллегам поддержать его в этой попытке, в частности к лорду Грею²⁰, который ответил, что он может поддержать только такое правительство, которое обещает придерживаться принципов политики полной свободы торговли и отмены всех покровительственных пошлин, что у него есть свои собственные взгляды по «сахарному» вопросу (по которому он допускал признание труда рабов)²¹ и по «ирландскому» вопросу (его точка зрения – установить полное религиозное равенство), что он надеялся на то, что при формировании нового правительства личные убеждения не должны стоять на пути исполнения общественного долга.

Лорд Джон отвечал, что он выступает в защиту свободы торговли, но, так как вопрос о хлебных законах нужно было решить немедленно, он полагает, что лучше не усложнять его другими, которые вызовут враждебность, что «сахарный» и «ирландский» вопросы будут обсуждаться в кабинете, когда обстоятельства сделают это необходимым, и, в конечном счете, он полностью со всем согласен.

После этого лорд Грей продемонстрировал свое удовлетворение. Лорд Джон приступил тогда к обсуждению со своими коллегами специальных мер, которые должны быть предложены, и мистер Баринг²² решил, что он сможет подготовить финансовый проект, который удовлетворит требованиям лорда Ленсдауна²³ о помощи землевладельцам. Все они чувствовали, что их долг – откликнуться на просьбу королевы, хотя им очень не хотелось формировать кабинет в таких сложных обстоятельствах. Тогда лорд Джон начал распределять другие [министерские] посты. При встрече с лордом Пальмерстоном²⁴ он сказал ему, что королева считает, что его возвращение в Министерство иностранных дел может вызвать беспокойство в других странах, особенно во Франции, и что этот настрой заметнее всего в Сити, в этих обстоятельствах не может ли он предпочесть какое-нибудь другое назначение, например Министерство колоний? Лорд Пальмерстон заявил, что его нисколько не волнует его назначение и ему следует выразить только сожаление, что его назначение на должность каким-то образом затрудняет лорда Джона, что он всецело готов поддержать его, не бу-

лучи членом кабинета, но переход в другое министерство будет публичным признанием большинства несправедливых обвинений, которые были выдвинуты против него, и что на протяжении своей долгой карьеры он всегда проявлял стремление к миру, которое нарушил только один единственный раз в отношении Франции²⁵, но этот конфликт завершился, и никто сильнее него не убежден в необходимости поддержания дружеских отношений с этой державой. После этого лорд Джон сказал, что он не сможет сформировать правительство без него и продемонстрировал свое удовлетворение этим заявлением лорда Пальмерстона.

Вдруг лорд Грей, который слышал это, воскликнул: «Это было нарушением нашего соглашения», что *личные* соображения не должны мешать выполнению общественного долга и что он должен отказаться от поста в правительстве, так как он расценивает возвращение лорда Пальмерстона в Министерство иностранных дел как потенциальную угрозу миру в Европе. При таких обстоятельствах лорд Джон не мог сформировать правительство. Он зачитал нам длинное письмо лорда Грея, написанное с тем, чтобы королева могла лично прочесть его, в нем лорд Грей более подробно излагает свои доводы. Он [Рассел] закончил словами, что именно поэтому он снимает с себя ответственность за провал формирования кабинета.

Лорд Джон представил королеве письменное заявление с изложением причин, которые вынудили его отказаться от [формирования] правительства и позиции, которую он займет в парламенте (он был больше обеспокоен тем, что сэр Р. Пиль должен вернуться и успешно провести задуманные им мероприятия).

Назначения, которые предлагал лорд Джон:

лорд Пальмерстон – министр иностранных дел;

лорд Грей – министр колоний;

сэр Джордж Грей²⁶ – министр внутренних дел (позднее сэр Джордж стремился уйти из парламента и высказал пожелание поехать в Канаду в качестве генерал-губернатора);

мистер Баринг – министр финансов;

лорд Кларендон²⁷ – министр торговли (пост заместителя министра был предложен его брату мистеру Вильерсу²⁸, но в конце концов по его совету – мистеру Кобдену!!²⁹ Лорд Грей хотел, чтобы мистер Кобден стал членом кабинета!!! Это лорд Джон решил окончательно);

лорд Ленсдаун – лорд – председатель тайного совета.

Замок Виндзор, 20 декабря 1845 г.,
4 часа пополудни

Мы видели сэра Роберта Пиля, который был уведомлен сэром Джеймсом Грэмом (которому лорд Джон Рассел написал) обо всем, что произошло. Он был весьма удивлен и выразил свои сожаления по поводу неудачи лорда Джона в формировании правительства, [он] казался задетым тем, что лорд Джон не был уверен в искренности его (сэра Роберта Пиля) побуждений. Он бы поддержал лорда Джона в *любом* мероприятии, которое бы тот решил предложить, и многие бы последовали его примеру. Он осуждал недостаточного почтительное отношение к королеве, выразившееся в том, что он [Рассел] не выполнил ее просьбу с максимальной готовностью, он [Пиль] сказал, что это был совершенно неожиданный и не соответствующий Конституции шаг – просить неделю [для принятия решения] перед тем, как принять на себя обязательство по формированию правительства, и использовать это время для консультаций с людьми, которым монарх такого поручения не давал, и он [Пиль] был уверен, что это закончится именно так, когда совета спрашивали у такого большого количества людей. Он в 1834 г. был вызван из Италии³⁰, ехал в большой спешке, прибыл прямо к королю, сказал ему, что никого не видел и ни с кем не советовался, но немедленно поцеловал руку короля как его министр.

Сейчас он готов поддержать королеву, все другие соображения отброшены, ему придется преодолеть все трудности, он должен будет пойти один в палату общин. Он написал своим коллегам, что будет служить королеве, если она попросит его об этом, и он надеется встретиться с ними в девять часов вечера и расскажет им о своих намерениях. Тех, кто его не поддержит, он немедленно отправит в отставку. Он не хочет использовать никаких незаконных преимуществ и поэтому не воспользуется правом посоветовать [королеве] издать «королевский приказ в совете»³¹, [он] сразу пойдет в парламент, представит ему свой план и скажет: «Отклоните его, если хотите, вот он!»

Он назвал этот кризис одним из самых сложных, который сможет преодолеть только одна решимость.

Мы показали ему заявление лорда Джона Рассела, которым он остался полностью удовлетворен. Он посоветовал королеве написать

письмо лорду Джону, оповещая его о том, что сэр Роберт готов продолжить работу в правительстве, и [он] написал его черновик, который здесь представлен³².

Он слышал о странных случаях разногласий среди людей, которых лорд Джон собирал в городе.

Сэр Роберт выглядел глубоко взволнованным и сказал с большой теплотой: «Не существует такой жертвы, какую бы я не принес Вашему Величеству, кроме моей чести».

Замок Виндзор, 25 декабря 1845 г.

Вчера состоялось заседание [тайного] совета, на котором сессия парламента была отложена до 22 января, чтобы затем быстро справиться с делами. Перед этим лорд Стэнли был на аудиенции у королевы и подал в отставку. Он был сильно взволнован и сказал сэру Роберту, что очень боялся этой встречи. Королева поблагодарила его за службу и просила, несмотря на его отставку, сделать все возможное для преодоления трудностей, с которыми придется столкнуться ее правительству. На заседании [тайного] совета лорд Далхузи³³ занял свой пост, и мистер Гладстон³⁴ получил [пост] министра колоний. Королева встретила с герцогом Баклеем и поблагодарила его за преданность ей, которую он проявил при таких тяжелых обстоятельствах, то же самое было сказано герцогу Веллингтону, который был в великодушном расположении духа. На мои слова: «Вы обладаете таким влиянием на палату лордов, что сможете обеспечить их поддержку», он ответил: «Я сделаю все, сейчас же я начинаю писать и убеждать, в чем заключается их долг».

После этого мы видели сэра Роберта Пиля, который оставался более трех часов. Он в прекрасном расположении духа из-за того, что мистер Гладстон [стал министром], а герцог Баклей остался [на своем посту]; он предложил, чтобы герцог занял пост лорда – председателя [тайного совета], а лорд Хаддингтон³⁵ вместо него – пост лорда – хранителя печати (лорд Хаддингтон правильно поступил, предоставив свое назначение на усмотрение сэра Роберта, и сказал ему, что он может поступать с ним как захочет: отправить его в отставку, предоставить другой пост или оставить в Адмиралтействе, которое устраивает его больше всего).

Сэр Роберт намекнул лорду Рипону³⁶, что лорд Хаддингтон поступил правильно, хотя многого он не добился, но «что он сделал бы *почти* то же самое». Сэр Роберт предполагает встретиться с лордом Элленборо³⁷ с целью предложить ему Адмиралтейство, получив санкции королевы, так же как и в случае с лордом Сент-Джермансом (министр почт)³⁸, который становится членом кабинета. Я сказал: «С вашим правительством нет никаких затруднений, даже если бы у вас было сто членов кабинета, так как вы объясняете лишь то, что абсолютно необходимо, и следуете вашему собственному курсу». Он ответил, что будет очень огорчен, если мы вынуждены будем рассказать членам его кабинета, что он намеревался послать за лордом Элленборо. Мы не могли не противопоставлять такое ведение дел той покорности, которую лорд Джон продемонстрировал по отношению к своим людям. Только благодаря *своему* таланту и твердости сэр Роберт добьется несомненного успеха. Он сказал, что он решил не идти на всеобщие выборы с оковами, которые возложили на него предыдущие выборы, и он намеревался создать всю консервативную партию в конце следующей сессии и заявить им, что он не хочет предстать перед новым парламентом, связанным обещанием сохранить хлебные законы, которые нельзя далее сохранять, и что он сделает публичное заявление на эту тему перед следующими всеобщими выборами. Но этого может не получиться из-за событий, которые разворачиваются очень быстро, и у него нет другого выбора, кроме как заниматься хлебными законами до того, пока национальное бедствие не *заставит* его сделать это. В делах Лиги наблюдался значительный прогресс, и в ее распоряжении находились огромные средства. Если бы он подал в отставку в ноябре, то лорд Стэнли и протекционисты были бы готовы сформировать правительство, за чем, вероятно, последовала бы революция. Тогда им казалось, что было слишком поздно.

У сэра Роберта есть *великолепный план*: он думает, что ему удастся полностью вывести спор из опасной плоскости, в которой он развернулся [а именно]: «войны» промышленников, бедных и голодных, с одной стороны, и землевладельцев и аристократии, с другой, которая может завершиться только гибелью последних; он не будет выдвигать вперед меры в отношении хлебных законов, а [предложит] комплекс мероприятий. Он будет иметь дело со всей торговой системой страны. Он примет принцип Лиги: *ликвидировать все покровительственные пошлины и отменить все монополии*, но не в пользу одного класса

или для триумфа другого, но для блага всей нации – как фермеров, так и промышленников. Он начнет с хлопка и будет иметь дело с товарами первой необходимости в целом, в том числе и с зерном. Эксперименты, проведенные в 1842 и 1845 гг., смело, но осторожно выявили правильность этого принципа: пошлина на шерсть была отменена, и шерсть продавалась дороже, чем раньше, [ввоз] иностранного крупного рогатого скота был разрешен, и английский скот занял более прочное положение на рынке. Он не будет требовать компенсации для землевладельцев, но в любом случае он сможет дать ее и в то же время способствовать развитию общества. Например, одним из величайших благ для страны будет учреждение сельской полиции по тому же принципу, как и в столице. Если она будет финансироваться из централизованного государственного фонда, землевладельцы будут освобождены [от налогов] во всех графствах, которые содержат полицию. Одной из тяжелейших обязанностей для землевладельцев является существующая система обеспечения порядка и суда. Сэр Роберт предполагает значительно улучшить ее назначением государственного *прокурора*, что даст государству полномочия предотвращать затеянные без достаточных оснований неприятности, незаконные и аморальные судебные преследования и в значительной степени уменьшить расходы. Частичное поддержание бедных в соответствии с законом о бедных может быть взято на себя государством. Уже сейчас можно предвидеть огромное бедствие, когда [строительство] железных дорог, активно ведущееся сейчас, будет закончено, а это случится через несколько лет. Это приведет к массовой безработице. В связи с этим может быть принят закон, который обеспечит для них работу и улучшит положение в сельском хозяйстве и промышленном производстве страны, позволив государству предоставлять кредит крупным землевладельцам для улучшения их поместий, чего они не могли достичь никаким другим способом, как только повышая эксплуатацию своих поместий сверх того, что уже есть.

Сэр Роберт вместе с мистером Гладстоном намереваются вникнуть во все детали.

Альберт

¹ Одна из загородных резиденций королевы Виктории и принца Альберта. Расположена на острове Уайт. Постройка относится к первой трети XIX в. Здесь королева Виктория провела последние дни своей жизни. Сегодня Осборн-хаус является государственным музеем, открытым для посещения.

² См.: Peel R. – Victoria, 5 December 1845 // The Letters of Queen Victoria... P. 48. Р. Пиль пишет о своем намерении посетить королеву в Осборне и сообщить ей о причинах, которые заставили его подать в отставку.

³ *Сэр Роберт Пиль* (1788–1850), 2-й баронет – лидер партии тори в 1834–1846 гг, с 1809 г. – член парламента, премьер-министр в 1834–1835, 1841–1846 гг., в 1822–1827 гг. и 1828–1830 гг. – министр внутренних дел. В 1846 г. после долгой и упорной борьбы с оппозицией в своей партии провел отмену хлебных законов.

⁴ Ведущие европейские страны (Бельгия, Голландия, Швеция, Дания и др.) в середине 40-х гг. XIX в. пережили неурожай картофеля, который был вызван эпидемией картофельной болезни. В связи с тем, что картофель был основной пищей крестьян, беднейшие слои населения этих стран были фактически обречены на голодную смерть. Та же участь постигла Ирландию и угрожала Англии.

⁵ *Джордж Гамильтон Гордон Абердин* (1784–1860), 4-й граф – тори, с 1806 г. – член парламента, представитель Великобритании на Венском конгрессе в 1828–1830, 1841–1846 гг. – министр иностранных дел, в 1846–1852 гг. – лидер пилитов в палате лордов. В 1852–1855 гг. – премьер-министр, лидер либералов в палате лордов. Поддерживал Р. Пилья в его борьбе за отмену хлебных законов.

⁶ *Сэр Джеймс Роберт Джордж Грэм* (1792–1861), 2-й баронет – виг, с 1841 г. – тори, с 1818 г. – член парламента, в 1841–1846 гг. – министр внутренних дел. Ближайший советник Р. Пилья, оказавший ему поддержку в борьбе за отмену хлебных законов. С 1850 г. – лидер пилитов в палате общин.

⁷ *Сидней Герберт* (1810–1861), 1-й барон Герберт оф Ли – тори, с 1846 г. – пилит, с 1832 г. – член парламента, в 1845–1846, 1852–1855, 1859–1861 гг. – военный министр, в 1855 г. – министр колоний.

⁸ *Джон Рассел* (1792–1878), с 1861 г. – 1-й граф, виг, с 1813 г. – член парламента. В 1834–1855 гг. – лидер вигов в палате общин, в 1835–1839, 1855 гг. – министр внутренних дел, в 1839–41 гг. – министр по делам колоний, в 1852–1853 и 1859–1865 гг. – министр иностранных дел, в 1846–1852 и 1865–1866 гг. – премьер-министр. Лидер либералов в палате лордов в 1865–1868 гг. Выступал за отмену хлебных законов, но считал, что эта идея изначально принадлежала вигам и виги сами должны претворять ее в жизнь.

⁹ Имеется в виду знаменитое Эдинбургское письмо Д. Рассела от 22 ноября 1845 г., где содержится призыв к полной отмене хлебных законов.

¹⁰ *Уолтер Фрэнсис Скотт Квинсбери Баклей* (1806–1884), 5-й герцог – тори, в 1842–1846 гг. – лорд – хранитель печати, в 1846 г. – лорд – председатель тайного совета.

¹¹ *Эдуард Джордж Джеффри Смит Дерби* (1799–1869), 14-й граф – в 1844–1851 гг. носил титул лорда Стэнли, виг, с 1841 г. – тори, с 1820 г. – член парламента. Один из величайших ораторов, лидер консервативной партии в 1846–1868 гг., премьер-министр в 1852 г., 1858–1859 гг., 1866–1868 гг. В 1833–1834, 1841–1845 гг. – министр колоний.

¹² *Артур Уэлсли Веллингтон* (1769–1852), 1-й герцог – военный и политический деятель. В войнах против наполеоновской Франции командовал союзными войсками на Пиренейском полуострове (1808–1813) и англо-голландской армией при Ватерлоо (1815). В 1827–1852 гг. – главнокомандующий английской армией, с 1809 г. – член парламента, в 1828–1846 гг. – лидер тори в палате лордов, в 1828–1830, 1834 гг. – премьер-министр, в 1834–1835 гг. – министр иностранных дел, в 1841–1846 гг. –

министр без портфеля. Поддержал линию Р. Пиля в отношении отмены «хлебных» законов.

¹³ *Герцог Баклей* принадлежал к старинному шотландскому роду, ведущему свое происхождение с XIII в.

¹⁴ *Герцогиня Баклей* – супруга герцога Баклея, исполнявшая в 1841–1846 гг. при дворе должность правительницы гардеробной.

¹⁵ *Чарлз Филип Йорк Хардвик* (1799–1873), 4-й граф – адмирал, тори, с 1831 г. – член парламента, в 1841–1846 гг. занимал придворные должности, в 1852 г. – министр почт, в 1858–1859 г. – лорд – хранитель печати.

¹⁶ *Б. Сесил Эксетер* (1795–1867), 2-й маркиз – тори, в 1841–1846 гг. занимал придворные должности.

¹⁷ *Г. Питт Риверс* (1810–1866), 4-й барон – тори, с 1846 г. – пилит, в 1841–1846, 1853–1858, 1859–1866 гг. занимал придворные должности.

¹⁸ *Г. Перси Беверли* (1778–1867), 2-й граф – с 1865 г. – 5-й маркиз Нортумберленд, тори, в 1842–1846 гг. – капитан лейб-гвардии.

¹⁹ Замок в городе Виндзор (современное графство Беркшир) западнее Лондона, начал строиться при Вильгельме I Завоевателе (1066–1087), резиденция английских королей до настоящего времени. На территории замка находится вторая по значению (после Вестминстерского аббатства) усыпальница английских королей. Там же похоронены королева Виктория и принц Альберт.

²⁰ *Генри Джордж Грей* (1802–1894), 3-й граф – виг, с 1826 г. – член парламента, в 1835–1839 гг. – военный министр, в 1846–1852 гг. – военный министр и министр колоний.

²¹ В 30–40-е гг. XIX в. в английских вест-индских колониях производство тростникового сахара находилось в упадке в связи с истощением почв и конкуренцией свекличного сахара. Землевладельцы вест-индских колоний связывали этот кризис с отменой рабства (1833) и удорожанием рабочей силы. Для повышения своих доходов они требовали вновь вернуться к системе рабовладения.

²² *Френсис Торнхилл Баринг* (1796–1866) – с 1866 г. – 1-й барон Нортбрук, с 1826 г. – член парламента, в 1839–1841 гг. – министр финансов, в 1849 – 1852 гг. – 1-й лорд Адмиралтейства.

²³ *Генри Петти-Фитцморис Лэнсдаун* (1780–1863), 3-й маркиз – с 1802 г. – член парламента, в 1806–1807 гг. – министр финансов, в 1827–1828 гг. – министр внутренних дел, в 1830–1834, 1835–1841, 1846–1852 гг. – лорд – председатель тайного совета, в 1842–1852 гг. – лидер вигов в палате лордов.

²⁴ *Генри Джон Темпл Пальмерстон* (1774–1865), 3-й виконт – тори, с 1831 г. – виг, в 1807 г. – член парламента. В 1855–1858, 1859–1865 гг. – премьер-министр. Лидер либералов в палате общин в 1855–1865 гг.; в 1830–1834, 1835–1841, 1846–1851 гг. – министр иностранных дел.

²⁵ Лорд Пальмерстон имеет в виду второй турецко-египетский конфликт (1838–1840). В 1838 г. Англия добилась от Османской империи заключения выгодного для себя торгового договора и требовала распространения его на Египет. Но наместник Египта Мухаммед Али, осуществлявший независимый экономический курс и поддерживаемый Францией, отказался признать этот договор. В ответ султан Махмуд II объявил Мухаммеда Али мятежником и начал против него военные действия, завершившиеся разгромом турецких войск. Новый султан Абдул-Меджид был готов пойти

на уступки. В такой ситуации Англия сформировала коалицию европейских держав в помощь султану и начала военные действия против Египта. Франция, оставшись в изоляции, не могла помочь Мухаммеду Али, который вынужден был капитулировать и принять все требования султана и Англии.

²⁶ *Сэр Джордж Грей* (1899–1882), 2-й баронет – виг, в 1841, 1859–1861 гг. – канцлер герцогства Ланкастерского, в 1846–1852, 1861–1866 гг. – министр внутренних дел, в 1854–1855 гг. – министр колоний.

²⁷ *Джордж Уильям Фредерик Вильерс Кларендон* (1800–1870), 4-й граф – виг, в 1840–1841 гг. – лорд – хранитель печати, в 1846–1847 гг. – министр торговли, в 1853–1858, 1865–1866, 1868–1870 гг. – министр иностранных дел.

²⁸ *Чарлз Пелхэм Вильерс* (1802–1899) – либерал, с 1835 г. – член парламента, в 1859–1866 гг. – председатель совета по законодательству о бедных.

²⁹ *Ричард Кобден* (1804–1865) – один из лидеров «манчестерских либералов» и основателей Лиги борьбы против «хлебных» законов (1839), с 1841 г. – член парламента.

³⁰ После отставки лорда Мельбурна в 1834 г. Вильгельм IV предложил сформировать правительство герцогу Веллингтону. Герцог Веллингтон согласился с условием, что будет исполнять обязанности премьер-министра до прибытия Р. Пилля, единственного в партии тори, кто обладал достаточным авторитетом для формирования дееспособного правительства (Р. Пиль в это время находился на отдыхе в Италии, откуда срочно был вызван в Англию).

³¹ *Королевский приказ в совете* – законодательный акт, который монарх издает без согласия парламента с целью назначения даты открытия или роспуска парламента, даты всеобщих выборов и т. д. Использование такого рода закона в ситуации конфликта между парламентаскими партиями противоречило конституционной традиции.

³² См. письма королевы: Victoria – Lord John Russel // *The Letters of Queen Victoria*... Р. 62.

³³ *Джеймс Эндрю Броун Рэмси Далхузи* (1812–1860), 10-й граф и 1-й маркиз – тори, с 1837 г. – член парламента, в 1845–1846 гг. – министр торговли, в 1847–1856 гг. – генерал-губернатор Индии.

³⁴ *Уильям Юарт Гладстон* (1809–1898) – тори, с 1846 г. – пилит, с 1865 г. – либерал, с 1832 г. – член парламента, в 1843–1845 гг. министр торговли, в 1845–1846 гг. – министр колоний, в 1852–1855, 1859–1866, 1873–1874, 1880–1882 гг. – министр финансов. Лидер либералов в палате общин в 1865–1875 и 1880–1894 гг. В 1868 г. был избран лидером либеральной партии. Премьер-министр в 1868–1874, 1880–1885, 1886, 1892–1894 гг.

³⁵ *Томас Гамильтон Мелроз Хаддингтон* (1780–1858), 9-й граф – тори, с 1802 г. – член парламента, в 1841–1846 гг. – 1-й лорд Адмиралтейства, в 1846 г. – лорд – хранитель печати.

³⁶ *Фредерик Джон Робинсон Рипон* (1782–1859), 1-й граф – тори, в 1827–1828 гг. – премьер-министр, в 1818–1823, 1841–1843 гг. – министр торговли, в 1843–1846 гг. – председатель контрольного совета по делам Индии.

³⁷ *Эдуард Ло Эленборо* (1790–1881), 1-й граф – тори, с 1813 г. – член парламента, генерал-губернатор Индии в 1842–1844 гг., в 1828–1830, 1834–1835, 1841, 1858 гг. – председатель контрольного совета по делам Индии, в 1846 г. – первый лорд Адмиралтейства.

³⁸ *Е. Г. Элиот Сент-Джерманс* (1798–1877), 3-й граф – тори, с 1846 г. – пилит, в 1845–1846 гг. – министр почт, в 1853–1855 – лорд-лейтенант Ирландии.

ВОСПОМИНАНИЯ О ВОЙНЕ 1778 ГОДА**Из сочинений Фридриха II Гогенцоллерна**

Предисловие, перевод и комментарии Ю. Е. Комлевой

XVIII век стал переходным этапом в эволюции системы международных отношений Нового времени. Уходили в прошлое средневековые каноны, в которых династический фактор играл вне всякого сомнения определяющую роль. Этот век прошел под знаком войн за династическое наследство: война за испанское наследство (1700–1713/14), война за польское наследство (1733–1739), война за австрийское наследство (1742–1744; 1744–1748) и, наконец, война за баварское наследство (1778–1779). На первое место медленно, но верно выходил национально-государственный интерес, что со всей очевидностью уже проявилось в наполеоновских войнах конца XVIII–XIX в.

Вестфальская система международных отношений претерпевала глубокую трансформацию на протяжении XVIII в. в связи с укреплением позиций Англии, России и, не в последнюю очередь, Пруссии. Династия Гогенцоллернов сумела прямо или косвенно использовать войны за наследство некогда могущественных европейских династий. Цель внешней политики Пруссии на протяжении всего XVIII в. заключалась в объединении разрозненных владений династии в единое целое. Это рассматривалось Гогенцоллернами как создание противовеса Австрии в германских землях, как неперемненное условие превращения Пруссии в могущественное европейское государство.

В отечественной историографии Баварская война практически не изучена. Впервые Ф. Кони в работе «История Фридриха Великого» описывает ее лишь вкратце*. Небольшая статья посвящена этой войне во втором томе энциклопедии Брокгауза и Ефрона**. Общие учебники по истории Германии, современные отечественные исследования ограничиваются лишь упоминанием о ней***. Насколько позволяют судить изученные работы зарубежных историков, этой проблеме также не уделено достаточного внимания.

* См. об этом: *Кони Ф.* История Фридриха Великого. СПб., 1844.

** См.: *Кареев Н.* Бавария // Энциклопедический словарь / Под ред. И. Е. Андреевского. Пт. 4. СПб.: Семеновская типолитография И. А. Ефрона, 1891. С. 616–640; *Он же.* Баварская война за наследство // Там же. С. 640–641.

*** См.: История Европы. Т. 4. М., 1989; *Кареев Н.* История Западной Европы в новое время. Т. 3. СПб., 1908. С. 329–340; *Монархи Европы: Судьбы династий.* М., 1996; *Петров М.* Лекции по всемирной истории. Т. 4. СПб., 1905. С. 97–108; *Туполев Б. М.* Фридрих II, Россия и первый раздел Польши // Новая и новейшая история. 1997. № 5, 6.

Как правило, баварским событиям 1778–1779 гг. отводится всего несколько страниц*.

Баварскую войну часто называют «войной без единого выстрела», «картофельной войной», ей не придается большого значения из-за непродолжительности военных действий и их локального характера. Действительно, результаты этой войны не повлекли за собой серьезных территориальных изменений. Но если рассматривать «баварское дело» в качестве очередного шага Пруссии реально противостоять Австрии, где уже просматривается борьба между великогерманским и малогерманским путями объединения, то события 1778–1779 гг. обретают иной смысл и представляют значительный интерес для исследователя.

30 декабря 1777 г. со смертью курфюрста Максимилиана Иосифа Баварского угасла младшая (Людвигова) линия Виттельсбахов. Права на Баварию, богатую и процветавшую землю, согласно семейному договору, заключенному в Павии в 1329 г., должны были перейти к главе старшей (Рудольфовой) линии, к курфюрсту Пфальцскому Карлу Теодору. Чтобы обеспечить свои права на наследство, оспариваемые Саксонией, Мекленбургом и Австрией, Карл Теодор заключил 3 января 1778 г. соглашение в Вене, по которому всю Нижнюю Баварию и некоторые другие области уступил Австрии взамен на признание за ним права на все остальное наследство.

Против такого расширения австрийских владений, грозившего поставить всю Южную Германию в подчинение императорскому дому, выступил Фридрих Великий, усмотрев в этом опасность для своих наследственных притязаний на Ансбах и Байройт. Так как его посланник, граф Герц, ничего не мог добиться от курфюрста Карла Теодора, то король уговорил ближайшего по правам наследства потомка мужского пола курфюрстской фамилии, герцога Цвайбрюккенского, заявить протест против договора об уступке земель Австрии.

С другой стороны, Фридрих настаивал в официальной переписке с венским двором на том, чтобы Австрия представила свои притязания на рассмотрение общеимперского рейхстага, а до принятия последним окончательного решения очистила бы занятые австрийскими войсками баварские области.

* См., например: *Carlyle T.* The History of Frederick II of Prussia, Called Frederick the Great. L., 1974; *Dubois P.* Frederic le Grand d'apres sa correspondance politique. P., 1903; *Koser R.* Geschichte Friedrichs des Grossen. B., 1893–1903; *Kugler F.* Geschichte Friedrichs des Grossen. Leipzig, 1856; *Mirabeau.* De la monarchie prussienne sous Frederic le Grand. Londres, 1788; *Mitterzwei I.* Friedrich von Preussen: Eine biographie. B., 1980; *Palmer A.* Frederick the Great. L., 1974; *Preus J. D.* Friedrich der Grosse: Eine Lebensgeschichte. Neudr.-Osnabrück, 1832–1834; *Idem.* Friedrichs des Grossen Jugend und Thronbesteigung. S. l., 1840; *Idem.* Friedrich der Grosse als Schriftsteller. S. l., 1837; *Thiebault.* Frederic le Grand. P., 1804; *Лависс Э.* Очерки по истории Пруссии. М., 1915.

Притязания Австрии основывались на дарованной императором Сигизмундом в 1426 г. герцогу Альбрехту Австрийскому жалованной грамоте на Нижнюю Баварию, подлинность которой многими оспаривалась. Иосиф II был склонен отстаивать занятые им области силой оружия, но Мария Терезия хотела избежать войны. Она объявила, что готова отказаться от всякого увеличения австрийских земель за счет Баварии, если Пруссия со своей стороны обязется не присоединять бурграфство Нюрнберг к своей короне, – предложение, которое было сделано в расчете, что оно будет отклонено Фридрихом.

Война казалась неизбежной. Австрийские войска под командованием Ласси и Лаудона стянулись к границам Силезии и Саксонии, прусские войска выступили под командованием Фридриха II и его брата Генриха. К Фридриху присоединился саксонский курфюрст Фридрих Август III, который, будучи сыном единственной дочери Максимилиана Иосифа, предъявил требование на все его территориальное наследство. Несмотря на то, что прусские войска перешли границу Богемии, обе стороны не были намерены доводить дело до открытого разрыва. В течение 1778 г. происходили небольшие стычки между войсками и стратегические передвижения, а зимой пруссаки покинули Богемию и отступили на зимние квартиры в Саксонию и Силезию. Сам Карл Теодор все это время играл роль безучастного зрителя. Только когда Австрия, кроме уступленных ей областей, овладела еще двадцатью одним населенным пунктом, он запротестовал и потребовал строгого соблюдения статей договора.

Переговоры в рейхстаге и в Вене долгое время не приносили никаких плодов. В декабре 1778 г. императрица Екатерина II пригрозила вмешательством России в дела Австрии, Мария Терезия предложила пригласить Россию и Францию в качестве посредников. 18 мая 1779 г. в Тешене был заключен мирный договор на следующих условиях:

1. За Пруссией признавались наследственные права на Ансбах и Байройт.
2. Карл Теодор получил всю Баварию, за исключением Иннской четверти, которая отошла к Австрии.
3. Саксония получила Шенбург и четыре миллиона флоринов, которые должен был выплатить Карл Теодор.
4. Установлен порядок наследования баварских земель: после смерти Карла Теодора они переходили к наследникам по линии Карла Цвайбрюккенского.

В 1785 г. Иосиф II сделал еще одну попытку оккупировать Баварию, в результате чего возник Союз немецких князей. Хотя в той ситуации Союз не мог быть прочным, тем не менее это закладывало основу совершенно новой расстановки сил в империи. Германия постепенно освобождалась от служения интересам династии Габсбургов, а Гогенцоллерны становились представителями национальных устремлений немецкого народа.

Фридрих II Великий оставил воспоминания о войне 1778 г., написанные сразу же после ее окончания. Это сочинение прусского короля никогда ранее на русский язык не переводилось. Ниже помещен начальный отрывок «Воспоминаний о войне 1778 г.»*, в котором Фридрих II описывает состояние международных дел накануне войны и начало боевых действий. Это дает нам уникальную возможность исследовать данный исторический источник и получить представление о позиции Фридриха II в ходе борьбы за баварское наследство и положении дел в Германии в 70-е гг. XVIII в.

Показав, как произошел раздел Польши между Россией, Австрией и Пруссией, мы полагали, что это было последнее примечательное событие времен правления короля¹**, между тем судьба, не следующая человеческим предсказаниям, распорядилась по-другому. Внезапная смерть князя, не казавшаяся ни близкой, ни очевидной, вдруг нарушила спокойствие, которым наслаждалась Европа. Курфюрст Баварский подхватил ветряную оспу, и новость о его кончине, воспринятой как избавление, возродила надежду у всех тех, кто был в ней заинтересован. Таким образом, война становилась практически неизбежной, так как было известно, что имперский двор и молодой император Иосиф вынашивали план вторжения в Баварию после смерти курфюрста². Это намерение было задумано еще императором Францем³, который, чтобы создать видимость справедливости, женил своего сына на сестре курфюрста Баварского, дабы получить право притязать на наследование земель этого курфюршества, но принцесса умерла бездетной, и этот довод больше не действовал⁴. Имперский двор, не имевший ни очевидных, ни законных оснований претендовать на это курфюршество, использовал подлинные древние документы и право сюзеренитета баварских ленов, которое думал получить таким же образом, как Богемию⁵. Они заранее привлекли на свою сторону советников курфюрста Пфальцского⁶ и самого князя, которому они обещали удачно пристроить его внебрачных детей, если он поступит своими законными наследниками, во главе которых находился князь Дюпон⁷. Как только стало известно о смерти баварского курфюрста, в Вене был созван совет, император предложил начать вторжение

* *Memoires de la guerre de 1778 // Œuvres Posthumes de Frederic II Roi de Prusse. Vol. 5(9). В., 1788. P. 185–290.*

** См. затекстовые комментарии переводчика.

в Баварию, королева-императрица нехотя согласилась на столь дерзкий шаг, или, скорее, поддалась на уговоры графа Кауница⁸, который уверял, что это не повлечет за собой последствий и что подавленная, вялая Европа не станет препятствовать столь смелому предприятию, которое было затеяно.

Сразу же готовятся к бою шестнадцать батальонов, двадцать эскадронов и восемьдесят пушек. Курфюрст Пфальцский, находившийся в Мюнхене, побледнел при этом известии и подписал соглашение, по которому уступал по настояниям австрийцев две трети Баварии. Эта возмутительная новость распространилась повсюду. Император потому столь явно не скрывал своих планов, что Европа не осуждала проявлявших подобное честолюбие. На эту кризисную ситуацию следовало оказать какое-нибудь воздействие: либо резко воспротивиться такому ходу событий, который перешел бы все границы, если его не остановить, либо всем князьям империи отказаться от своих прав на независимость, поскольку, оставаясь в бездействии, немецкие княжества молчаливо соглашались с тем, что император самовластно распоряжался переходившим из рук в руки наследством, желая присвоить его себе, он шел на нарушение основных законов, соглашений, братских союзов и привилегий, гарантировавших права князей на их владения. Видя все гибельные последствия этого, король должен был вмешаться, но, прежде чем прибегнуть к решающим средствам, он сделал необходимые приготовления: нужно было, чтобы князь Дюпон выразил свое несогласие по поводу Мюнхенского договора, чтобы Саксония попросила помощи короля в получении наследства⁹, но самое главное, выведать намерения версальского и петербургского дворов, понять, что они об этом думают, и знать, чего можно ожидать с их стороны. Курфюрст Саксонский первым обратился к королю после своей напрасной просьбы, направленной венскому двору, который из-за своей надменности не удостоил его даже ответом, так как уже почти полностью обобрал курфюрста Пфальцкого¹⁰ и тот уже не мог удовлетворить требования Саксонии и отдать ей часть земель из баварского наследства. Венский двор, действовавший, впрочем, неосмотрительно, пренебрег необходимостью подтвердить права князя Дюпона, законного наследника курфюрста Пфальцкого, чье восшествие на престол было совершенно необходимо для вступления в силу Мюнхенского договора. К тому же венский двор относился к этому

делу со столь малой осторожностью и секретностью, что все его шаги были известны на протяжении всех десяти лет, которые оно заняло. Это заставило короля отправить графа Герца инкогнито в Мюнхен, куда он прибыл вовремя, чтобы спасти князя Дюпона от гибели, на краю которой он находился¹¹. Граф Герц объяснил ему, что он ничего не выиграет от признания дядиного соглашения, в то время как, возражая против этого акта, он сохранит возможность вернуть себе часть земель, переданных курфюрстом Пфальцским Австрии.

Разумность этого совета оказала влияние на молодого князя, и вскоре он опротестовал соглашение и в то же время обратился к королю с просьбой о поддержке и помощи. Теперь это дело стало принимать законную форму. Берлинский двор, взявший на себя обязанность блюсти интересы саксонского курфюрста и князя Дюпона, нашел достаточно причин, чтобы начать переговоры с венским двором относительно баварского наследства. Это были политические перепалки, которые дали время основательно разузнать, какие решения приняла Франция и что думали в Петербурге. Якобы ни о чем не зная, мы потребовали от венского двора разъяснений тех прав, которые позволили им претендовать на Баварию, мы подвергли эти права сомнению, мы сослались на государственное право, на то, что законы и обычаи противоречили этим претензиям, мы напомнили об определенных статьях Вестфальского соглашения, которые устанавливали порядок наследования, и, таким образом, мы поставили имперский двор в тупик, тем более что им, захваченным врасплох неожиданной смертью курфюрста Баварского, не хватило времени представить более основательные оправдания для своего захвата, к тому же их аргументы были столь слабы и несостоятельны, что мы легко их опровергли¹².

В ситуации столь важного конфликта король был гораздо более обеспокоен позицией могущественных держав, чем позицией австрийцев. Франция была связана с Австрией Версальским договором, согласовывал ли с ней император свои действия? Может быть, он пообещал ей уступить земли во Фландрии, если она позволит захватить Баварию?¹³ Предпочла бы Франция Версальское соглашение обязанности охранять Вестфальский договор?¹⁴ Наконец, вследствие известной распри, осталась бы она нейтральной или стала бы помогать Австрии? Крайне важно было иметь точные сведения по всем этим вопросам, чтобы не ввязаться в дело, не предусмотрев его последствий.

Все эти вопросы были последовательно развернуты в Версале; известно, что правительство в душе не одобряло поведения австрийцев, заботами французской королевы, дочери Марии Терезии¹⁵, оно не выступило бы против императора, но и не отреклось бы от соблюдения гарантий Вестфальского мира. Это значило бы, что Франция объявляла о сохранении нейтралитета – довольно скромная, казалось бы, роль для такой великой державы, которая во времена Людовика XIV приковывала к себе взгляды потрясенной Европы, но для подобной позиции имелись основательные причины. Бремя огромных долгов, взваленных на королевство, увеличиваясь, грозило ему банкротством, возраст господина де Морепа¹⁶, который достиг шестидесяти пяти лет, отвращение, которое питал французский народ к войне в Германии, усилившееся из-за дурной славы, приобретенной французской армией в ходе последних кампаний против союзников, которых возглавлял князь Фердинанд Брауншвейгский¹⁷, соглашения, заключенные Францией с английскими колониями в Америке¹⁸, обязавшие ее поддерживать их борьбу за независимость, и это в тот момент, когда Франция решила объявить Великобритании войну на море. Для вооружения стольких кораблей были задействованы все сферы. Все деньги, которые давала промышленность, шли на строительство флота, и ни на что другое денег не оставалось. Заботы этого государства не мешали его правительству с грустью понимать, что дерзкий шаг молодого императора ведет к деспотизму. Император хотел сделать Баварию проходом к Эльзасу и Лотарингии, в то же время он рассчитал путь к Ломбардии, – проект, осуществления которого боялся король Сардинии¹⁹ и по поводу которого направлял горькие жалобы во Францию. Все эти размышления, все эти мотивы, кратко здесь изложенные, склонили версальский кабинет к благосклонному отношению к королю Пруссии, поскольку они были очень рады, что какая-то сила может быть противопоставлена непомерным амбициям молодого императора, который мог довольно далеко продвинуть свои планы по увеличению территории, если его не остановить в самом начале его пути. Франция хотела, не вмешиваясь сама, устроить дело так, чтобы два наиболее могущественных немецких князя ослабили друг друга.

Таково было положение дел при версальском дворе, с чем нужно было считаться. Оставалось очень внимательно рассмотреть, каково было отношение к нему петербургского двора. Русская императрица

была союзницей короля Пруссии, но она находилась на пороге новой войны с Портой, что ее беспокоило и лишало возможности выполнить свои обязанности по отношению к Пруссии. Легко было предвидеть, что австрийцы пойдут на хитрость, чтобы форсировать вражду между русскими и турками, что отвлекло бы петербургский двор, помешало бы предоставить помощь пруссакам и дало бы таким образом хорошую возможность императору осуществить свои грандиозные намерения. Пруссакам было важно опередить венский двор и расстроить интриги, которые они собирались затеять в Константинополе.

Это заставило короля в конце концов обратиться к посредничеству Франции в делах Порты.

Версальский двор за это взялся, и дальнейшее описание событий покажет, что их хлопоты не прошли безрезультатно. В переговорах французам оказало содействие чудовищное бедствие – страшная чума, которая поразила население Константинополя и произвела ужасные опустошения, проникнув в стены сераля и заставив султана²⁰ укрыться в загородном доме вдали от столицы. Столь огромное всеобщее несчастье внушило этому народу довольно миролюбивые чувства, что умерило суетный, беспокойный характер Хасана Баши, великого адмирала Порты, который и был истинным зачинщиком войны, задуманной султаном против России, – вот что расчистило путь миротворческой деятельности французов. Хотя предпринятые меры устранили много препятствий, тем не менее оставались еще и другие трудности, которые нужно было убрать, чтобы путь был окончательно открыт. Эти трудности шли от русских министров, которые имели малое представление о германской системе либо же вообще такового не имели. При всем этом петербургский двор убедился в незаконности действий императора и понял, что этот князь, который не достоин находиться во главе империи, стремится к единовластию.

Таким образом, переговоры велись при всех европейских дворах, пока в Вене не догадались, благодаря мемуарам, представленным бароном Ридзелем на имя Пруссии, что по поводу баварского наследства в Берлине господствуют убеждения, прямо противоположные тем, которые существуют при имперском дворе. Подозревая, что дело может перерасти в открытое столкновение, они приняли решение в начале марта сосредоточить свои войска в Богемии²¹. А поскольку столь многочисленная армия собиралась на границе провинции,

государственная безопасность требовала равной расстановки сил, чтобы не нарушать законы соседей. Эти соображения заставили короля начать мобилизацию своих войск для формирования двух армий по восемьдесят тысяч человек. Одной из них, под командованием принца Генриха²², было приказано собраться поблизости от Берлина, чтобы, будучи в пределах досягаемости, суметь быстро соединиться с саксонцами в случае, если император попытается вторгнуться в Саксонию. Другая армия, командование которой решил взять на себя сам король, сосредоточивалась в Силезии.

Его Величество выехал из Берлина 4 апреля в Бреслау, откуда направился во Франкенштейн, куда в тот же день прибыли силезские войска. Здесь он сформировал корпус в тридцать тысяч человек, который должен был составить оборону, выигрывая время и ожидая, пока к нему не присоединятся пруссаки, померанцы и отряды из провинции Марш. С этой целью был построен укрепленный лагерь в графстве Глац на высотах Пушковица, который слева был прикрыт пушками крепости и отделен водами реки Штейны, на которой посредством шлюза была создана запруда.

Пока мы были заняты этими приготовлениями, прибыл курьер от императора, привезший письма для короля²³. Они содержали общие расплывчатые фразы о желании сохранять мир и как-нибудь договориться обо всем. Король ему ответил со всей надлежащей вежливостью, намекая императору, что, когда у него не было претензий на Баварию, он имел полное право сохранять мир и что его воздержанность делала ему такую честь, которую не сделали бы ему самые блестящие победы. Вскоре снова прибыл курьер с другим письмом, в котором император хотел доказать свои права.

Доказательства были опровергнуты аргументами, извлеченными из феодального права фамильных соглашений и Вестфальского соглашения; наконец, за двумя предыдущими курьерами последовал третий. Император, сделав вид, что идет на уступки, предложил провести переговоры, возложив их на графа Кобенцля²⁴, венского посланника в Берлине. Король отлично понимал, что император хочет выиграть время, чтобы мобилизовать все войска в Богемии, укрепить посты, которые он намеревался занять, и собрать конную артиллерию, возимое имущество и продовольствие, которого не хватало его армии, но, так как важно было проявить сдержанность в этом деле, чтобы

не шокировать Францию и Россию, король согласился на эти переговоры, хотя ему было лучше знать, дадут ли они хоть какое-нибудь решение проблемы.

Австрийцы выдвинули все свои несостоятельные доводы, которые были решительно отклонены прусскими посланниками... Наконец, чтобы прекратить бесплодные прения, пруссаки выдвинули ультиматум, что если австрийцы не согласятся вернуть основную часть Баварии курфюрсту Пфальцскому, то они почтут этот отказ за объявление войны. Именно этого и хотел император: он стремился показать, что он независим от своей матери императрицы тем, что командовал войсками, а также дерзким своим поведением, которое, как он надеялся, принесет ему успех, тем не менее дальнейшее развитие событий показало, что его махинации не были ни законными, ни точно рассчитанными. Его ненавидела знать, которая обвиняла его в стремлении принизить ее положение.

К 4 мая армии, как силезская, так и саксонская, были сформированы; берлинские переговоры были прерваны 4 июля, а 6-го все войска, красуясь, выступили в поход. Чтобы лучше засекретить свои намерения, силезскую армию расквартировали углом от Рейхенбаха до Франкенштейна и Нейссе. Благодаря этой позиции оставалось маловероятным, чтобы противник смог догадаться, направятся ли силы короля в Моравию или Богемию. Имперская армия имела корпус в тридцать тысяч человек в Моравии под командованием князя Тешенского. Этот корпус укрепился под Хейдепильцем на берегу Моравы, чтобы закрыть Ольмюц. Армия императора расположилась за Эльбой в неприступных укреплениях от Кенигсгреца до городка Арнау. Корпус маршала Лаудона²⁵ в сорок-пятьдесят тысяч человек охранял посты в Рейхенсберге, Габеле и Шлюкенау по направлению к Лужачу, большая часть его людей находилась между Лётмерицем, Ловозицем, Дуксом и Теплицем. План кампании, составленный королем, сильно отличался от того, который ему пришлось приводить в действие. Он предполагал вести войну в Моравии, оставить приблизительно двадцать тысяч человек, чтобы отрезать графство Глац и проходы из Ландсгута, обойти Хейдепильцкий мост (это было возможно), завязать бой с австрийцами и в случае победы направить подразделение в двадцать тысяч человек в тыл Моравии прямо к Пресбургу, где бы они захватили мост через Дунай, отрезали имперскую армию от продовольствия, которое она получала из Венгрии, и, совершая набеги

по направлению к Вене, вынудили бы двор в целях собственной безопасности отозвать часть войск на другой берег Дуная, чтобы защитить столицу, и, что главное, ослабление богемских армий дало бы прекрасный шанс принцу Генриху и облегчило бы выполнение всех операций кампании.

Как бы ни выгоден был этот план, король был вынужден от него отказаться по следующим причинам: во-первых, в Моравии оставалось около десяти тысяч австрийцев; последние, под командованием князя Тешенского, примкнули к императору после Яромирса. Из этого следовало, что если бы король вторгся в Моравию с шестьюдесятью тысячами человек, то армия императора в восемьдесят тысяч солдат попыталась бы совершить диверсию в Нижнюю Силезию, по сравнению с ней войска под командованием генерала Вунша были слишком малочисленны, чтобы оказать сопротивление, это бы вынудило короля отказаться от похода в Верхнюю Силезию и отправиться на защиту графства Глац и гор Ландсгута; во-вторых, главная причина, которая толкнула на вторжение в Богемию, заключалась в том, что курфюрст Саксонии боялся, как бы австрийцы не вторглись на его земли и не захватили Дрезден, прежде чем пруссаки придут ему на помощь. Нужно было помешать императору осуществить этот шаг в том случае, если он на него решится, потому что это могло закончиться тем, что подавленного курфюрста Саксонского вынудили бы перейти на другую сторону или по крайней мере перенесли театр военных действий в Богемию, мы же по оплошности расположились в Саксонии. Стало быть, королю следовало отправиться в Богемию со своими главными силами, чтобы встретиться лицом к лицу с императором и помешать укреплению корпуса маршала Лаудона, который без подмоги был слишком слаб, чтобы противостоять атакам принца Генриха, но, с другой стороны, мы не могли оставить Верхнюю Силезию незащищенной: нужно было противостоять войскам генерала Эллерихшаузена, который находился в лагере под Хейдепильцем за Моравой. На это задание были поставлены господа Штуттергейм и Вернер примерно с десятью тысячами человек. Вот так появился богемский план. Силезская армия вторглась в графство Глац, авангард занял важный пост под Рашбергом, откуда направился к Находу, остальная армия следовала в арьергарде; 7 июля король произвел рекогносцировку во главе пятидесяти эскадронов драгун и гусаров.

Чтобы составить четкое представление о позиции противника, следует знать, что австрийцы довольно основательно укрепились под городом Кенигсгрецем, потому что только он мог выдержать осаду в несколько недель, чему главным образом способствовало слияние рек Адлера и Эльбы, между которыми они построили запруды, из которых было трудно спустить воду. Город закрывал их лагерь справа. Там, на Эльбе возле Кенигсгреца, расположились корпус гренадеров и кое-какая кавалерия в оборонительных сооружениях, которые больше походили на укрепленный город, чем на военные окопы. От Семоница до Шурца растянулся другой корпус примерно в тридцать тысяч человек, защищенный траншеями в восемь футов глубиной и шестнадцать шириной, хорошо огражденными, сверх того окруженными рогатками, которые связывали воедино отдельные оборонительные сооружения; далее находилась высота Кукус, возвышавшаяся над этим берегом Эльбы, вдоль которого один за другим тянулись холмы от Кенигсзала до Арнау, там эта цепь гор заканчивалась у Верхней Эльбы, где переходила в горы, называемые Великанскими. Все переправы через Эльбу были защищены тройными редутами. Противник соорудил валежники на вершинах гор, покрытых лесом, позади которых расположились лагерем сорок резервных батальонов, которые должны были оказать быструю помощь тем позициям, на которые пруссаки рискнули бы напасть в том случае, если бы им удалось успешно прорваться через такое количество редутов и оборонительных сооружений, учитывая, что противник имел по полторы тысячи пушечных снарядов на каждую батарею. Добавьте ко всем трудностям еще и самую значительную, которая никак не давала осуществить переправу через Эльбу: от Яромирса до высоких гор русло реки с обоих берегов окружали утесы высотой в двенадцать и более футов, это мешало перебросить мосты или добраться до мест, где они уже построены. Противник стремился особенно укрепить эти переправы, подход к которым из-за чрезмерного изобилия оборонительных сооружений становился невозможным.

Каким бы устрашающим ни был вид этого грозного лагеря, мы тем не менее льстили себя надеждой в течение первых же дней ловкостью добиться того, чего не могли взять силой. У нас было намерение выставить против части австрийской армии, расположенной между Яромирсом и Шурцем, корпус войск, способных ее сдержать, в то же

время мы хотели совершить несколько ложных атак вблизи города Германниц и еще одного в окрестностях Кенигсзала, между тем как основная часть армии проскользнула бы через долину Сильвы, переправилась через Эльбу к городу Вердек, пошла по Просницской дороге, чтобы овладеть высотами Швицина, которые находились выше всего, и всей местностью и лагерем самого противника. Если бы пруссакам удалось там утвердиться, то они бы отрезали правый фланг имперских войск от левого фланга, вынудив их тем самым сражаться в невыгодном положении либо вновь отступить с позором.

По согласовании этого плана король стал лагерем под Вельсдорфом всего с двадцатью пятью батальонами и шестьюдесятью эскадронами. Этот корпус должен был отвлечь внимание от передвижений основной армии. Последняя оставалась на посту в Находе, откуда было легче всего совершать маневры, главным образом авангарду, в любую сторону. Было необходимо определить точную позицию врага, чтобы убедиться в том, что план, о котором мы говорили, можно осуществить либо же ему не суждено сбыться; полученные сведения мы скрывали под разными мнимыми предлогами, вскоре мы навели панику где-то на четверть армии противника, несколько раз мы затевали стычки с передовыми постами. В ходе этих мелких военных операций на подступах к Кенигсзалю и городу Вердеку мы обнаружили возле Просница укрепленный лагерь, где разместилось около семи батальонов, а за этим постом, на гребне горы Швицин, – другой корпус, примерно в четыре батальона. Предпринятые противником меры чинили непреодолимые препятствия нашим планам и вынуждали короля признать необходимость отказаться от них и искать другие способы. Расположение войск было как раз такое, какого требовал первый план, но в нем с течением времени могли появиться изъяны, если бы мы удовлетворились тем, что выставили бы столь слабый корпус против всех императорских войск. Итак, расположение армии было изменено: сорок батальонов встали лагерем под Вельсдорфом, генерал-лейтенант Бюлов расположился с несколькими батальонами и тридцатью эскадронами при Смирсице, генерал Фалькенхайн – под прикрытием Ковальковица позади армии, генерал Вунш с двадцатью батальонами – возле Находа, чтобы прикрыть военные обозы, и генерал Ангальт с двенадцатью батальонами и двадцатью эскадронами в боевой готовности – справа от армии под Пилникау, напротив Арнау

и Нейшлосса, но связь между ними осуществляла армия короля через Сильвийский лес, где находились прусские посты²⁶.

¹ Здесь и далее имеется в виду сам *Фридрих II Великий* (1712–1786) – король Пруссии с 1740 г. Прославился своей агрессивной внешней политикой, развязал войну за австрийское наследство (1740–1748), Семилетнюю войну (1756–1763). В ходе Баварской войны выступил в роли защитника прав имперских князей от агрессии со стороны Австрии.

² *Иосиф II* (1741–1790) – австрийский эрцгерцог с 1780 г. (в 1765–1780 гг. – соправитель Марии Терезии, своей матери), император Священной Римской империи с 1765 г. В начале своего правления придерживался популярной в эпоху абсолютизма политики территориального расширения. Получив успешный опыт в применении своих внешнеполитических принципов в Восточной Европе, попытался применить их и в империи, незаконно захватив часть земель в Нижней Баварии в 1777 г.

³ *Франц I* (1708–1765) – император Священной Римской империи с 1745 г. Основатель Габсбургско-Лотарингской линии династии австрийских Габсбургов. Вынашивал планы присоединения баварских земель, женив своего сына Иосифа (II) на сестре бездетного курфюрста Максимилиана Баварского.

⁴ В 1765 г. в Шенбрунне был заключен второй брак Иосифа Австрийского с Марией Иосифой фон Виттельсбах, сестрой бездетного курфюрста Максимилиана Баварского, скончавшейся в 1767 г. от оспы.

⁵ После смерти короля Йиржи Подебрада придворные группировки начали борьбу за власть. В 1526 г. чешская знать пригласила на престол австрийского эрцгерцога Фердинанда II, и Богемия была включена в состав империи Габсбургов в 1526 г. на условиях сохранения автономии. В 1618 г. чешское протестантское дворянство выступило против политики императора Фердинанда II, который насаждал католицизм, но в битве при Белой Горе в 1620 г. было разбито. В результате Богемия утратила остатки политической самостоятельности и превратилась в австрийскую провинцию.

⁶ *Карл Филипп Теодор* (1721–1799) – курфюрст Пфальцкий. Получил по наследству сначала Зульцбах, потом курфюршество Пфальцское, Юлих и Берг и, наконец, в 1777 г. Баварию (согласно семейному договору, заключенному в Павии в 1329 г., в случае пресечения младшей – Людвиговой линии Виттельсбахов Бавария переходила к главе старшей – Рудольфовой линии). Карл был расточителен и беспечен, подчинялся влиянию фавориток и иезуитов, угнетал своих протестантских подданных.

⁷ Имеется в виду герцог *Карл фон Цвайбрюккен* (нем. *Zweibrücken*, лат. *Vipontinum*, фр. *Deux Ponts*), представитель Бирлендфельдской династии, двоюродный брат Карла Теодора Пфальцкого и его ближайший наследник.

⁸ *Венцель Антон Кауниц* (1711–1794) – австрийский государственный канцлер в 1753–1792 гг., главный руководитель австрийской политики при Марии Терезии, один из крупнейших дипломатов XVIII в. На первый план им была выдвинута задача устранения Пруссии как фактора большой европейской политики вообще. Кауниц

имел большое влияние на Марию Терезию и на определение венского внешнеполитического курса. Он сыграл исключительно важную роль в подготовке и процессе перемены союзов накануне Семилетней войны. Пытался создать мощную антипрусскую коалицию с привлечением России и Франции. Еще в 1764 г. разработал план аннексии Баварии, связанный со вторым браком Иосифа II (с сестрой Максимилиана) Баварского, поддержал идею Иосифа II оккупации Нижней Баварии в 1777 г.

⁹ Саксонский курфюрст Фридрих Август III (1763–1827) также претендовал на получение части баварских земель будучи сыном единственной дочери Максимилиана Иосифа Баварского.

¹⁰ 3 января 1778 г. в Вене Карл Теодор Пфальцский заключил конвенцию, в силу которой вся Нижняя Бавария и некоторые другие области были уступлены Австрии, взамен чего последняя признала за ним право на все остальное наследство.

¹¹ *Иоганн Евстафий Герц* (1737–1821) – граф фон Шлиц, известный прусский деятель, в 1778 г. приглашен на службу прусским королем Фридрихом II, который послал его в Мюнхен и Цвайбрюккен с поручением воспрепятствовать попытке Австрии присоединить к себе часть Баварии. Герцу удалось побудить герцога Цвайбрюккенского к протесту против разделения Баварии.

¹² Притязания Австрии основывались главным образом на дарованной императором Сигизмундом в 1426 г. герцогу Альберту Австрийскому жалованной грамоте на Нижнюю Баварию, подлинность которой многими оспаривалась.

¹³ 1 мая 1756 г. в Версале был заключен союз между Францией и Австрией в качестве противовеса Вестминстерскому союзу Англии и Пруссии 1756 г.

¹⁴ Франция и Швеция выступали гарантами выполнения условий Вестфальского мирного договора, заключенного 24 октября 1648 г. в Мюнстере, по условиям которого за немецкими князьями были фактически признаны права суверенных государей.

¹⁵ Речь идет о *Марии Антуанетте* (1755–1793) – жене (с 1770 г.) Людовика XVI, дочери австрийского императора Франца I, сестре австрийского императора Иосифа II.

¹⁶ *Граф Жан Фредерик Фелитто де Морепа* (1701–1791) – французский государственный деятель, первый министр при дворе Людовика XV. В 1749 г. в результате личной ссоры с фавориткой Людовика XV мадам де Помпадур впал в немилость и был сослан в свои поместья в Понтшартрен. В 1774 г. был отозван из ссылки и назначен главным королевским советником молодого короля Людовика XVI; в этой должности он оставался первые семь лет правления нового короля.

¹⁷ *Фердинанд Брауншвейгский* (1721–1792) – в Семилетней войне действовал под знаменами Фридриха Великого, в 1757 г. одержал над австрийцами победу при Праге, в 1758 г. разбил французов под Крефельдом. Потерпев неудачу под Бергеном, он в 1759 г. снова нанес поражение французам при Миндене.

¹⁸ Договор 1777 г. с США.

¹⁹ *Виктор Амадей III* (1773–1796) – король Сардинии, сын Карла Эммануила III, преобразовал армию на прусский манер и провел ряд реформ во внутреннем управлении в духе просвещенного абсолютизма. Был связан с Людовиком XVI родственными узами (две его дочери вышли замуж за братьев короля).

²⁰ Речь идет об *Абдул-Хамиде I* (1725–1789) – 27-м султানে Турции, который вступил на престол 21 января 1774 г., в момент наибольшего упадка государства.

В сотрудничестве с Францией вел неудачные для Турции войны с Россией и Австрией. К концу своего правления страдал умственными и физическими расстройствами.

²¹ Подразумевается март 1778 г.

²² *Принц Генрих* (1726–1802) – брат прусского короля Фридриха Великого.

²³ Копии этих писем находятся в конце воспоминаний (*Nyves Posthumes de Frederic II Roi de Prusse*. Vol. 5(9). В., 1788. P. 295–354).

²⁴ *Граф Людвиг фон Кобенцль* (1753–1809) – австрийский дворянин, был посланником Австрии в Копенгагене (1774), в Берлине (1777) и Петербурге (1779–1797). Его двоюродный брат (*граф Иоанн Филипп фон Кобенцль*) (1741–1810) в 1777 г. сопровождал императора Иосифа II во Францию, был уполномоченным во время мирных переговоров в Тешене, затем занял место вице-канцлера и оставался на этом посту до смерти Кауница.

²⁵ *Гедеон Лаудон* (1716–1790) – австрийский фельдмаршал, служил сначала в русской армии, затем, в чине подполковника, перешел на австрийскую службу.

²⁶ События войны за баварское наследство в дальнейшем разворачивались следующим образом. Иосиф II расположился с большей частью австрийских войск напротив Фридриха II на Эльбе лагерем около пятидесяти миль в длину, защищенным водой, земляным валом и пушками. Решив, что противник неуязвим, Фридрих ожидал, что его брат, принц Генрих, одержит победу над войсками австрийского маршала Лаудона, который охранял северный вход в Богемию. Армия была раздражена вынужденным бездействием, однако король все еще надеялся заставить противника встретиться с ним на поле боя, повторно направить отряды в Моравию. В начале августа 1778 г. принц Генрих провел свою армию через горы к востоку от Эльбы дорогами, которые до этого считались непроходимыми. Лаудон оказался в туике. Он отступил к линии Изера и 14 августа 1778 г. сдал и эту позицию. Но принцу Генриху не хватало смелости на решительный бросок, и начавшиеся разногласия между братьями провалили план объединения двух армий. Вскоре продвижение пруссаков стало в большей мере диктоваться голодом, и конфликт получил название «картофельной войны». Сильные ливни усугубили положение дел. К середине октября 1778 г. ликующие австрийцы проводили последних пруссаков. Кампания 1778 г. обошлась воюющим сторонам в двадцать тысяч человек потерь и двадцать девять миллионов талеров затрат. Хотя Фридрих II и готовил план вторжения весной в Моравию, зиму он провел, много работая над тем, чтобы добиться заключения мира. Франция и Россия предложили свою помощь. В марте 1779 г. в Тешене состоялся конгресс четырех держав, и 13 мая было подписано мирное соглашение.

ДЕБАТЫ О СОЗДАНИИ НАЦИОНАЛЬНОГО БАНКА США**Письма Т. Джефферсона и А. Гамильтона***Предисловие, перевод и комментарии Н. В. Васильевой**Под общ. ред. Д. А. Суровеня*

Последняя треть XVIII в. в истории США – период становления этой великой державы. Он был ознаменован освободительной войной английских североамериканских колоний, становлением первого федерального государства в Новом Свете с республиканской формой правления. В конце XVIII в. закладывались основы процветания США в политическом и экономическом отношениях. В этом огромную роль сыграли Б. Франклин, Д. Вашингтон, Д. Адамс, Т. Джефферсон, Д. Мэдисон, А. Гамильтон и др. Политических деятелей США того времени, заложивших основы формирования государства, принято называть «отцами-основателями». Число их, чтобы никого не обидеть, не уточняется.

Нужно отметить, что молодое американское государство в конце 1780-х – начале 1790-х гг. переживало острейший экономический кризис. Военные действия против Англии в 1775–1783 гг. потребовали больших денежных затрат. Восстание Д. Шейса, таможенная война между штатами привели к тому, что на горизонте ясно обозначилась угроза существованию Союза 13 независимых штатов. Кроме того, усугублял положение тот факт, что в соответствии со Статьями Конфедерации, вступившими в силу в 1781 г., каждый штат обладал правом выпуска собственных денег. Таким образом, ко времени принятия Конституции 1787 г. и вступления в должность первого президента США Д. Вашингтона государственный долг конфедерации вместе с долгами штатов достиг семидесяти пяти миллионов долларов золотом. Страна находилась в глубоком финансовом кризисе.

Александр Гамильтон и Томас Джефферсон стали министрами в первом правительстве США, которое было призвано найти выход из этой кризисной ситуации. И благодаря их совместной деятельности, скорее соперничеству, были заложены основы успешного развития Соединенных Штатов в будущем. В историческом смысле их вражда была полезна, так как привела к компромиссу между двумя концепциями развития, которые представляли А. Гамильтон и Т. Джефферсон.

Александр Гамильтон выступал за создание сильного централизованного государства с опорой правящего режима на крупных собственников. Чтобы государство процветало, считал он, необходимо поступиться частью суверенитета со стороны штатов. Политическая концепция А. Гамильтона сводилась к унитарному олигархическому государству с сильной федеральной

властью, в экономическом отношении А. Гамильтон видел будущее в развитии промышленности и банковской сферы. Находясь на посту секретаря казначейства в 1790-х гг., он сумел найти решение, как поставить на ноги американскую экономику, которая до этого находилась на грани коллапса. Благодаря его деятельности, прежде всего оздоровлению финансовой системы, правительство США, начав проводить государственное покровительство развитию промышленности, сумело выплатить долги, которые висели на нем тяжким бременем еще со времен Войны за независимость 1775–1783 гг.

Критика Т. Джефферсоном А. Гамильтона и политики федералистов вращалась вокруг того, что они нарушили классическое республиканское равновесие, сосредоточив политическую власть в руках центрального правительства (в противовес штатам и местному управлению) и сконцентрировав экономическую мощь в руках немногих богатых коммерсантов и банкиров (благодаря политике бумажных денег, государственных кредитов, биржевой игре и т. д.) Для Т. Джефферсона, как и для остальных представителей классического республиканизма, всегда существовало стремление не допустить борьбу между склонным к коррупции центральным правительством, которое стремится контролировать все богатство и всю власть, и сильными, независимыми гражданами, позволяющими управлять собой мудро, добропорядочно, с чувством собственного достоинства. Его экономически независимые, получившие образование в общественных школах, имеющие политический опыт граждане способны к самоуправлению и достаточно сильны, чтобы противостоять манипуляциям и посягательствам центральной власти.

Соперничество и вражда между ними ярко проявились в дискуссии о конституционности учреждения Национального банка США.

Доклад конгрессу «О Национальном банке», являвшийся частью экономической программы А. Гамильтона, первого министра финансов США, был представлен конгрессу 13 декабря 1790 г. По этому проекту предполагалось учредить Национальный банк США, который, являясь на восемьдесят процентов частным, представлял бы интересы правительства Соединенных Штатов.

Несмотря на то, что в предыдущем докладе А. Гамильтон предупредил, что позднее он предложит проект создания банка, сторонники Джефферсона оказались захваченными врасплох. Д. Мэдисон поднял 2 февраля 1791 г. вопрос о конституционности этого проекта.

Джеймс Мэдисон заявил, что он не против банковской системы вообще, а конкретно против предлагаемого А. Гамильтоном плана. Он считал, что конгресс не имеет права учреждать банки, так как это противоречит Конституции. Во-первых, такое право не имеет отношения к налогообложению, а во-вторых, право учреждать банки принадлежит по традиции отдельным штатам. Учреждение Национального банка является, по его мнению, наде-

лением отдельного банка (пусть и государственного) монопольными правами на ведение банковского дела. Он посчитал, что конгресс должен точно следовать букве Конституции, а не заниматься ее свободным толкованием, иначе это будет нарушением Конституции.

Президент Д. Вашингтон, однако, был встревожен возникшей дискуссией о конституционности, которую поднял Д. Мэдисон, хотя в целом был согласен с А. Гамильтоном, что создавать банк необходимо. Чтобы разрешить свои сомнения, он попросил генерального прокурора Э. Рандольфа и государственного секретаря Т. Джефферсона изложить свое мнение по этому вопросу. Основной мотив неконституционности банка – 10-я поправка, запрещающая национальному правительству осуществлять любые полномочия, которые не были ему даны Конституцией.

Рассуждения Т. Джефферсона о неконституционности предлагаемого законопроекта от 15 февраля 1791 г. получили глубокое философское обоснование. Он считал, что создание банка и его полномочия, утверждаемые этим проектом, не делегированы Конституцией Соединенных Штатов. Банк не имеет отношения ни к налогообложению, а следовательно, ни к обеспечению всеобщего благосостояния, ни к займу денег, ни к упорядочиванию торговли. Законопроект предлагает лишь большую легкость и удобство в собирании налогов. Но это удобство – еще не причина трактовки Конституции так, как хочется, лишь бы достичь цели. Кроме того, создание такого банка создавало бы условия для финансовых махинаций с деньгами налогоплательщиков. Вопрос учреждения банков находится исключительно в ведении штатов, при нарушении этого права нарушается Конституция Соединенных Штатов.

Д. Вашингтон серьезно воспринимал клятву защищать Конституцию, веря, что власть президента предназначена единственно для этой цели. Поэтому он сказал А. Гамильтону, что не подпишет законопроект, пока тот не представит письменного обоснования своего мнения, в котором бы его аргументы перевесили аргументы представителей из Вирджинии.

А. Гамильтон представил письмо «Защита конституционности банка» Д. Вашингтону 23 февраля 1791 г. Конституция, по мнению А. Гамильтона, только в общем определяет рамки тех широких целей, для которых создано федеральное правительство. Аргументы А. Гамильтона были основаны на допущении существования подразумеваемых полномочий, которые не были отчетливо представлены в Конституции, но необходимы для достижения поставленных ею целей. Аргументы А. Гамильтона основывались на анализе практики английского банка. Национальному банку отводилась функция кредитования государственных и частных нужд и эмиссии бумажных знаков. Банк, объявлял А. Гамильтон, будет кредитовать не только за счет имеющихся фондов, но станет выпускать банкноты сверх своих запасов благородных металлов. Так будет создан искусственный капитал, который явится мощ-

ным дополнительным рычагом воздействия на развитие промышленности и торговли.

А. Гамильтон считал, что слово «необходимый» означает *нужный, требуемый, присущий*. Следуя рассуждениям Т. Джефферсона, он заявил, что два его положения абсолютно ошибочны. Во-первых, предлагаемый проект не противоречит законам о монополии, поскольку создаваемый банк не будет обладать монопольными правами, так как не запрещает ни штатам, ни отдельным лицам создавать банки. А во-вторых, он не противоречит законам штатов. В своей работе он доказал, что право создавать акционерные общества дополняет полномочия конгресса, т. е. является подразумеваемым. Банк имеет отношение к сбору налогов, займам, регулированию торговли, содержанию армии и флота. Для выполнения этих целей, поставленных перед правительством согласно Конституции, и необходимо создание Национального банка.

Несмотря на сопротивление противников идеи Гамильтона, проект создания Национального банка был претворен в жизнь.

Национальный банк США был создан совместно государством (ему принадлежала пятая часть всех акций) и крупными банкирами, что соответствовало замыслам секретаря казначейства об упрочении унии между правительством и деловыми кругами. Указ о создании Национального банка США был подписан Д. Вашингтоном 25 февраля 1791 г. Его капитал составил десять миллионов долларов. Банк открылся 12 декабря 1791 г. в Филадельфии, имел восемь отделений в других штатах. Он частично контролировал деятельность других банков, служил финансовым агентом правительства. Банк получал солидную прибыль, часть которой шла на предоставление кредитов государству. Однако в 1811 г. Д. Мэдисон, который занимал тогда пост президента, под давлением джефферсоновских республиканцев, оспаривавших конституционность создания Национального банка, не продлил его полномочия.

Таким образом, благодаря созданию Национального банка США удалось выйти из глубокого экономического кризиса, начать выплачивать долги, заложить основы для будущего успешного развития страны.

Далее представлены переводы текстов писем Т. Джефферсона и А. Гамильтона о конституционности Национального банка¹.

¹ См.: *Hamilton A. For the Bank // Documents of American History. Vol. 1. New Jersey, 1988. P. 156–158; Jefferson T. Opinion against the Constitutionality of a National Bank // Jefferson T. The Writings of T. Jefferson. Vol. 7. N. Y., 1859. P. 555–561.*

Т. Джефферсон

СУЖДЕНИЕ О НЕКОНСТИТУЦИОННОСТИ НАЦИОНАЛЬНОГО БАНКА

Законопроект об учреждении Национального банка среди других пунктов обязывает:

1. Оформить учредителей в акционерное общество.

2. Наделить их корпоративной правоспособностью получать документы о передаче прав на землю, пока это не противоречит законам **о неотчуждаемом праве собственности на недвижимость, принадлежащую какому-либо учреждению** (здесь и далее по тексту выделено Т. Джефферсоном. – *Н. В.*).

3. Наделить иностранных учредителей правом владеть землями, пока это не противоречит законам **о статусе ненатурализованного иностранца**.

4. Передавать по наследству эти земли в случае смерти собственника [земель] определенной линии наследников и пока не изменится **порядок передачи имущества по наследству**.

5. Сделать [данные] земли не подпадающими под лишение прав [в отношении этого имущества] или не подлежащими [обращению] в выморочное имущество в казну, и пока это не противоречит законам **о конфискации и переходу выморочного имущества в казну**.

6. Передавать по наследству движимое имущество наследникам определенной линии, и пока это не противоречит законам **о распределении наследства между наследниками**.

7. Дать им единственное и исключительное право вести банковские операции под контролем государственных властей, и пока это не противоречит законам об исключительном праве.

8. Передавать им правоспособность подготавливать законы, верховные (т. е. федеральные законы, имеющие верховенство над законами штатов. – *Н. В.*) [по отношению] к законам штатов, из-за этого они [законы] могут быть истолкованы таким образом, чтобы оградить этот институт от контроля законодательных органов штатов, и поэтому, возможно, они [законы] будут [таким образом] истолкованы.

Я полагаю, что основной принцип Конституции базируется на том, что «все полномочия, не предоставленные Соединенным Штатам [настоящей] Конституцией и также не запрещенные для отдельных шта-

тов, сохраняются за штатами или за народом» [10 поправка]², сделать единственный шаг за границы того, что особо перечислено в полномочиях Конгресса, [значит] овладеть безграничной областью власти, более не поддающейся какому-либо определению.

Учреждение банка и полномочия, принимаемые [им] по этому законопроекту, по моему мнению, не предоставлены Соединенным Штатам [данной] Конституцией.

I. Их нет среди полномочий, особо перечисленных [в Конституции], которыми являются:

Во-первых, полномочие облагать налогами с целью выплаты долгов Соединенных Штатов, но ни один долг не выплачивается по этому законопроекту или ни один какой-либо налог не вводится. Если бы это было так и законопроект позволял бы собирать деньги, то в случае его создания сенат должен осудить его при помощи Конституции.

Во-вторых, «занимать деньги». Но этот билль не одалживает деньги и не обеспечивает их заем. Собственники банка будут как раз вольны, как [и] любые другие, давать займы или не давать свои деньги населению. Финансовая сделка, предложенная в этом законопроекте, – сначала дать им [собственникам банка] займы два миллиона [долларов], а затем взять у них займы обратно, – не может изменить характер последнего действия, которое будет все еще являться платежом, но никак не займом, как бы это действие вам ни хотелось назвать.

В-третьих, «упорядочивать торговлю с иностранными государствами, между штатами, а также с индейскими племенами». Создать банк и регулировать торговлю – сильно различающиеся действия. Тот, кто учреждает банк, создает субъект торговли в этом своем законопроекте, так поступает тот, кто производит бушель зерна или добывает доллар из руды, однако ни один из них не упорядочивает таким образом торговлю. Создать вещь, которая может быть продана или куплена, – это не предписывать правила покупки и продажи. Кроме того, если это было бы осуществлением полномочия упорядочивания торговли, то это было бы бесполезно в отношении расширения как внутренней торговли каждого штата, так и внешней. Ибо полномочие, данное конгрессу Конституцией, не распространяется

² См.: Конституции зарубежных государств. М., 1996. С. 32.

на внутреннее регулирование торговли штата (то есть торговли между гражданами), которое [полномочие] остается исключительно в ведении местной легислатуры, но распространяется только на внешнюю торговлю или торговлю с другим штатом, с иностранным государством или индейскими племенами. Следовательно, законопроект не предлагает такую меру как регулирование торговли, а как «плодотворно со значительными выгодами торговать».

II. Их [этих прав] нет в общих фразах Конституции, которыми являются две следующие:

1. [Право] облагать налогами, чтобы обеспечить всеобщее благосостояние Соединенных Штатов, то есть «облагать налогами с **целью** обеспечения всеобщего благосостояния». Потому обложение налогами – **полномочие**, а всеобщее благосостояние – **цель**, ради которой полномочие должно быть осуществлено. Они не могут облагать налогами *ad libitum*³ ради любой цели, какая им нравится, но только чтобы **выплатить долги или обеспечить благосостояние Союза**. Подобным образом они не могут **делать все, что захотят**, чтобы обеспечить всеобщее благосостояние, но только **облагать налогами** для [достижения] той цели. Считать последнюю фразу не как описывающую первую, но как дающую особое и независимое полномочие совершать какое-либо действие, какое они [члены конгресса] захотят, что могло бы пойти на пользу Союза, – [это] может сделать все предыдущие и последующие перечисления полномочий полностью бесполезными. Это бы уменьшило целый документ до одной фразы, что наделение конгресса властью делать все что угодно пошло бы на пользу Соединенным Штатам, и, так как они были бы единственными судьями добра и зла, это давало бы им право творить любое зло. Это укоренившееся правило построения, в котором фраза рождает любое из двух значений: дать то, что разъяснит некоторый смысл, или нет, что превращает все в бесполезное. Конечно, не имелось в виду отказаться от какого бы то ни было из универсальных полномочий...

2. Вторая общая фраза – «сделать все законы **необходимыми** и годными для приведения в исполнение перечисленных полномочий» без банка. Банк поэтому не является **необходимым** и, следовательно, не санкционирован этими положениями.

³ По своему усмотрению (лат.)

Это [должно] убеждать в том, что банк дает большую легкость и удобство в сборе налогов. Предположим, что это правда, но даже Конституция разрешает только те способы, которые [лишь] **необходимы**, а не те, которые просто «удобны» для осуществления перечисленных полномочий. Если такая широта значений предложения разрешает этой фразой понимать любые из перечисленных прав, то эти права могут перейти к любому человеку, так как нет никого, чья изобретательность не могла бы исказить **для удобства** в одних случаях **или других** что-либо из этого длинного списка перечисленных прав. Это бы поглотило все делегированные полномочия и уменьшило целое до одного. Поэтому именно Конституция ограничивает эти права до **необходимых средств**, то есть до таких способов, без которых передача власти была бы бесполезной.

Но давайте рассмотрим вопрос о выгоде и посмотрим, что это такое. Отчет по этому вопросу (страница 3) утверждает, что должна быть только общая выгода, которая предотвращает перемещение денег между штатами и казной (так как я оставляю без внимания рост средств обращения, приписанный к нему [перемещению] как необходимость, который, в соответствии с моими идеями о бумажных деньгах, явно является недостатком). Каждому штату придется выплатить определенную сумму из собранных налогов в казну, и казна должна будет выплачивать каждому штату часть процентов с общественного долга и зарплату служащим правительства, живущим в данном штате. В большинстве штатов будет существовать излишек собранных налогов, который равняется оплате местопребывания правительственных служащих в этом штате. Выплаты процентов и зарплат в каждом штате должны производиться на основе приказов казны на имя сборщика налогов в этом штате. Это предотвратит вывод денег, которые он соберет в своем штате, и следовательно, вымывание их большей части из штата. Если произойдет так, что равновесие торговли будет нарушено в пользу данного штата, а не штата, где располагается правительство, излишек налогов будет прощен в соответствии с законопроектами обмена, созданными для этого торгового баланса. И таким же образом должны обстоять дела, если бы существовал банк...

Возможно, действительно векселя банка могут быть более **удобным** средством, чем чеки казначейства. Но небольшая **разница**

в степени **удобства** не может составлять необходимость, которой Конституция устанавливает основания для принятия любого не перечисленного [в Конституции] полномочия.

Кроме того, существующие банки, без сомнения, придут к соглашению для предоставления займа своему органу управления, и что более предпочтительно, так это то, что среди них будет существовать конкуренция, так как законопроект ставит нас в рамки полномочий Национального банка, который может отвергнуть все соглашения, но, по его собственной формулировке, народ не может в случае такого отказа обратиться в любой другой банк. Банк Филадельфии, я считаю, и сейчас выполняет свои обязанности посредством почтовых переводов, которые благодаря соглашению с казначейством выплачиваются сборщиком налогов любого штата тому, кому они предназначаются. Одного этого приема достаточно, чтобы предотвратить существование той необходимости, которая может свидетельствовать о присвоении не перечисленного в Конституции полномочия как средства для приведения в исполнение одного из перечисленных прав. Это действие может выполняться и должно выполняться, и хорошо выполняться, без этого присвоения, поэтому оно не стоит той степени **необходимости**, которая может действительно об этом свидетельствовать.

Можно сказать, что банк, чьи банкноты имели бы денежное обращение во всех штатах, был бы более выгоден, чем тот банк, чье денежное обращение ограничено одним штатом. Таким образом, было бы еще удобнее, если бы существовал банк, чьи банкноты имели бы хождение по всему миру. Но это не вытекает из той высшей выгоды, что где-то существует полномочие учредить такой банк или что мир не сможет дальше жить без этого.

Можно было бы подумать, что в Конституции подразумевалось, что ради одного или двух намеков на **выгоду**, большую или меньшую, конгрессу следовало бы поручить отменить наиболее древние и фундаментальные законы нескольких штатов, такие, как законы о владении юридическим лицом недвижимости без права передачи, законы об иностранцах, о порядке наследования, законы распределения, законы конфискации и перехода выморочного имущества в казну, законы монополии?

Ничто, кроме необходимости, непобедимой никакими способами, не может свидетельствовать о такой извращенности законов, которые

составляют столпы всей нашей юриспруденции. Будет ли конгресс слишком строгим, чтобы пересмотреть фундаментальные законы национального правительства в сторону их большей выгоды?

Вето президента есть защита, данная Конституцией для того, чтобы защитить от попыток вторжения законодательной власти в

- 1) права исполнительной власти,
- 2) права судебной власти,
- 3) права штатов и законодательных органов штатов.

Настоящий вопрос является тем случаем права, который остается в исключительном [ведении] штатов, и, следовательно, одним из тех прав, которые, в соответствии с Конституцией, находятся под ее защитой.

Однако можно добавить, что пока взгляд президента на все то, что убеждает принять этот законопроект или отказаться от него, довольно ясен, что это не санкционировано Конституцией, если все «про» и «контра» находятся в том положении, чтобы уравновесить его решение, только уважение к мудрости легислатуры, естественно, разрешило бы это равновесие в пользу их мнения. Это стоит на первом месте для случаев, когда они [депутаты конгресса] явно введены в заблуждение ошибкой, амбициями или интересами, и для таких случаев Конституция предполагает препятствие, выраженное в ограничении полномочий президента.

15 февраля 1791 г.

А. Гамильтон

В ЗАЩИТУ КОНСТИТУЦИОННОСТИ БАНКА

Начиная свою аргументацию, нужно предварительно оговорить, что возражения государственного секретаря и генерального прокурора основаны на общем отрицании [права] властей Соединенных Штатов создавать корпорации. Последний действительно признает: если что и будет в этом законопроекте не гарантировано Конституцией, так это право создавать объединения.

Сейчас секретарю казначейства ясно, что этот общий принцип является ПРИСУЩИМ (здесь и далее выделено А. Гамильтоном. — *Н. В.*) именно такому ОПРЕДЕЛЕНИЮ правительства и ОБЯЗАТЕЛЬНЫМ для каждого шага развития, который должен быть сделан

Соединенными Штатами, а именно: каждое полномочие, возложенное на правительство, по своей сущности является верховным и включает [в себя], в силу [данного] термина, право использовать все СРЕДСТВА, необходимые и совершенно подходящие для достижения целей такого полномочия и которым не препятствуют ограничения и исключения, оговоренные в Конституции...

Обстоятельство, что полномочия верховной власти в этой стране являются разделенными между федеральным правительством и правительствами штатов, не предоставляет требуемого различия. Отсюда не следует, что каждая [власть] имеет верховное полномочие, предоставленное тому или другому, несuverенна в отношении их должных целей. Из этого следует лишь то, что каждая имеет верховное полномочие в отношении определенных вещей и не имеет таковых в отношении других. Отрицать, что правительство Соединенных Штатов имеет верховную власть в отношении ее провозглашенных целей и ответственности за то, что его полномочия не распространяются на все случаи, – будет то же самое, что отрицать, что правительства штатов имеют верховную власть в любом случае, потому что их власть не распространяется на каждый случай. В 10-м разделе 1-й статьи Конституции приводится длинный список того, что они [т. е. штаты] не могут делать...

Если потребуется представить доказательство тому предположению, настолько же ясному, как это, которое [торжественно] заявляет, что полномочия федерального правительства в отношении своих целей суверенны, таковым явится положение Конституции, которое и будет решающим. Именно оно провозглашает, что Конституция, и законы Соединенных Штатов, принятые для ее исполнения, и договоры, принятые или которые будут приняты, – все под контролем их власти [т. е. США], все должны быть законами, обладающими высшей юридической силой в этой стране. Власть, способная создать закон, обладающий высшей юридической силой в этой стране, в любом случае несомненно суверенна.

Это всеобщее и неоспоримое правило сразу положит конец абстрактному вопросу, имеют ли Соединенные Штаты право создавать корпорации, т. е. давать юридическую или искусственную правоспособность одному или более лицам в отличие от естественной. Так как это, т. е. [право] создавать корпорации, несомненно присуще

суверенному полномочию, то, следовательно, – и власти Соединенных Штатов в отношении объектов, вверенных в управление правительству. Различие таково: *где власть правительства всеобщая, оно может создавать корпорации во всех случаях, а где оно ограничено определенной отраслью законодательства, может создавать объединения только в тех случаях, которые предусмотрены законодательством* (курсив мой. – Н. В.)

При помощи этого способа рассуждений относительно права применения всех мер, необходимых для исполнения указанных полномочий правительства, возражают, что ничто, кроме необходимых и должных средств, не должно быть применено, а государственный секретарь поддерживает [этот способ] в том, что никакие [другие] меры не должны считаться НЕОБХОДИМЫМИ, кроме тех, без которых предоставление полномочия было бы недействительным. Более того, он настолько далеко идет в ограничительном истолковании СЛОВА, что даже создает прецедент НЕОБХОДИМОСТИ, которая [должна будет] гарантировать конституционное исполнение полномочия в зависимости от случайных и временных обстоятельств... Целесообразность осуществления особого полномочия в особое время должна действительно зависеть от обстоятельств, но конституционное право его осуществления должно быть единообразным и неизменным, одним и тем же как сегодня, так и завтра.

[Поэтому] все аргументы против конституционности законопроекта, выведенные из случайного существования некоторых банков в штатах, – институтов, которые, [так] случилось, существуют сегодня и, насколько это имеет отношение к правительству Соединенных Штатов, могут исчезнуть завтра, – должны не только быть отвергнуты как ошибочные, но [и] должны быть оценены как наглядный пример, что существует коренной источник ошибки в приведении доказательств.

Для существования национального правительства определено важно, чтобы такая ошибочная концепция значения слова «необходимый» была отброшена.

Ясно, что ни грамматическое, ни общераспространенное понимание термина не требуют такого объяснения. В обоих случаях «необходимый» часто означает не больше чем нужный, требуемый, присущий или сопровождающий. Общепринятый способ выражения – сказать, что для правительства или лица НЕОБХОДИМО сделать то

или иное, когда подразумевается или понимается не больше чем выполнение того или иного, что требуют интересы государства или лица или что будет способствовать их выгоде. В воображении совсем нетрудно представить пример употребления этого термина в том смысле, в котором он использован в Конституции.

Общий смысл этого положения показывает, что это было намерение Конституционного конвента этим положением дать широту для выполнения специальных полномочий. Выражения имеют определенную обязательность. А именно: «...издавать всякие законы, какие окажутся необходимыми и уместными для пользования всеми вышеперечисленными правами, какие предоставлены этой Конституцией правительству Соединенных Штатов или кому-либо из его департаментов или должностных лиц...»⁴

Правда, как о правительстве Соединенных Штатов, так и о любом другом правительстве можно сказать, что оно обладает только правом принимать такие законы, которые необходимы и уместны для осуществления целей, ему порученных, так как ни одно правительство не обладает правом делать ТОЛЬКО ТО, ЧТО ЗАХОЧЕТ. Отсюда с помощью доказательств, аналогичных доказательствам государственного секретаря, можно утверждать, что ни одно из правительств штатов не имеет права учреждать банк. Можно показать, что все общественные дела штата можно улаживать без банка, а следовательно, нет нужды учреждать банк, и даже можно доказать, что это нельзя делать, т. к. противоречит только что упомянутому правилу. Подобным объяснением можно доказать, что с точки зрения более совершенного наведения порядка не существует права объединения населения в города ... нужно помнить, что ни в одной из существующих конституций штатов нет недвусмысленного полномочия создавать корпорации...

В предложениях госсекретаря есть два положения ... которые особенно ошибочны. Одно из них заключается в том, что предлагаемое создание корпорации противоречит законам об исключительных правах, потому что он оговаривает в качестве особого условия исключительное право ведения банковского дела под контролем федеральной власти, другое – в том, что это дает полномочие учреждению созда-

⁴ Здесь цитируется Конституция США (статья 1, раздел 8). См. например: Соединенные Штаты Америки: Конституция и законодательные акты / Под ред. О. А. Жидкова. М., 1993, С. 33.

вать законы, имеющие высшую юридическую силу по отношению к законам штатов.

Но что касается первого положения, то законопроект не запрещает какому-либо штату создавать столько банков, сколько они ни пожелают, а также [не запрещает] группе людей объединяться для [совместного] ведения дел, и следовательно, [законопроект] свободен от обвинения в установлении монополий, так как монополия подразумевает дозволенное законом препятствие вести торговлю кому-либо, кроме тех, кому [это право] предоставлено.

А что касается второго положения, то оно имеет еще меньше оснований, чем первое. Распоряжения органов местных властей, касающиеся такого института, как банк, могут воздействовать только на жителей этого штата, могут только касаться [вопроса] распоряжения своей собственностью и должны по существу иметь сходство с нормами о частном торговом товариществе. Они намеренно не должны противоречить закону, а закон должен здесь пониматься и как закон штата, и как закон Соединенных Штатов. Не может быть сомнения, что закон о корпорации, если [он] противоречит закону штата, должен быть признан недействительным как не имеющий силы, пока закон штата противоречит закону Соединенных Штатов, и тогда проблема заключается не в отношениях между законом штата и законом о корпорации, а между законом штата и законом Соединенных Штатов...

Предполагается, что в ходе предшествующего объяснения было удовлетворительно показано, что:

1. Полномочие правительства, касающееся целей, вверенных в его управление, по своему характеру суверенно.

2. Право создавать корпорации есть право, присущее идее суверенной власти и нераздельное с нею.

3. Положение, в котором правительство Соединенных Штатов не может осуществлять никакого полномочия, кроме тех, что предоставлены ему Конституцией, – не препятствует этой норме.

4. Слово «необходимый» в общей части статьи не несет ограничительного действия, частично отменяющего действительность этой нормы; конечно, степень необходимости или ненужности той или иной меры не может быть определена конституционным правом, а только [практической] целесообразностью.

5. Право создавать корпорации должно рассматриваться не как самостоятельное или реальное, а как присущее и вспомогательное, и поэтому правильнее будет оставить его подразумеваемым, а не толковать дословно.

6. Обсуждаемая норма не распространяет власть правительства за предписанные рамки только из-за того, что подтверждает право создавать корпорации для [осуществления] целей, входящих в сферу указанных полномочий.

И наконец, право осуществлять такое полномочие в определенных случаях недвусмысленно передано в самых определенных и исчерпывающих терминах...

Чтобы установить такое право, остается показать связь между таким учреждением и одним или более из указанных полномочий правительства. В соответствии [с ними] подтверждается, что оно имеет более или менее прямое отношение к полномочию сбора налогов, полномочию займа денег, полномочию регулирования торговли между штатами, полномочию набора и содержания армий и флота. В отношении первых двух можно сказать, что отношение непосредственное, и, наконец, нужно доказать, что в этом положении ясно санкционировано действие всех необходимых норм и правил, касающихся собственности Соединенных Штатов, так же как это осуществляется правительством.

Банк имеет отношение к сбору налогов двумя способами, косвенно, увеличивая количество денег в обращении и ускоряя обращение, что облегчает их выплату непосредственно; создавая удобные средства денежных выплат, в которых они будут осуществляться. Определять или назначать ДЕНЬГИ или ВЕЩИ, в форме которых должны выплачиваться налоги, не только уместное, но и НЕОБХОДИМОЕ ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ полномочия сбора налогов... Затем, определение ДЕНЕГ или ВЕЩЕЙ, в которых платятся налоги, является частным обстоятельством полномочия собирать налоги. А в число средств [для достижения цели], которые могут быть приняты [к использованию], входят законопроекты, предлагаемые правительством Соединенных Штатов...

Банк имеет прямое отношение к полномочию занимать деньги, потому что оно – обычный, а в экстренных случаях – существенный инструмент в получении займов для правительства ... значимость тако-

го института как инструмента получения денег [по займу] показана на следующем примере. Должна быть проведена индейская экспедиция. Единственный фонд, из которого можно получить деньги сообразно с общественными обязательствами, – это налог, который начнет собираться только в следующем июле. Однако [все] необходимые приготовления должны быть сделаны немедленно. Поэтому деньги должны быть заняты, а откуда их можно заимствовать, если нет общественных банков? Получается, что существуют институты такого рода, но если бы их не было, их необходимо было бы создать...

Институт банка имеет также прямое отношение к регулированию торговли между штатами до тех пор, пока он осуществляет создание удобного средства для обмена между ними, для поддержания полного денежного обращения, предотвращая частые перемещения [драгоценных] металлов в форме взаимных пересылок денег. Деньги являются тем самым средством, которое двигает торговлю. И они являются не просто золотом и серебром, для этой цели и с различной степенью полезности служат и многие другие вещи. Интенсивно используют бумажные деньги. Поэтому нельзя согласиться с мнением генерального прокурора, что регулирование торговли между штатами, касающееся средств обращения и обмена, должно рассматриваться как ограничивающее чеканку монет...

Государственный секретарь возражает в отношении высказанного здесь с помощью следующего хода рассуждений: «Создать банк, – говорит он, – и регулировать торговлю – совершенно разные действия. Тот, кто учреждает банк, создает предмет торговли, также поступает тот, кто производит бушель зерна или добывает доллар из руды, однако ни один из них не упорядочивает таким образом торговлю. Создать вещь, которая может быть продана или куплена, – это не предписывать правила покупки и продажи...»⁵

Отношение банка к осуществлению полномочий, касающихся общей безопасности, также можно предугадать. Замечено, что в этот самый момент помощь такого учреждения неотъемлема от мер, преследующих цель защиты наших границ...

Поддержка правительства, поддержка войск ради общей защиты, выплата общественного долга – истинные конечные причины сбора

⁵ См.: *Jefferson T. Opinion against the Constitutionality of a National Bank. P. 557.*

денег. Распоряжение и регулирование собранными деньгами являются шагами, касающимися целей, для которых они собирались, но не самими целями...

К этому времени и к удовольствию Президента, кажется, представлена надежда, что банк имеет естественное отношение к полномочиям сбора налогов, регулирования торговли, обеспечения общей защиты и что предлагаемый законопроект рассматривает правительство с точки зрения совместного собственника капитала банка, поможет обеспечить средствами то положение Конституции, которое непосредственно касается собственности Соединенных Штатов...

В качестве дополнительной проверки конституционной власти утверждается проверка жизнью: сократятся ли уже существовавшие права штатов или граждан. Предлагаемое исследование выдвигает наиболее строгий способ это проверить. Каждый штат может все еще создавать столько банков, сколько захочет. Каждый человек может все еще заниматься банковским делом в той степени, в которой пожелает.

23 февраля 1791 г.

ИНСТРУМЕНТАРИЙ

МЕТОДОЛОГИЯ, ИСТОРИОГРАФИЯ, АРХИВЫ, БИБЛИОГРАФИЯ

В. В. Высокова

ПОЛЕМИКА ХЕЙДЕНА УАЙТА И АРТУРА МАРВИКА (К вопросу о постмодернистской методологии истории)

Развитие гуманитарного знания во второй половине XX – начале XXI в. происходит под глубоким влиянием такой социальной тенденции, как стремление человека освободиться от прессинга рационалистически организованного мира. Культ технократии западной цивилизации поставил человека в ситуацию, когда простые человеческие чувства и слабости рассматриваются как фактор угрозы эффективно функционирующей системе. Показателем отторжения ее жесткого прагматизма стали экзистенциализм в философии и литературе, неореализм в кинематографе и, наконец, постмодернизм во всем спектре гуманитарных наук.

В профессиональной среде отечественных историков до сих пор преобладает мнение, что постмодернизм является крикливым эпатажным течением в среде левых интеллектуалов Запада, переживших глубокое увлечение марксизмом и неспособных в этой ситуации предложить сколько-нибудь целостную концепцию развития общества. Отсюда их глубокий пессимизм и вызов окружающему миру. Однако эта слишком крайняя оценка позиций постмодернистов сегодня, и мы должны пристальней взглянуться в этот «вызов» современности.

Удачной возможностью рассмотреть позиции постмодернистов являются дискуссии 80–90-х гг. XX в., развернувшиеся на страницах западных журналов гуманитарного направления¹. Материалы этой

¹ См., например: *Ankersmit F. R. Historiography and Postmodernism // History and Theory. 1989. Vol. 28, № 2; Stone L. History and postmodernism // Past and Present. 1992. Vol. 135; Zagorin P. History, the Perfect and Narrative: Reflection on Postmodernism Now // History and Theory. 1999. Vol. 38, № 1.*

дискуссии позволяют сосредоточиться на анализе точки зрения одного из столпов современного постмодернизма в исторической науке Хейдена Уайта². Поводом для открытой полемики послужила инаугурационная речь А. Марвика в Открытом университете под заголовком «Метаистория – вздор, история – настоящее»³. В этой полемике Х. Уайт ясно обозначил свою позицию в контрасте с модернистским подходом А. Марвика⁴.

Несколько слов о британском историке Артуре Марвике. В настоящее время он является профессором истории Открытого университета Великобритании. В 60-х гг. ученый выступил как активно действующий историк и выпустил ряд монографий по истории Англии XX в. – такие, как «Всемирный потоп: британское общество и Первая мировая война» (1965), «Война и социальные изменения в XX в.» (1974), «Британское общество с 1945 г.» (1988). Однако широкую известность А. Марвику принесла работа методологического характера «Природа истории», вышедшая третьим изданием в 1989 г.⁵ Эта книга занимает достойное место в ряду немногочисленных сочинений британской историографии, посвященных вопросам методологии истории, и прямо соотносится с позицией автора, высказанной в указанной инаугурационной речи.

Здесь будут затронуты лишь воззрения А. Марвика на «раздражающий его профессиональное достоинство» постмодернизм. Он с презрением относится к последнему, считая его опасной и вредной формой мышления, «малодушной критической практикой», угрожающей серьезному историческому исследованию. Он квалифицирует постмодернизм как современную фазу «метафизического подхода» XIX в. (когда литература и история не были отделены друг от друга), как гремячую смесь гегельянства, марксизма и ницшеанства. При этом в его интерпретации постмодернизма в этом лагере оказываются

² См.: *White H.* *Metahistory: The Historical Imagination in Nineteenth-Century Europe.* Baltimore; L., 1973; *Idem.* *Tropics of Discourse: Essays in Cultural Criticism.* Baltimore; L., 1978; *Idem.* *The Content of the Form: Narrative Discourse and Historical Representation.* Baltimore; L., 1987.

³ См.: *Marwick A.* *Two Approaches to Historical Study* // *J. of Contemp. History.* 1995. Vol. 30, № 1.

⁴ См.: *White H.* *Response to Arthur Marwick* // *Ibid.* № 2.

⁵ См.: *Marwick A.* *The Nature of History.* 3d ed. L., 1989 (1st ed. – 1970; 2nd ed. – 1981).

структуралисты, постструктуралисты, «культурные материалисты», «новые» историки и метаисторики. Такой взгляд на постмодернизм, к сожалению широко распространенный и на Западе, дал повод Х. Уайту в очередной раз разъяснить свою точку зрения на исследовательскую практику историка.

Прежде всего Х. Уайт начинает с толкования термина «метаистория» и пояснения, в каком значении он его использует. Термин «метаистория» впервые был использован Робертом Коллингвудом, пишет Х. Уайт, чтобы указать, что философы прибегают к термину «материалистическая философия истории» в отношении работ Гегеля, Маркса, Тойнби – работ, которые претендуют на раскрытие цели, конца, общего плана или схемы мировой истории и в некоторых случаях – даже предвидение будущего. Н. Фрай использовал данный термин в этом смысле и соотнес его с характеристикой, данной Ф. Т. Андерхиллом работам Тойнби, чтобы определить жанр прозы, в которой смешалось мифически-космологическое теоретизирование с исторической конкретикой, с целью получить «квазипоэтические» структуры в сущности подобно тому, как это создал в работе «Закат Европы» Шпенглер.

Термин *метаистория* может быть также использован для того, чтобы описать исследование на основаниях *дисциплинарной модели исторического мышления*, подразумевающей изучение связей между научным изучением истории и всеми остальными гуманитарными и социальными науками (такими, как антропология, социология, психология и философия, теория литературы и лингвистика).

Еще в работе «Метаистория» Х. Уайт демонстрировал, что всякое изучение истории предполагает ряд метафизических допущений (онтологических и эпистемологических), которые обеспечиваются верой в существование и авторитетность специфической «исторической» модели специального исторического *метода* для изучения только исторических (в отличие от естественных) фактов. Он доказывает, что это справедливо как в отношении работ так называемых профессиональных историков, так и для работ философов истории, которые конструируют свои абстрактные объекты изучения фундаментальной базы исторического процесса.

Другими словами, всякая история предполагает метаисторию, так же как любая физика предполагает метафизику. Конечно, это вызывает раздражение некоторых историков, говорит Х. Уайт, особенно

тех, кто верит, что он может рассматривать «факты», какой бы проблемы они ни касались, без допущения теоретической или метафизической природы исторического исследования. Х. Уайт считает, что такой разрыв теории и практики исторического исследования носит искусственный характер, обусловленный претензией истории на статус научной дисциплины со времени ее профессионализации в начале XIX в.

А кроме того, замечает Х. Уайт, «... моя книга “Метаистория” была изучением феномена XIX в., а не защитой “метаисторического” подхода в изучении истории»⁶. Однако А. Марвик считает, что с тех пор как Х. Уайт представил историописание как дискурс, он должен рассматриваться как литературный критик, а не как практикующий историк. «В действительности я сформировался как историк-медиевист и обратился к вопросу истории историописания только в силу того, что меня заинтересовала идеология, лежащая в художественной литературе XIX в., и то, что в этом же веке история становится наукой. Но в любом случае, если я только литературный критик, почему я не могу брать историописание как *субъект* (здесь и далее в цитатах курсив мой. – В. В.) интереса внутри традиции реалистической репрезентации XIX в.»⁷

Другой проблемой, требующей прояснения, в полемике с А. Марвиком для Х. Уайта является проблема соотношения «события» и «факта» в теории исторического познания. Надо заметить, что в 60-х гг. XX в. в отечественной историографии также остро обсуждался этот вопрос, хотя и с иных – теоретических и методологических позиций⁸.

Марвик характеризует пороки и недостатки постмодернистов, критикуя Х. Уайта за самонадеянность в том, «что “событие” находится уже помещенным в хронологическую форму», когда в действительности, согласно Марвику, «событие» трансформируется в «факт» на основе изучения первичных источников. Факты не предшествуют историческому изучению событий. Таким образом, он говорит: «Был “факт” или нет, устанавливается (хотя бы условно) из источников...»

⁶ White H. Response to Arthur Marwick. P. 233.

⁷ Ibid. P. 245.

⁸ См. например: Иванов Г. М. К вопросу о своеобразии исторического познания // Методологические и историографические вопросы исторической науки. Томск, 1963; Кон И. С. Неопозитивизм и вопросы логики исторического исследования // Вопросы истории. 1963. № 9; Варшавчик М. А. Вопросы логики исторического исследования и исторический источник // Там же. 1968. № 10.

И дальше он даже высказал сомнение в какой-либо полезности концепта «факта». Например, он спрашивает: «Но что есть “факт”?» И затем продолжает, как если бы он отвечал:

«Вторая мировая война – *факт*, Ренессанс, менее определенно, – тоже: оба состоят из мельчайших, еле определенных *фактов*, разнообразных по важности и значению. Что действительно историки ищут в массе источников, здесь они анализируют и сравнивают определенно *события*, большие и малые, их даты и хронологию, но также взаимосвязи между ними и между ними и другими “*фактами*” (sic!) ... материальные условия, и изменения в них, состояние духа, работу институтов, мотивации, ментальности, ценности, баланс между намерениями и результатами, и все другие важные (и трудные) обстоятельства, которых касается историк».

Этот пассаж Х. Уайт находит трудным для понимания. Но несомненно, Марвик понимает историческое знание как покоящееся на: 1) отношении между «фактами» и «событиями», 2) «взаимосвязях» между «событиями» и, наконец, 3) взаимосвязях между «взаимосвязями» и другими «фактами»⁹.

Понятие «факт» в его представлении, комментирует Х. Уайт, конечно, нечеткое, включающее в себя смысл как «события» (в котором будут сочетаться «действительный» и «воображаемый» статус произошедшего), так и «сведения о событиях» (в котором будут сочетаться «правдивое» и «искаженное» высказывания).

Здесь же А. Марвик критикуют Х. Уайта за его солидарность с высказыванием Р. Барта, что «факт имеет только лингвистическое существование», и высказывает упрек, что такие, как Х. Уайт, придерживаются мнения, что события не имеют реальности и что нет и, возможно, никогда не было таких явлений, как исторические события.

Сегодня такой взгляд, если бы его кто-нибудь придерживался, – очевидный абсурд, пишет Х. Уайт. Под «историей», рассматриваемой как объект исторического исследования, мы можем только подразумевать общую сумму всех событий, включая взаимосвязи между ними, что были в «прошлом». События присутствуют как данность, они определенно не сконструированы историком.

Совсем другая картина с «фактами», говорит Х. Уайт, они «конструируются». Факт обладает неустойчивой природой, он является

⁹ См.: White H. Response to Arthur Marwick. P. 238.

субъектом ревизии и даже может исчезнуть как иллюзия на основании доказательств. Как говорил Р. Барг, факт имеет только лингвистическую природу, и впоследствии Артур Данто добавил: «... “факты” – это события после описания»¹⁰.

Разъяснение соотношения факта и события в истории позволяет Х. Уайту перейти, пожалуй, к главному «элементу» его концепции историописания – *дискурсу*, введенному Х. Уайтом в научный оборот в 70-х г. XX в. в работе «Метаистория». Дискурс в его представлении соответствует историописанию, которое рассматривается как исторический феномен способности историка возродить, вообразить прошлое в историческом повествовании, историческом нарративе.

Основываясь на глубокой взаимосвязи фазы исторических исследований и фазы написания исторического сочинения, Х. Уайт поясняет, что композиция исторического дискурса никогда не достигает полной формализации мыслей историка по данному вопросу, даже после того, как исследование состоялось. Это скорее продолжающийся процесс формулирования и переформулирования или пересмотра выводов с того момента, как историк выбрал тему исследования, до момента фиксации результатов в письменном виде. Но это записанная версия результатов всего лишь одного исследования в продолжающейся дискуссии по конкретному сюжету или целой области исторических исследований.

Почему А. Марвик, вопрошает Х. Уайт, нападает на историков, которые стремятся концептуализировать историю профессии, дисциплины и практики исторического исследования посредством обсуждения проблемы изложения результатов своих исследований в законченном тексте, а не на тех, кто делает акцент на исследовательской фазе своей работы? Как настаивает Марвик, история есть «...наше знание прошлого ... основанное на работах историков, оно не постигается прямо». Если, однако, история является, согласно ему, конструкцией историков, составленной из дат и свидетельств, содержащихся в первичных источниках, тогда важно суметь *идентифицировать методы*, в которых язык историка *трансформирует объект изучения в субъект специфического исторического дискурса*.

Это не «лингвистический детерминизм», и это означает, указывает Х. Уайт, что любое объяснение историка обусловлено спецификой

¹⁰ White H. Response to Arthur Marwick. P. 238–239.

языка, психофизическими особенностями гендера, способом изложения (повествование, например), доказательствами и множеством других культурных и социальных контекстуальных условностей. Таким образом, язык используется для конституирования события или его сущности как объекта специального исторического исследования и не является ограничивающим фактором в его описании. Это означает, что любая дискуссия по форме и содержанию должна начинаться с обсуждения проблемы в лингвистических и дискурсивных терминах.

Это отнюдь не означает, что нет такого явления, как историческое «событие», что нет возможности провести различия между «фактом» и художественной литературой, или что все подчинено какой-либо идее, или, более того, что *все проходит, все относительно и ничего нет объективного*, то есть прежде чем рассматривать событие, факт и создавать адекватную репрезентацию или объяснение исторических феноменов, должен быть вынесен приговор относительно времени, места и культурных условий их формулирования.

Таким образом, подчеркивает Х. Уайт, язык используется для того, чтобы *описать* поле исторического происшествия в действенных составляющих самого поля и определить пределы разновидностей методов, которые могут быть использованы при анализе событий, расположенных в этом поле. Усложняет исследовательскую ситуацию то, что в первоначальном описании любого события были использованы различные лингвистические протоколы, большей частью объясняющие ход событий исходя из различных интерпретаций. Это не лингвистический детерминизм. Это не означает, что историк может безответственно писать все, что ему вздумается об исторических событиях. Исторический релятивизм, по Х. Уайту, соответствует идее, что в историческом исследовании правдивость и авторитетность суждений по проблеме исследования определяются их отношением к культурному контексту и социальным условиям, сформированным временем их создания и в соответствии с ситуацией, из которой исследование началось.

Это не означает, что данное сообщество историков не может достичь приемлемого соглашения по вопросу о том, что такое исторические факты, в соответствии с определенной областью «событий», особенно если различные исследования формировались одной общей перспективой или были заданы одними и теми же идейными сооб-

ражениями. Но в то же самое время это позволяет нам признать факт, что историографический консенсус по какому-либо «событию» специального интереса данного сообщества очень трудно достичь.

Отношения между фактами и событиями всегда открыты обсуждению и реконструкции. Однако ситуация «ревизии» проистекает не из-за того, что события изменяются со временем, а из-за того, что меняется наше видение их, а также представления об их концептуализации. Если это справедливо по отношению к событиям, то еще в большей степени справедливо по отношению к фактам. Меняются наши представления не только в отношении того, что есть факт данного предмета исследования, но и того, как факты сконструированы и какой критерий был положен в определение адекватности данного факта по отношению к событию.

Вышеизложенные представления Х. Уайта о процессе историописания заставляют его остановиться на толковании своего понимания отличий дискурса и художественной литературы.

Противопоставление факта художественной литературе есть основа классической историографии, и когда заходит речь о возможном их пересечении, это вызывает раздражение традиционных историков и непонимание тех, кто склонен согласиться, что в исторических текстах могут присутствовать «художественные» элементы.

«... Меня часто обвиняют в том, что особенно в ранних работах я придерживался мнения, что любой текст ... содержит неоспоримо художественный элемент, и я доказывал, что это тем не менее не переводит историописание реальности в открытую художественную форму. Я пытался парировать тот взгляд, что историки рассматривают чистые факты и что какой-нибудь “литературный” элемент их работы проявляется в форме “орнамента”, прекрасного слога или элегантного стиля»¹¹.

Очевидно, продолжает Х. Уайт, что историописание – более творческое занятие, чем традиционное понятие «стиля», взятого историком на вооружение. И если рассматривать текст историка как риторическую композицию, неизбежно можно увидеть, что историк *сконструировал не только субъект своего дискурса* посредством описания, но и то, что он *воображал объект* своего первоначального исследовательского интереса. Именно этот феномен и анализировал Х. Уайт

¹¹ White H. Response to Arthur Marwick. P. 240.

в работе «Метаистория» как «историческое воображение» в XIX в. в Европе и представлял «поэтику истории» как альтернативу различным «теориям» истории.

Также он подчеркивает, что в анализе дискурсов, как они производятся в современных гуманитарных науках, необходимо отделять (после появления таких писателей, как Г. Флобер, М. Пруст, В. Вульф, Д. Джойс, Э. Паунд) «художественную литературу» от «истории» как литературы. Термин «литература» появился в современных европейских языках только в конце XVIII в. с целью описать вид письма, подчеркивающий отличие сочинения от «художественной литературы». Последнее в устах модернистов звучало примерно так, как у Р. Барта, М. Фуко и Ж. Дерриды: «непереводимое письмо»¹².

Такое «письмо» предполагает взаимосвязь между *описываемым объектом* и *написанным текстом* наподобие соотношения между «изображениями» поэта-романтика и новеллиста-реалиста и почти всех историков XIX в. Вместо воображения первых историк «выражал» свои мысли в форме повествовательного текста и ссылался на субъективность своего сообщения. Автор, таким образом, «существует» посредством писательской практики. Это процесс идентификации, который воспроизводит (в отличие от простого сообщения) отношения между простым референтом и автором дискурса.

Особое влияние на позицию историков оказывают в процессе историописания события в жизни их наций, социальных классов, этнических групп, институтов и индивидуумов, которые оцениваются как «травматический» опыт, природа которого касается индивидуальной и групповой идентичности. Это такие события, как холокост, Первая и Вторая мировые войны, рабство, геноцид, массовый голод и вмешательство в экосферу.

Такие события и контекст, в котором они происходят, проявляют не только объяснительное, но также изобразительное и образное мастерство историка. Здесь мы сталкиваемся с проблемой не просто рассказать правду о прошлом, а правду, которая видится из специфической перспективы, а также быть уверенным, что данный факт был в действительности. Это более сложная проблема воображения, с одной стороны, и *реального мира*, из которого историк начал свое

¹² White H. Response to Arthur Marwick. P. 241.

исследование прошлого, а также и *мира*, который включает в себя объект его интереса¹³.

Х. Уайт также стремится уточнить пределы исторического знания, выяснить специфику истории как науки. Историческое исследование – это не научное изыскание, подобное исследованию в физике, химии или генетике, в которых имеются вспомогательные технические языки, гипотетико-дидактические доказательства, контролируемые экспериментальными методами, лабораторными опытами, относительно хорошо аргументированные и канонизированные практическими изысканиями в рамках дисциплины. История – дисциплина, скорее, подобная искусству: она управляется в большей степени соглашениями и обычаями, нежели методологией и теорией, и использует простые и естественные языки для описания своих объектов изучения и репрезентации мышления историка об этих объектах¹⁴.

Сосредоточив свое внимание на «историческом воображении», Х. Уайт отнюдь не отрицает возможности воссоздания событийной картины прошлого. Он лишь стремится показать, что невозможно писать историю, «считывая» ее с первичных источников, как это понимали позитивистские историки. На примере работ историков XIX в., таких, как Ф. Гизо, Ж. Мишле и другие, он показывает, как историк посредством дискурса «вдыхает» жизнь в скрытую от нас картину прошлого. Однако историческое исследование не является произвольным толкованием событий: между историческим нарративом и объектом исследования лежит творческий акт воссоздания историком прошлого, в котором он стремится преодолеть «разрыв» между прошлым и настоящим, стремится к точности и адекватности по отношению к событиям прошлого, к первичным источникам, по отношению к самому себе и окружающему миру в процессе историописания.

И если так смотреть на исследовательскую лабораторию историка, то настоящая история исторического писания могла бы обнаружить, как богато историческое воображение начиная с Геродота и до нашего времени, и не только в европейских, но и в других странах мира. Причем многие модели воображения прошлого в истории исторического писания сформировались в эпоху Просвещения.

¹³ См.: White H. Response to Arthur Marwick. P. 239–241.

¹⁴ См.: Ibid. P. 243.

Такая история будет начинаться с обсуждения того, что историки действительно писали об объектах их исследований. Они должны взять на себя ответственность за осознание субъективности своего собственного письма. И это будет лучше, чем твердить о дихотомии между фактом и художественной литературой. Любое событие в истории должно основываться на «первичных источниках». И должно быть признано, что первичные источники истории историописания есть тексты, которые историки действительно создали, и здесь ни при чем заявления о добрых намерениях быть объективным или ссылки на работу в архивах до того, как историк оформил свои мысли в завершённый текст.

А. Марвик упрекает Х. Уайта в неспособности понять, как «профессиональные историки ... разрешают свои задачи» и, более того, подобные ему «тотально неправильно понимают способ, которым историки делают свое дело». Принципиальная ошибка постмодернистов, по мнению А. Марвика, заключается в пренебрежении исследовательским аспектом исторического изыскания. Они рассматривают его как «ничего не стоящую мишуру» и «придерживаются взгляда на историческое сочинение как на поэтическое творчество, как продукт исключительно воображения».

Все это есть результат того, что А. Марвик называет «лингвистическим поворотом» постмодернизма, который сводит все в «дискурс» из-за отрицания любой возможности воссоздать правдивую картину прошлого. Порочность этого не только эпистемологическая – она, как аргументирует Марвик, и моральная, и политическая. В действительности, по Марвику, возможно, за всеми этими пустяками стоит марксистский, а возможно, и маоистский заговор.

А. Марвик убежден, что настоящий профессионал в любой момент создает «хорошую историю», что историческое исследование всегда должно отвечать дисциплинарному идеалу. Конечно, понимание «истории-как-искусства» должно приводить в замешательство профессионала, который вытянул свой жребий с более традиционным идеалом «истории-как-науки». Но этот взгляд нельзя считать малодушным или некоей «маскулинной версией феминизма», скорее, это более критическое самоосознание процесса своего творчества¹⁵.

Х. Уайт видит в этом проявление целой тенденции современного исторического знания. Историкам присуща враждебность или по мень-

¹⁵ *White H. Response to Arthur Marwick. P. 244.*

шей мере слепота по отношению к теории исторического знания. Они придерживаются взгляда, что это дело философов. Такая слепота проистекает из следующего убеждения: если бы историки имели в виду эпистемологический и онтологический уровни исторического знания, рассматривая их объекты изучения, они бы никогда не смогли проводить тщательного исследования свидетельств, писать авторитетно и работать профессионально. Другим общим местом является убеждение в том, что только «практикующие» (или, как говорят, «работающие») историки способны ответить на вопрос: какая и в чем цель работы историков?

Действительно, историки могут быть отмечены среди других «ученых» (социологов, этнографов, философов и других) фактом, что типологически большинство из них *предпочитают нарративную модель для репрезентации своих выводов*. Однако, говорит Х. Уайт, они не понимают важности их предпочтений, того обстоятельства, что существует необходимость именно этой модели репрезентации для определения специфики их дисциплины среди других гуманитарных наук. Большинство историков не только не понимают дискурсивное пространство их историописания, они определенно отвергают идею, что такое пространство может быть.

Историки, пока их дисциплина не теоретизировала форму своего собственного дискурса, могут учить своему ремеслу других не чем иным, как методом проб и ошибок. Они в процессе обучения студентов говорят последним, что те допустили ошибку, и заставляют их переделывать правильно. Это означает заставлять студентов писать историю способом, индивидуально усвоенным историком-ментором.

Методологическая концепция Х. Уайта последние десять лет заняла в отечественной историографии видное место при обсуждении методологических проблем исторического знания¹⁶. И сегодня очевидно, что Х. Уайт мыслит в рамках сложившейся парадигмы исто-

¹⁶ См., например: Мучник В. М. Об антисциентистских тенденциях в западной историко-теоретической мысли 70–80-х гг. // Методологические и историографические вопросы исторической науки. Вып. 19. Томск, 1990; Николаева И. Ю. Проблемы интеллектуальной истории в современной американской историографии // Там же; Ретина Л. П. «Новая историческая наука» и социальная история. М., 1998; Мисик М. А. Между фактом и вымыслом: Проблемы историописания в свете теории Х. Уайта // Европейские исследования в Сибири. Вып. 2. Томск, 2000; Могиляницкий Б. Г. Дискуссии о постмодернизме в американской историографии (по страницам научных журналов) // Американские исследования в Сибири. Вып. 4. Томск, 2000.

рической науки, во всяком случае он не отрицает возможность объективности исторического знания. Он лишь ответственно и самокритично смотрит на исследовательскую практику историка, замечая, что история постоянно находится в состоянии «переписывания», так как постоянно меняется вектор «прочтения» событийной канвы прошлого. Это позиция рефлексующего историка, стремящегося осмыслить «субъективную» сторону исследовательской практики историописания.

В отечественной историографии сформировалась оригинальная концепция методологии истории, дающая свой «ответ» на требования современного исторического сознания. На основе концепции русского историка А. С. Лаппо-Данилевского, через научно-педагогическую деятельность его учеников, прежде всего С. Н. Валка и А. И. Андреева, в работах О. М. Медушевской (ученицы А. И. Андреева) сложилась целостная концепция методологии истории¹⁷. Она созвучна концепции Х. Уайта в постановке и обсуждении теоретических проблем исторического знания: прежде всего это проблема субъектно-объектных отношений, проблема исторического дискурса, это стремление выйти за пределы профессиональной обособленности в решении общих методологических проблем в уровне теории познания. Концепцию методологии истории, сложившуюся в работах О. М. Медушевской, отличает мощный оптимистический заряд и – при глубоком осознании трудностей исследовательской практики историка – уверенный взгляд в будущее.

А. Г. Чевтаев

ПЕРМСКАЯ ШКОЛА ИССЛЕДОВАНИЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ И ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ ЗАПАДА НОВОГО И НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ

Глубокие перемены, которые претерпело российское общество в 90-х гг. XX в., при всех тяжелых последствиях имели важное положительное значение для сферы гуманитарных наук. Отечественная

¹⁷ См. об этом: *Медушевская О. М.* Источниковедение: Теория, история, метод. М., 1996; *Она же.* Феноменология культуры: Концепция А. С. Лаппо-Данилевского в гуманитарном познании новейшего времени // Исторические записки. Вып. 2 (120). М., 1999.

историческая наука получила возможность более широкого доступа к источникам, достаточно свободного подхода к постановке проблем исследований и трактовке их результатов. Весьма важное значение имели ликвидация «железного занавеса» в научно-гуманитарной области, возникновение широких контактов отечественных специалистов с зарубежными коллегами и включение российских исследовательских школ в мировую историографию. При всех трудностях заметно оживилась исследовательская работа многих региональных научно-педагогических структур.

На фоне этих позитивных перемен представляется важным рассмотреть деятельность группы преподавателей и сотрудников ряда высших учебных заведений и академических учреждений, объединенных вокруг Центра исследований по консерватизму при Пермском государственном университете им. А. М. Горького. Он возник на основе результатов работы кафедры всеобщей истории Пермского университета в 1950–1970-х гг., когда под руководством крупного специалиста по истории и культуре Великобритании и Европы профессора Л. Е. Кертмана разрабатывались проблемы демократических тенденций в художественной и духовной культуре стран Запада.

В дальнейшем объектом исследований становится консерватизм как часть политической культуры Запада. В 1987 г. ученик Л. Е. Кертмана профессор П. Ю. Рахшмир в соавторстве с А. А. Галкиным опубликовал книгу «Консерватизм в прошлом и настоящем». Это была в сущности первая в отечественной историографии и вполне удачная попытка преодоления того пренебрежения, которое марксистско-ленинская наука выражала в отношении одной из ведущих традиций политической культуры Запада.

В начале 90-х гг. происходит по существу второе рождение пермской школы. Необходимость серьезного исследования истоков консерватизма, его эволюции, своеобразия его проявления в ведущих странах Европы и Америки и влияния на Россию привела к созданию при Пермском университете упомянутого уже Центра исследований по консерватизму под руководством П. Ю. Рахшмира. Центр установил научные контакты как с российскими исследовательскими организациями, так и с рядом зарубежных университетов, где проходили научную стажировку сотрудники Центра.

Важной формой обмена результатами научных изысканий пермских коллег стали проводимые с 1993 г. ежегодные международные

конференции в Пермском государственном университете с участием российских исследователей из вузов и научных учреждений Москвы, Петербурга, Челябинска, Екатеринбурга и других городов, а также ученых из университетов Великобритании, США, Швеции, Германии и других стран. Материалы этих конференций стали публиковаться под общим названием «Исследования по консерватизму».

Сохраняя основное внимание к собственно консерватизму, пермские ученые обратились также к сравнительному исследованию исторически сложившегося двуединства консерватизма и либерализма. Кроме того, пермская школа сумела преодолеть традиционно существующий в отечественной историографии барьер между специалистами по западной и российской истории и культуре.

Каковы основные направления и проблемы, которыми занимаются ученые пермского Центра? Одной из наиболее сложных и наименее изученных в отечественной науке является проблема истоков и типологии консерватизма. Советская и вообще марксистская историография представляла эту традицию неким нерасчлененным «реакционным течением», всегда стоявшим на пути поступательного движения общества. Однако обращение к первоисточкам консервативной мысли и реальным процессам политической жизни Великобритании и континентальной Европы конца XVIII – начала XIX в. показало несостоятельность такого взгляда.

Истоки и типологию консерватизма еще в конце 80-х гг. успешно начал разрабатывать П. Ю. Рахшмир¹. Эта проблематика заняла важное место и в его докладах на первых конференциях Центра в 1993–1994 гг. Он убедительно показал значение «Размышлений о революции во Франции» Э. Берка как главного истока «современного в широком смысле слова консерватизма». Именно в беркианских размышлениях прямо или косвенно можно увидеть все три типа консерватизма: *традиционалистский*, *либеральный* (умеренный) и *экстремистский*².

Важным и по существу новаторским в отечественной историографии моментом исследования П. Ю. Рахшмира следует считать со-

¹ См.: Рахшмир П. Ю. Типология современного консерватизма. М., 1986; Он же. Эволюция консерватизма в новое и новейшее время // Новая и новейшая история. 1990. № 1.

² См.: Рахшмир П. Ю. Три консервативные традиции: Общее и особенное // Исследования по консерватизму. Вып. 2. Консерватизм в политическом и духовном измерениях. Пермь, 1995. С. 4–17.

поставление англо-американского и европейского консерватизма, определение их различий. Он подчеркивает преобладание в первом либеральной тенденции, умеренности и гибкости, во втором, напротив, – доминанту ультраконсерватизма, который в различные эпохи в разных странах континентальной Европы сближался или даже превращался в правый радикализм (Ш. Моррас, А. Саландра, А. Гугенберг). И в этом историческая трагедия европейского консерватизма первой половины XX в. Однако он извлек уроки из этого опыта и во второй половине XX в., пережив глубокую трансформацию, в значительной мере приблизился к либеральному варианту, хотя определенные типологические различия континентальной и англосаксонской традиции остаются³.

Другим направлением работы пермской школы является исследование роли и взаимодействия основных идейно-политических традиций, и прежде всего консерватизма, их ценностей в контексте общей истории Соединенного Королевства и Британской империи в XIX–XX вв. Прежде всего отметим целый ряд докладов профессора Л. А. Фадеевой на упомянутых конференциях и других ее публикаций, посвященных влиянию консерватизма и либерализма на формирование и действенность основных ценностей британской демократии во второй половине XIX – первой половине XX в. Впервые в отечественной исторической мысли мы имеем удачную попытку анализа воздействия консервативных установок и идей на утверждение викторианских ценностей, а также своеобразного преломления последних в более позднюю эпоху⁴. Отметим, что в докладах Л. А. Фадеевой, как и в работах П. Ю. Рахшмира, звучит мысль о том, что, несмотря на нередкие конфронтации обеих традиций, в истории большинства стран Европы и Америки XIX–XX вв. преобладает не разрыв, а консенсус – консервативно-либеральный или либерально-консервативный.

Важной и малоисследованной в отечественной науке проблеме формирования духовного аспекта британского колониализма и роли в нем консервативной традиции посвятила свой доклад доктор исто-

³ См.: Рахшмир П. Ю. Три консервативные традиции. С. 10–12.

⁴ См.: Фадеева Л. А. Викторианская система ценностей и консерватизм // Исследования по консерватизму. Вып. 2. С. 17–19; Она же. Консервативные компоненты профессиональной идеологии // Исторические метаморфозы консерватизма. Пермь, 1998. С. 148–159; Она же. Образ Викторианской эпохи в коллективной памяти англичан // Диалог со временем: Альманах интеллектуальной истории. Вып. 1. М., 1999.

рических наук Г. С. Остапенко (ИВИ РАН). По ее мнению, имперская концепция тори включала в качестве своего важного элемента сознание высокой личной ответственности политиков и чиновников колониальной администрации за свое поведение. Кроме того, составной частью общего обучения и воспитания студентов в университетах, особенно в Оксфорде и Кембридже, была подготовка миссионеров для работы во владениях британской короны. Во многом благодаря общему влиянию консерватизма на эти процессы сложилось англиканское содружество, активно действующее вплоть до настоящего времени. При всех противоречивых последствиях христианизации бывших имперских владений последняя во многом определила создание «духовного моста» между Западом и Востоком и облегчила деколонизацию⁵.

Ценными представляются результаты исследований доцента Г. М. Алпатовой о поисках британскими либералами и консерваторами адекватного ответа на вызовы межвоенного периода 1918–1939 гг. Она отмечает то обстоятельство, что истоки кейнсианства лежат в интеллектуальной и публицистической деятельности Джона М. Кейнса в рядах «нового либерализма» в 1920-х гг.⁶

Доцент Н. Ф. Ушкевич посвятила ряд своих сообщений отношению консервативной партии Великобритании к вопросам духовного развития нации в период между мировыми войнами. Она показала, что, несмотря на довольно широкое распространение авангардистских настроений и ориентаций, консервативная традиция в этой сфере осталась преобладающей, особенно в небольших городах и графствах. Массовая культура Великобритании оказалась менее зараженной модернизмом, чем в континентальной Европе, во многом благодаря тому позитивному сдвигу в позиции партии тори в вопросах культуры, который произошел в 1920–1930-х гг.⁷

⁵ См.: *Остапенко Г. С.* Британские консерваторы, империя, церковь: К духовному аспекту британского колониализма // Исследования по консерватизму. Вып. 2. С. 20–23.

⁶ См.: *Алпатова Г. М.* Кейнс и «новый либерализм» // Там же. Вып. 3. Консерватизм и либерализм: Созвучия и диссонансы. Пермь, 1996. С. 98–101; *Она же.* «Новый консерватизм» Стэнли Болдуина // Консерватизм: Идеи и люди. Пермь, 1998. С. 163–177.

⁷ См.: *Ушкевич Н. Ф.* Консервативные ценностные ориентации в культуре Англии межвоенного периода // Исследования по консерватизму. Вып. 2. С. 28–31; *Она же.* Консервативная политика в области культуры в Великобритании в межвоенный период // Там же. Вып. 3. С. 106–109.

Проблеме преодоления глубоких потрясений британского общества в первой половине XX в. посвятил свой доклад на одной из пермских конференций и автор данной статьи. Он показал, что за полвека страна пережила несколько таких состояний, каждое из которых с полным основанием можно назвать национальным кризисом. И в подавляющем их большинстве именно консерватизм стал той силой, которая предложила концепцию преодоления этого кризиса и возглавила блок политических и социальных сил для достижения этой цели⁸.

На международных конференциях в Пермском университете значительное место заняла проблематика немецкой политической культуры конца XIX–XX в. В докладе известного германиста профессора А. Б. Цфасмана (Челябинск) четко прослежена историческая судьба немецкого консерватизма как целостной традиции. Убедителен вывод о том, что вплоть до середины XX в. тон в ней задавало правоконсервативное течение, порой прямо смыкавшееся с праворадикалами (наиболее яркий пример – роль этого течения в приходе А. Гитлера к власти в 1933 г.) Автор отмечает, что типологически традиционалистский немецкий консерватизм близок не к англосаксонскому, а к российскому консерватизму. Оба несут весьма значительную долю вины за революционные потрясения в своих странах в первой трети XX в. Только после трагических уроков истории Третьего рейха правоконсервативное течение прекратило существование как серьезная составляющая часть всей традиции, уступив свое место умеренному консерватизму в христианско-демократической парадигме⁹.

Судьба иной ветви германского консерватизма прослежена в сообщениях доцента Т. З. Шмидт. В частности, на примере анализа социально-реформистской программы графа А. Посадовского и концепции «катедер-социалистического канцлера» Б. фон Бюлова она показала, с одной стороны, своеобразие, неординарность этого течения, внесшего важный вклад в социальные реформы в Германии конца XIX в., а с другой – слабость, непоследовательность реформаторского консерватизма в первой трети XX в.¹⁰

⁸ См.: Четваев А. Г. Британский консерватизм и проблема преодоления национальных кризисов в первой половине XX в. // Исследования по консерватизму. Вып. 2. С. 23–28.

⁹ См.: Цфасман А. Б. Традиционный немецкий консерватизм: Историческая судьба // Там же. С. 64–68.

¹⁰ См. об этом: Шмидт Т. З. Социально-реформистская программа графа А. Посадовского // Там же. С. 60–64; Она же. Бернгардт фон Бюлов как «катедер-социалистический канцлер» // Там же. Вып. 3. С. 80–83.

Кандидат исторических наук В. В. Ищенко (ИВИ РАН) показал своеобразие немецкого консерватизма 1980–1990-х гг. через призму взглядов и политики одного из видных деятелей ХДС Лотара Шпэтта. Автор приходит к выводу, что именно активность лидеров подобного типа, сумевших соединить прагматизм регионального уровня с интересами национального развития и потребностями интеграционных процессов, позволила либерально-реформистскому течению задать тон в рамках всей немецкой консервативной традиции последней трети XX в. и заметно поднять значение ФРГ в формировании «единой Европы»¹¹.

Весьма представительной и плодотворной получилась международная конференция в мае 1996 г., посвященная проблематике реформ и роли в них основных традиций Запада: консервативной, либеральной и социал-демократической. Особенности этого научного форума были широкая междисциплинарность, а также активное участие специалистов по истории России XIX–XX вв., как отечественных, так и зарубежных.

Проблема типологии преобразований в контексте поведения консерватизма в этих процессах была затронута в ряде докладов. П. Ю. Рахшмир показал многообразие типологии реформ в зависимости от главного критерия: политического, ситуационного, целеустановочного. В то же время любую сколько-нибудь значимую реформу можно классифицировать одновременно по всем основным критериям. Что касается принципиального отношения консерватизма к реформам, докладчик убедительно показал, что практически все крупные представители этой традиции, в том числе и такой глубокий традиционалист, как Жозеф де Местр, не были абсолютными противниками преобразований. Другое дело, что характер, методы реформ, проводимых консерваторами, как правило, серьезно отличались от преобразований их политических оппонентов.

П. Ю. Рахшмир отметил еще одну важную особенность консервативного реформизма. Чаще всего он вынужден принимать на себя последствия поспешных, непродуманных или исчерпавших себя преобразований, проведенных социал-демократами или либералами, и восстанавливать социоэкономическую и политическую стабиль-

¹¹ См.: *Ищенко В. В.* Современный германский консерватизм и Лотар Шпэт // Исследования по консерватизму. Вып. 2. С. 68–70.

ность общества. И все же это не «контрреформы», как полагают некоторые исследователи, не простой «откат назад», а вполне самостоятельные, вызванные новыми жизненными потребностями преобразования. Наиболее яркий пример последних – реформы конца 1970-х – середины 1990-х гг. во многих странах Европы и Америки, которые сформировали новую социоэкономическую и политико-правовую парадигму западного общества последней четверти XX в.¹²

Весьма важную и актуальную проблему социальной ответственности как элемента политической культуры затронула в своем докладе доцент М. П. Лаптева. Она отметила, что идея ответственности человека за свои поступки и дела перед обществом и собою пронизывает в той или иной мере политическую мысль человечества с древнейших времен. Вместе с тем по мере развития новоевропейской цивилизации все сильнее звучит тема выбора поведения личности соответственно ее убеждениям. Как показал М. Вебер, при всем различии этих двух побудительных мотивов «этика убеждения» и «этика ответственности» не столько противостоят, сколько дополняют друг друга. И все-таки, как справедливо полагает автор, этика ответственности должна быть предпочтительнее для политических лидеров и элиты, склонных к социальным преобразованиям. По существу от уровня ответственности реформаторов и более широкого «политического класса» во многом зависит исход реформ. В конечном счете вектор движения общества в сложном «круге преобразований» (реформы – впитывание их результатов в ткань социума или отторжение – резкий откат назад – новый виток реформ и т. д.) в значительной мере определяет и политическую культуру общества в целом¹³.

Ряд докладов указанной конференции был посвящен двум взаимосвязанным проблемам: характеру, типу реформ, проведенных в ведущих странах Западной Европы за последние полвека, и судьбе созданного в ходе них «государства благоденствия». Автор данной статьи выделил три «волны» общесистемного реформаторства: первая волна (середина 1940-х – середина 1950-х гг.) – наиболее глубокая, восстановительно-оздоравливающего типа, проведенная в большинстве

¹² См.: *Рахимир П. Ю.* Эволюция консервативного либерализма // Исследования по консерватизму. Вып. 4. Реформы: Политические, социально-экономические и правовые аспекты. Пермь, 1997. С. 11–15.

¹³ См.: *Лаптева М. П.* Социальная ответственность как элемент политической культуры // Там же. С. 35–38.

стран либерально-социалистическим блоком; вторая (середина 1960-х – середина 1970-х гг.) – с реформами системоподдерживающего типа, до предела расширившими и укрепившими «государство вэлфера», но вызвавшими ослабление национального консенсуса; третья (начало 1980-х – середина 1990-х гг.) – проведенная умеренными консерваторами в рамках консервативно-либерального консенсуса с реформами системооздоровляющего типа, в которых пришлось провести серьезную коррекцию «государства вэлфера» и всей системы регулирования трудовых отношений вопреки значительной оппозиции левых сил¹⁴.

В интересном докладе В. В. Ищенко показал, что в отличие от других стран Европы реформы первой волны в ФРГ прошли в рамках консервативно-либерального консенсуса. Автор подчеркнул, что в этих реформах в рамках всей германской консервативной традиции важную роль играло умеренно-либеральное течение, сформировавшее так называемую «технократическую модель» консерватизма, которая долгое время была весьма эффективным орудием данной традиции в идейной и духовно-психологической борьбе за массы в ФРГ¹⁵.

Известный специалист по европейской культуре XX в. В. П. Иерусалимский (Москва) самим названием доклада («Сумерки “государства благоденствия”») сформулировал проблему предельно остро: способна ли западная цивилизация сохранить в принципе свои многовековые завоевания, и не только социально-ответственное государство, но и политические свободы и саму демократию? В этой постановке автор опирается на ряд европейских и общемировых финансово-экономических и социопсихологических тенденций, которые вписываются в общий процесс глобализации и действительно ставят под вопрос способность европейской демократии сохранить в своей основе «государство благосостояния»¹⁶. Хотя подобная угроза остается в длительной перспективе, общая динамика европейских стран в последние годы, и в частности ФРГ, которая больше всего вызвала беспокойство нашего автора, позволяет говорить о сохранении значительных шансов на более благоприятный сценарий развития Европы, чем это прозвучало в его докладе.

¹⁴ См.: *Чевтаев А. Г.* Реформы середины 40-х – середины 90-х гг. в Западной Европе: Сравнительно-типологический анализ // Исследования по консерватизму. Вып. 4. С. 96–99.

¹⁵ См.: *Ищенко В. В.* Эволюция консерватизма в ФРГ и реформы // Там же. С. 30–34.

¹⁶ См.: *Иерусалимский В. П.* Сумерки «государства благоденствия» // Там же. С. 74–79.

Пермские ученые не обошли своим вниманием тему, ставшую весьма актуальной в последней трети XX в.: противостояние в странах Запада политических и духовных традиций в области культуры. Наиболее активно ее разрабатывают молодые исследователи. Кандидат исторических наук Г. А. Янковская показала, что все течения американского консерватизма вовлечены в широкое обсуждение развития культуры американского общества 1960–1990-х гг. и можно говорить о культурконсерватизме как самостоятельном явлении в социопсихологических и духовных процессах США. В целом американский консерватизм исходит из идеи культурной целостности общества и решительно отвергает постмодернизм как средство, которое, по его мнению, разрушает не только американскую культуру, но и нацию как таковую, превращая ее под знаменем *мультикультурализма* в весьма аморфный конгломерат этнокультур¹⁷.

Обстоятельный и глубокий анализ американского мультикультурализма и отношения к нему обеих традиций даны в работах кандидата исторических наук А. А. Борисова. Это обширное поле не только собственно культурных и духовных, но и социопсихологических и политико-идеологических процессов, в которых либерализм и консерватизм зачастую противостоят друг другу. Особое внимание автор уделяет анализу позиций трех основных течений консерватизма: традиционалистов, реформистов и праворадикалов относительно теории и практики мультикультурализма¹⁸.

Одним из важных направлений в работе коллектива Центра исследований по консерватизму стало изучение политической и духовной культуры стран Запада XIX–XX вв. посредством метода творческой биографии ее видных представителей. На конференциях 1993–1996 гг. прозвучало несколько докладов, посвященных как политической деятельности, так и творческому наследию Э. Берка, Ж. де Местра, Б. фон Бюлова, Д. Кейнса и других. В последние годы это направле-

¹⁷ См.: Янковская Г. А. Американский культурный консерватизм 1960–80-х гг. // Исторические метаморфозы консерватизма. С. 169–188.

¹⁸ См. об этом: Борисов А. А. Мультикультурализм как общественно-политическая проблема США // Современные методы и технологии в преподавании международных отношений. Екатеринбург, 1999; Он же. Натан Глейзер и мультикультурализм // Вестн. Пермс. гос. ун-та. История. Вып. 4. Пермь, 1999; Он же. Палитра взглядов консерваторов на мультикультурализм // Исследования по консерватизму. Вып. 6. Консерватизм и цивилизационные вызовы современности. Пермь, 2000. С. 60–65.

ние приобрело более четкую и целеустремленную ориентацию, подкрепленную успешным участием в конкурсе на получение грантов Российского гуманитарного научного фонда.

В 1998–1999 гг. вышло несколько изданий, отразивших результаты указанной работы. В коллективной монографии «Консерватизм: идеи и люди» исследованы жизненные пути и творческое духовное развитие целого ряда видных мыслителей и политических деятелей данной традиции. Большинство из них либо вообще игнорировались отечественной наукой, либо изображались законченными ретроgrадами.

В работе доцента М. И. Дегтяревой Жозеф де Местр (1753–1821) предстает не только последовательным консерватором-традиционалистом, но и одним из крупных мыслителей философии истории теолого-пессимистического направления¹⁹. При всей правомерности ее критической оценки концепция «коллективного искупления общечеловеческого греха» (в виде страданий народов в революциях, войнах и т. д.) не лишена здравого смысла.

Профессор Г. И. Мусихин впервые в отечественной литературе исследовал биографии и философско-политические взгляды немецких консерваторов-романтиков Адама Мюллера (1779–1829) и Эрнста Людвиг фон Герлаха (1795–1877). А. Мюллер одним из первых европейских мыслителей усомнился в правоте декартовского превращения разума в абсолютный критерий всего сущего. В его лице романтический консерватизм отверг сугубо рационалистический подход к жизни, так как последний «расчленяет действительность и выхолощивает жизненные явления, делая их всего лишь знаками своей научной системы, не способными дать представление о сущности этих явлений»²⁰.

В творческом наследии Эрнста фон Герлаха основополагающим моментом является концепция духовного (христианского) государства, основным ценностям которого (верность прежде всего Божественным законам, органическое единство монарха со своими подданными, гармония светской и духовной власти и т. п.) должны следовать правители, в данном случае прусские короли. Один из пос-

¹⁹ См.: Дегтярева М. И. Загадочный Жозеф де Местр // Консерватизм: Идеи и люди. С. 6–40.

²⁰ См.: Мусихин Г. И. Адам Мюллер: Бюргерский защитник принципов аристократизма // Там же. С. 41–53.

ледних романтиков-консерваторов, своего рода духовный наследник А. Мюллера, Э. фон Герлах осуждал прусский монархизм с позиции легитимиста-доктринера. Твердо придерживаясь указанной концепции, он понимал дихотомию морали и права не как «историческую данность», а как отклонение от принципов христианской нравственности. И для него была совершенно естественна позиция противника такой общенациональной консолидации, какая виделась и проводилась прусским двором в конце 1840-х – начале 1850-х гг., равно как и противника «культуркампа» Бисмарка в 1860-х гг.²¹

В своей работе Т. З. Шмидт обстоятельно раскрыла политические воззрения и социальную практику графа Артура фон Посадовски-Венера (1845–1932), одного из наиболее интересных и загадочных фигур реформаторского крыла европейского консерватизма XIX – начала XX в. До сих пор неясно, какие причины побудили этого человека в течение полутора-двух лет после занятия должности статс-секретаря имперского ведомства внутренних дел Германии изменить свой взгляд на социальную политику: из противника каких-либо перемен в рабочем вопросе стать активным проводником реформ. Вероятно, главную роль сыграли незаурядные умственные способности этого «аристократа по заслугам», который в очень короткий срок сумел понять, что права профсоюзных объединений («коалиций») должны быть признаны как элемент правовой системы общества. Это было не просто приспособлением правящей верхушки к историческим реалиям эпохи, а признаком верности концепции правового государства, в рамках которой признавался несомненный приоритет права над политикой. Добавим, что составной частью этой концепции была и защита права отдельного трудящегося не участвовать в профсоюзном объединении²².

Двум весьма неординарным личностям – британскому консерватору Леопольду Эмери (1873–1953) и южноафриканскому консерватору Яну Христиану Смэтсу (1870–1950) – посвятил свои главы в указанной работе доцент О. Б. Подвинцев. Л. Эмери – яркий представитель той части консервативной элиты страны, которую можно

²¹ См.: *Мусихин Г. И.* Братья Герлахи: Вожди камарильи или консерваторы без страха и упрека? // Консерватизм: Идеи и люди. С. 80–93.

²² См.: *Шмидт Т. З.* Статс-секретарь социальной политики: Граф Артур Посадовский и социал-реформизм Германии на рубеже XIX–XX вв. // Там же. С. 94–104.

назвать «позитивными империалистами» и благодаря которой имперская традиция Лондона в XIX–XX вв. оставила свой след в современной истории и Соединенного Королевства, и Содружества. Его отличали развитый ум, обширные знания по истории и культуре Великобритании и ее владений, исключительная ответственность во всех делах, за которые он брался в своей долгой жизни, наконец, близкое знакомство и порой тесные дружественные отношения со многими видными имперскими деятелями – лордом Милнером, С. Родсом, Я. Х. Смэтсом и другими.

Все это позволило Л. Эмери глубоко проникнуть в проблемы, перед которыми стояла Британская империя в первой половине XX в., и быть наиболее разумным и активным среди тех, кто предлагал адекватные ответы на вызовы времени. Особенно это относится к проблеме трансформации империи в Содружество, а также к выбору политики Лондона в Европе во второй половине 30-х гг. XX в.: он был одним из наиболее последовательных противников умиротворения А. Гитлера, хотя имел тесные деловые и дружественные отношения с Н. Чемберленом. О силе духа и воле этого все-таки «последнего империалиста» говорит то обстоятельство, что он сумел достойно пережить трагедию своей семьи – государственную измену и казнь своего старшего сына Джона²³.

Не менее интересным и познавательным получился портрет Я. Х. Смэтса. В разное время он был военачальником, государственным деятелем, дипломатом, философом, политическим мыслителем и во всех областях оставил заметный след. Уникальность этого человека проявилась в том, что, будучи по рождению, воспитанию и культуре буром и проявив себя талантливым военачальником в войне против англичан в 1899–1902 гг., он сделал во всех отношениях правильный выбор и наряду с другим видным бурским деятелем Луисом Ботой активно содействовал включению основной части верхушки буров в новую англо-бурскую элиту, возглавившую Южно-Африканский Союз – новый доминион Британской империи.

Я. Х. Смэтс уже в 1920-е гг. едва ли не первым среди видных деятелей англоязычного мира пришел к мысли о необходимости и неизбежности для западной цивилизации интеграции разных форм,

²³ *Подвицнев О. Б.* Леопольд Эмери – предпоследний империалист // Консерватизм: Идеи и люди. С. 189–198.

уровней и масштабов. Пионером в этом процессе он считал Британскую империю, при этом не без оснований полагая, что она представляет собой динамичную систему наций и государств, в рамках которой этносы, народы «...не ассимилируются, а продвигаются дальше по пути национального своеобразия». Именно поэтому он внес свой важный вклад в формирование Британского Содружества наций.

О. Б. Подвинцев подчеркнул две важные параллели военной и политической биографии нашего героя. В обеих мировых войнах он либо командовал войсками ЮАС в сражениях против Германии, либо возглавлял правительство доминиона и представлял его в структурах Содружества и империи. Еще интереснее и значимее другая параллель: Я. Х. Смэтс активно участвовал в разработке основ послевоенного порядка в 1917–1919 гг. и в 1943–1945 гг. и внес определенный вклад в создание Лиги Наций и Организации Объединенных Наций. И это тоже своего рода уникальный феномен: из государственных деятелей малых стран он единственный удостоился такой чести.

Только в одном крупном вопросе национально-культурного развития ЮАС и отчасти Британской империи позиция Я. Х. Смэтса оказалась неадекватной магистральному пути межкультурного общения. Его философская система холизма – абсолютизация раздельного существования частей в рамках целого – послужила теоретическим обоснованием политики апартеида, то есть смягченной разновидности расизма. Правда, по-настоящему эта система была введена в ЮАС политическими противниками Я. Х. Смэтса после его смерти. Своеобразие его личности сказалось и в том, что его консерватизм весьма динамичен, отличается, как правило, разумностью и в то же время не укладывается ни в одно из известных течений консервативной традиции²⁴.

Об устойчивости и плодотворности интереса О. Б. Подвинцева к изучению личных и творческих биографий видных консерваторов говорят публикации его работ о Джоне Иноке Пауэлле (1912–1998) – англичанине, который при всех высоких умственных и творческих способностях не стал ни лидером партии, ни главою правительства, но дал свое имя (пауэллизм) одному из оппозиционных течений в консервативной партии и задолго до прихода М. Тэтчер на Даунинг-стрит, 10

²⁴ См. об этом: *Подвинцев О. Б.* Ян Христиан Смэтс – консерватор-глобалист из Южной Африки // Консерватизм: Идеи и люди. С. 178–188.

был «тэтчеристом». Добавим, что политическая позиция Д. И. Пауэлла и его харизма сыграли немалую роль как в победе партии консерваторов на выборах 1970 г., так и в ее поражении в 1974 г.

В указанных событиях, равно как и в последующих процессах социальной и политической жизни Великобритании, Пауэлл занимал крайне правые, порой экстремистские позиции, особенно по проблемам иммиграции и Северной Ирландии, и одно время был одним из лидеров юнионистов Ольстера. Даже курс М. Тэтчер он считал недостаточно твердым и консервативным. Вместе с тем он был весьма популярной фигурой среди избирателей и пользовался уважением в самых различных политических кругах, в том числе среди своих противников²⁵. Объяснение этого парадокса, насколько можно судить, лежит в весьма своеобразном, даже уникальном переплетении личных качеств Джона И. Пауэлла, особенно в отсутствии карьерного честолюбия, и сложности тех проблем, за решение которых порой крайне «не-прогрессивно» ратовал этот необычный политик и человек.

Наиболее значимым результатом обращения пермских историков к видным фигурам западной политической и духовной культуры стали последние публикации П. Ю. Рахшмира. В книге «Идеи и люди» представлены не просто биографии и теоретическое наследие выдающихся мыслителей ряда ведущих стран Запада, но разнообразная и богатая палитра идейно-политической и духовной жизни Европы конца XIX – середины XX в. Охват имен и идей весьма широкий. Прежде всего это Гаэтано Моска (1858–1941), самый крупный из итальянских, да и европейских политических мыслителей, подлинный основатель теории элиты, автор понятий «политический класс» и «правлящий класс», соединивший в себе ученого и реального политика, осудившего с позиций умеренного консерватора формирование режима Муссолини²⁶.

Весьма обстоятельно исследованы личность и творчество другого итальянца – Вильфредо Парето (1848–1923), прошедшего непростые пути управленца и участника политической борьбы и затем выбравшего сферу социальных наук и преподавания в Швейцарии, человека глубоких разносторонних дарований, пережившего серьезную эво-

²⁵ См.: *Подвицнев О. Б.* Инок Пауэлл // Вопросы истории. 1999. № 9. С. 47–62; см. также: *Он же.* Шагающие не в ногу. Пермь, 1999 (раздел о Д. И. Пауэлле).

²⁶ См.: *Рахшмир П. Ю.* Идеи и люди: Политическая мысль первой половины XX в. Пермь, 1999. С. 7–39.

люцию от радикального либерализма к откровенно правому консерватизму, предпринявшего попытку построения системы, которая охватывала бы все принципиальные связи человека и общества. И хотя эта цель оказалась недостижима, В. Парето внес весьма значительный вклад в создание теорий элит, особенно в обоснование функционального подхода к их анализу, в разработку критериев их типологии, в обоснование концепции циркуляции элит²⁷.

Личность и творчество практически неизвестного в отечественной науке германо-итальянского ученого Роберта Михельса (1876–1936) также привлечет внимание читателя. Выходец из богатой купеческой семьи, получивший прекрасное гуманитарное образование, молодой ученый изменяет своему классу и включается в левосоциалистическое движение Германии и Италии, активно сотрудничает с синдикалистами круга Ж. Сореля и А. Лабриолы. Затем наступает разочарование в социализме и переход на позиции ярко выраженного итальянского национализма и одновременно становление будущего выдающегося политического мыслителя, чему способствовало тесное дружеское и научное общение его с М. Вебером и Г. Моска, а впоследствии с В. Парето.

Главный научный вклад Р. Михельса – основание социологии политических партий и открытие «железного закона олигархии», согласно которому демократии неизбежно присущи олигархические тенденции. Это относится ко всем элементам демократии и прежде всего к политическим партиям, причем к социалистическим в той же мере, как и к буржуазным. Вообще выводы из анализа взаимосвязи проблем лидерства («вождизма»), элит и массы и особое значение в ней фактора организации относятся к самым ценным в научном наследии Р. Михельса и не потеряли своего значения и в конце XX в.²⁸

Привлекает внимание еще одно имя, мало известное нашему читателю. Это Жорж Сорель (1847–1922) – французский мыслитель, идеолог революционного синдикализма. Необычайно противоречивая и одаренная личность, он наряду с Г. Моска, В. Парето, М. Вебером, Р. Михельсом и другими был в центре научных дискуссий конца XIX – начала XX в. Ж. Сорель с воодушевлением еще в 1909–1911 гг. предсказал взлет Б. Муссолини и высоко оценил В. Ленина. Вплоть

²⁷ См.: Рахимур П. Ю. Идеи и люди. С. 40–72.

²⁸ См.: Там же. С. 73–98.

до конца жизни в Ж. Сореле причудливо сочетались весьма различные умонастроения и симпатии – от крайнего синдикализма до радикального фашизма.

Основные положения политической мысли Ж. Сореля: глобальная антибуржуазность; абсолютное отрицание реформ, которые, по его мнению, играют роль опиума, притупляющего «социальную гангрену»; полное неприятие демократии, которую он отождествляет с коррупцией, демагогией, аморальностью; решительное противопоставление ей социализма и особенно левого синдикализма; полное отрицание понятия «политика» и всего связанного с ним. «Насилие» – ключевое понятие у Сореля. Именно оно ликвидирует капитализм, демократию, политику и возводит на высшую ступень «мораль производителей», нравственность революционных рабочих, готовых трудиться во имя общественного долга, а не ради удовлетворения своих материальных потребностей. Именно «мораль производителей» должна стать в новом обществе двигателем современного производства²⁹. Хотя у Ж. Сореля есть здравые суждения, перекликающиеся со взглядами вышеупомянутых мыслителей, в целом его учение, как справедливо отметил П. Ю. Рахшмир, является законченной политической мифологией, которая в разной степени, сознательно или бессознательно, использовалась многими политическими силами и движениями XX в., особенно авторитарными и тоталитарными.

Интересными и весьма познавательными предстают в этой монографии другие крупнейшие политические мыслители. Это Макс Вебер (1864–1920), пожалуй, наиболее глубокий и разносторонний ученый, в наследии которого отражены едва ли не все основные проблемы социологии и политики с сильным методологическим подтекстом. Одновременно в его работах звучит сама реальная жизнь его времени, ибо он был участником политической борьбы в Германии в конце XIX – начале XX в. и внес важный вклад в создание веймарской конституции³⁰. Это Карл Шмитт (1888–1985), в личности которого ученый и человек оказались драматически разорванными, и это серьезно сказывалось в течение долгого времени на отношении к его теоретическому наследию, в том числе к его определению и анализу понятия

²⁹ См. об этом: *Рахшмир П. Ю.* Идеи и люди... С. 99–124.

³⁰ См.: Там же. С. 125–165.

«тотальное» (государство, враг, война)³¹. Это Карл Манхейм (1893–1947), в жизни и творчестве которого, напротив, обе ипостаси – личностная и интеллектуальная – развивались гармонично, несмотря на то, что он наследовал элементы трех богатейших культур: австро-венгерской, германской и англосаксонской. Он внес принципиально важный вклад в социологию политики, особенно в соотношение идеологии и утопии, а также в метаисторическое содержание понятий «ситуация» и «кризис»³². Это, наконец, Гарольд Джозеф Ласки (1893–1950) – один из видных британских марксистов первой половины XX в., лидер леволейбористского течения, интеллигент, мыслитель, пытавшийся совместить верность ценностям западной демократии с леворадикальными иллюзиями эпохи, человек, признавший ряд завоеваний нового курса Ф. Д. Рузвельта и одновременно восхищавшийся успехами сталинского «великого перелома». Основной вклад Ласки в социально-политическую науку – это плюралистическое видение социализма, а также «плюрализм суверенитета» общества, когда различные организации – партии, союзы, группы – обладают некоторыми элементами суверенитета. И хотя его формула «демократического социализма» не могла воплотиться в жизнь, сами поиски ее решения в левой традиции политической и духовной культуры Европы второй половины XX в. были плодотворными. Имя Г. Ласки открывает хорошо известную плеяду видных теоретиков и практиков «демократического социализма»: В. Брандта, Б. Крайского, У. Пальме³³.

Завершая разговор о книге П. Ю. Рахшмира «Идеи и люди», подчеркнем ее главное достоинство: она позволяет читателю основательно погрузиться в весьма сложный, порой захватывающий мир движения социальной и духовной мысли, а специалисту – историку, политологу, культурологу – использовать творческий багаж выдающихся мыслителей для собственных научных изысканий. Вместе с тем отметим еще одну ценность этой работы. Своеобразие метода исследования автором биографий и творчества корифеев социально-политической науки таково, что в процессе чтения его книги перед взором читателя предстает реальная жизнь многих европейских наций более чем за

³¹ См.: *Рахшмир П. Ю.* Идеи и люди. С. 166–198.

³² Там же. С. 199–221.

³³ Там же. С. 222–245.

полвека со всеми ее взлетами и падениями, кризисами, революциями и войнами. И не только жизнь отдельных наций, но и широкого европейского социокультурного пространства конца XIX – середины XX в.³⁴

Ценным результатом сотрудничества ученых Центра исследований по консерватизму и зарубежных специалистов гуманитарных дисциплин стала реализация совместного оригинального проекта историков, политологов и юристов Пермского и Оксфордского университетов³⁵. Применение метода сравнительного анализа политических систем и политической культуры России и Соединенного Королевства как в исторической ретроспективе, так и в современных процессах позволило не только выделить некоторые общие или сходные моменты, но и полнее осмыслить своеобразие устойчивой либеральной демократии в Великобритании и формирующейся российской демократии.

Для отечественного читателя весьма интересными и во многом новыми представляются следующие темы: «расставание с империей» (здесь любопытные параллели британского и российского опытов), федерализм, субсидиарность и Европа регионов (в этом разделе, к сожалению, явно не хватает обобщения британского опыта взаимоотношений центра и регионов – Шотландии, Уэльса, Корнуолла, Ольстера), государственная служба и бюрократия, политическая культура наших стран. Думается, реализация данного проекта является значительным успехом историко-политической науки в масштабе всей России за последние годы и представляет интерес для определенного круга учебно-научного сообщества Великобритании.

Итак, пермская школа исследований политической и духовной культуры Запада взяла хороший старт, обозначила основные направления и темы своих изысканий, добилась серьезных успехов, особенно в интерпретации духовной и политической эволюции консерватизма и основных течений в Великобритании и ряде стран континентальной Европы XIX–XX вв. В этом отношении пермская школа занимает одно из ведущих мест среди сообщества российских ученых, занимающихся данной проблематикой.

³⁴ Подобным же достоинством отличается и другое исследование П. Ю. Рахшмира, насколько можно судить по его началу. См.: *Рахшмир П. Ю.* Князь Меттерних: Человек и политик. Т. 1. Пермь, 1999.

³⁵ См.: *Россия и Британия в поисках достойного правления* / Под ред. И. Кирьянова, Н. Оуэна, Д. Сникера. Пермь, 2000.

Вместе с тем хотелось бы обратить внимание на возможность более активного включения в круг тем пермских коллег проблематики взаимодействия консерватизма и либерализма в переломных ситуациях истории отдельных стран и регионов Европы и континента в целом (эпоха революций и войн конца XVIII – начала XIX в., революции 1848–1849 гг., реформы конца XIX – начала XX в., войны и революции 1914–1923 гг. и другие), а также на проблему своеобразия американского консерватизма, его взаимоотношения с либерализмом в XIX–XX вв. И конечно, сохранить и расширить сравнительное исследование европейской и русской политической и духовной культуры XIX–XX вв.

Н. А. Кручинина

БРИТАНСКАЯ БИБЛИОТЕКА: ИСТОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ И ОБЗОР ОСНОВНЫХ ФОНДОВ

Интеграция России в современное мировое научное и культурное пространство открывает перед отечественными исследователями новые возможности и требует освоения зарубежных информационных ресурсов. На протяжении последнего десятилетия контакты с научными сообществами зарубежных стран постоянно расширяются, иностранные архивные и печатные материалы источникового и историографического характера начинают постепенно осваиваться российскими историками. Однако проблема ориентации в иностранных информационных ресурсах остается все еще актуальной, особенно для провинциальных научных центров. Данная работа призвана хотя бы частично восполнить этот пробел. Она включает в себя базовые сведения о Британской библиотеке (The British Library) – одной из крупнейших библиотек мира и национальной библиотеке Великобритании. Работа ориентирована главным образом на исследователей-историков и представляет собой краткий обзор истории формирования и современного состояния ее основных коллекций.

История Британской библиотеки

Британская библиотека была создана в 1973 г. В основу ее была положена библиотека Британского музея, история которой восходит к 1753 г.

В 1753 г. британский парламент принял закон об образовании Британского музея. В начале своего существования Британский музей включал в себя три отдела: отдел естественной истории (the Department of Natural and Artificial Productions), отдел рукописей (the Department of Manuscripts) и отдел печатных книг (the Department of Printed Books). Из отдела естественной истории в свое время возникли все отделы древностей Британского музея и Музея естественной истории, который был размещен в Южном Кенсингтоне в начале 80-х гг. XIX в. Однако отделы рукописей и печатных книг были наиболее важными частями Британского музея XVIII в., и они выросли в конечном счете в самую большую библиотеку Великобритании.

Библиотека оставалась подразделением Британского музея до 1973 г. Хотя структуры библиотеки и музея на протяжении почти двух с половиной веков менялись, система управления музеем и библиотекой за это время не претерпела существенных изменений. С момента его основания Британским музеем руководил Совет попечителей, в который входили представители важнейших государственных учреждений, научных обществ, благотворители, выдающиеся ученые и общественные деятели, а также члены королевской фамилии, семейств Слоунов, Коттонов и Харлеев. Главные должности в Совете попечителей занимали архиепископ Кентерберийский, лорд-канцлер и спикер палаты общин. Для непосредственного руководства музеем из числа членов Совета попечителей избирался постоянный комитет, который и решал текущие вопросы финансирования, комплектования фондов, технического обслуживания и т.д. Общее руководство осуществлял директор, назначаемый королем из числа сотрудников музея. Средства, необходимые на содержание музея, предоставлялись государством. Ежегодно Совет попечителей официально обращался в парламент за государственной дотацией, предоставляя в Министерство финансов смету расходов на текущий год. Сейчас Британскую библиотеку возглавляет Совет, в который входят сотрудники библиотеки (исполнительный директор и руководители отделов), представители государства, научных и общественных организаций.

В основу коллекций рукописей и печатных книг легли библиотеки сэра Ханса Слоуна (Sir Hans Sloane), Роберта и Эдуарда Харлеев – лордов Оксфорд (Robert and Edward Harley Earls of Oxford) и сэра Роберта Коттона (Sir Robert Cotton). Они включали книги по есте-

ствознанию, средневековые книги и рукописи, документы по истории Англии. В 1757 г. Георг II передал музею так называемую Старую королевскую библиотеку (Old Royal Library), которую начал собирать в свое время еще Генрих VII. Королевская библиотека была одной из старейших английских библиотек, и, кроме того, в ней хранились коллекции книг и рукописей, принадлежавшие английским монастырям до их закрытия в XVI в. Вместе со Старой королевской библиотекой Британскому музею перешло принадлежавшее ей право получать обязательный экземпляр всех книг, издававшихся в Великобритании. В 1799 г. доктор С. М. Крэчерод (С. М. Cracherode) завещал музею четыре с половиной тысячи книг по античной истории и литературе. Тем не менее в XVIII в. Британский музей был довольно скромным учреждением, он начал активно развиваться только после 1800 г. В 1823 г. Георг IV подарил Британскому музею библиотеку своего отца Георга III (по размеру она равнялась половине фонда печатных книг тогдашней библиотеки Британского музея). В 1827 г. была приобретена библиотека сэра Джозефа Бэнкса (Sir Joseph Banks), в основном включавшая в себя книги по естествознанию. В 1830 г. лорд Бриджуотер (Earl of Bridgewater) завещал музею свою коллекцию рукописей (the Egerton Manuscripts) и капитал для пополнения коллекции. Все эти собрания принято называть «первоначальными коллекциями» (*foundation collections*). Таким образом, на раннем этапе своего существования библиотека Британского музея формировалась в основном за счет частных коллекций.

Коллекции книг и рукописей начали быстро увеличиваться с 1837 г., когда хранителем рукописей стал сэр Фредерик Мэдден (Sir Frederic Madden), а хранителем печатных книг – Антонио Паницци (Antonio Panizzi). Ф. Мэдден улучшил систему каталогизации и хранения рукописей и активно расширял фонды библиотеки. Сэр Антонио Паницци в 1856–1862 гг. занимал пост директора библиотеки и заслуженно считается самым выдающимся из директоров за всю историю существования Британской библиотеки и одним из талантливейших библиотекарей Англии. Он организовал перемещение большей части печатных книг из Монтегю-хауса (Montagu House), в котором музей размещался с 1753 г., в новое здание, которое было построено в саду музея в 20–40-е гг. XIX в. Другими крупными его достижениями были создание единого и обязательного для всей библиотеки свода ката-

логизационных правил («ХСИ правило»), которыми библиотека пользовалась до середины XX в., получение больших государственных субсидий на пополнение фондов, проведение в жизнь нового закона о получении для музея обязательного экземпляра каждой работы, изданной в Соединенном Королевстве и колониях (1842), который конкретизировал и уточнял старые законы, и получение в распоряжение библиотеки здания Большого круглого читального зала, окруженного железными стеллажами для книг, который был построен в 1853–1857 гг. А. Паницци ввел в библиотеке читательские билеты и современную систему обслуживания читателей.

В 1881–1905 гг. на основе правил А. Паницци был издан первый полный каталог печатных книг, который лег в основу всех каталогов библиотеки XX в. После 1880 г. стал создаваться предметный каталог. В 1867 г. в число сотрудников отдела рукописей вошел дополнительный хранитель, который отвечал за восточные рукописи, в 1892 г. к восточным рукописям были присоединены восточные печатные книги и сформирован новый отдел.

В 1903 г. из-за переполнения библиотеки газеты были перемещены в здание на улице Колиндэйл, в восьми милях к северо-западу от Британского музея. В определенной мере проблема площадей была решена строительством так называемого Белого крыла в 80-х гг. XIX в., здания короля Эдуарда в 1906–1914 гг. и постройкой новых зданий под офис и книгохранилище отдела печатных книг в 1930-х гг.

В годы Второй мировой войны в результате бомбежек в здании Британского музея было уничтожено приблизительно двести двадцать пять тысяч томов, тридцать тысяч подшивок газет были сожжены или повреждены в Колиндэйле. Значительное количество ценных книг и рукописей были эвакуированы из Лондона.

Сожженные книжные стеллажи в здании Британского музея были восстановлены к 1954 г., но потребность в новом здании для библиотеки вновь стала острой в 1960-х гг., когда возникла необходимость переместить фонды в какое-либо другое место в Лондоне. Планы строительства на участке к югу от Британского музея были заблокированы правительством из-за требований сохранить парк, и в конечном счете в 1983 г. строительство началось на улице Юстон-Роуд, в километре от Британского музея, на участке, примыкающем к железнодорожной станции Сент-Панкрас.

В 1950-х гг. библиотека Британского музея столкнулась еще с одной проблемой: она перестала отвечать тем требованиям, которые предъявлялись к ней современным обществом. Главной претензией к библиотеке было то, что она все больше становилась просто книгохранилищем, а не национальной библиотекой. Она существовала изолированно от других библиотек, ее фонд использовался очень ограниченно. Совет попечителей Британского музея был настроен консервативно и не хотел что-либо менять в принципах работы библиотеки. В 1950–1960-х гг. три парламентских комитета занимались проблемой национальной системы библиотек Великобритании. Последний из них под председательством вице-президента Ноттингемского университета доктора (позднее лорда) Ф. С. Дэйнтона (F. S. Dainton) опубликовал свой отчет в 1969 г. Он предложил вывести библиотеку из состава Британского музея, сделать ее центром национальной системы библиотек Соединенного Королевства, объединить под ее началом другие крупные книгохранилища Великобритании, межбиблиотечный абонемент и службу британской национальной библиографии.

По предложению этого комитета в 1973 г. была основана Британская библиотека. В нее вошли библиотека Британского музея (отделы печатных книг, рукописей и восточных печатных книг и рукописей), Национальная справочная библиотека по естественным наукам и изобретательству (the National Reference Library of Science and Invention), которая была создана на основе Библиотеки Патентного бюро после включения его в состав Британского музея в 1966 г., с 1974 г. – Бюро научно-технической информации Министерства образования и науки (the Office of Scientific and Technical Information of the Department of Education and Science), Библиотека Ассоциации библиотек (the Library Association Library) и Издательский центр «Британская национальная библиография» (the British National Bibliography). Центр межбиблиотечного абонемента (Lending Division) был расположен в Бостон Спа – пригороде Йорка. Он был сформирован на основе Национальной центральной библиотеки (the National Central Library), основанной в 1916 г. и содержавшей в основном коллекции гуманитарного направления, и Национальной научно-технической библиотеки-абонемента (the National Lending Library for Science and Technology), основанной в 1962 г. Обе эти библиотеки и раньше специализировались на работе по межбиблиотечному абонементу, но теперь система МБА в Со-

единенном Королевстве была централизована и передана под контроль Британской библиотеки. В 1982 г. библиотека и архив Министерства по делам Индии были переданы из Министерства иностранных дел (the Foreign and Commonwealth Office) в Британскую библиотеку. Переплетные мастерские, до того времени находившиеся под управлением Государственного издательства Великобритании (Her Majesty's Stationery Office), были переведены в здание Британского музея и в Колиндэйл. В 1983 г. Британский институт аудиозаписей (основанный в начале 50-х гг.) был включен в Британскую библиотеку и переименован в Национальный архив аудиозаписей.

Сейчас все читальные залы библиотеки (за исключением газетного отдела) расположены в здании Сент-Панкрас. Другие здания библиотеки функционируют как книгохранилища, но в ближайшее время планируется централизация всех фондов библиотеки в Сент-Панкресе. Знаменитое здание Большого круглого читального зала в Британском музее вскоре перестанет принадлежать библиотеке, но будет сохранено руководством музея в качестве читального зала для литературы из фондов музея.

Современная Британская библиотека – это национальная библиотека Соединенного Королевства и не только крупнейшее в Великобритании хранилище печатных, рукописных, аудио- и видеоматериалов, но и координирующий центр всех библиотечных служб страны.

Каталоги

За весь период существования библиотеки Британского музея (Британской библиотеки) было составлено и издано четыре сводных каталога печатных книг. Первые два вышли в 1787 г. и 1813–1819 гг., но они были неполными и неудобными для пользования (описания книг в них было сделано без какой-либо единой системы правил). Первый полный каталог печатных книг, составленный на основе правил, предложенных А. Паницци, был издан, как уже отмечалось, в 1881–1900 гг. (*Catalogue of the Printed Books in the Library of the British Museum. L., 1881–1900*). Последний печатный каталог был закончен в 1966 г. (*General Catalogue of Printed Books to 1955. L., 1959–1966*). До 1975 г. к нему издавались приложения, но в этом году он был закрыт. С этого времени стал составляться компьютерный каталог (*British Library Catalogue*), который доступен через сеть Интернет. Кроме того, каждый отдел издает свои обзоры фондов и каталоги.

Состав фондов Британской библиотеки

Структурно Британская библиотека подразделяется на несколько отделов. Некоторые из них (отдел гуманитарных наук, отдел естественных наук, газетный отдел, отдел старопечатных книг, отдел рукописей, отдел восточных книг и рукописей, Национальный архив аудиозаписей) непосредственно занимаются предоставлением материалов библиотеки читателям в читальных залах. Остальные отделы занимаются информационным, библиографическим и техническим обеспечением работы библиотеки. Особенностью хранения фондов Британской библиотеки является принятый там исторически систематический принцип комплектования фондов – по коллекциям. Некоторые коллекции целиком входят в один отдел, другие – размещены в нескольких. Коллекции формируются либо по темам, либо выделяются на основе носителей информации. Ниже представлен краткий обзор тех из них, которые в первую очередь могут быть интересны историку-исследователю.

Современная британская и ирландская коллекция (Modern British & Irish Collections). В ее состав входят две самостоятельных коллекции – Современная британская и Современная ирландская коллекции.

Современная британская коллекция Британской библиотеки является самым большим в мире собранием книг и периодических изданий по Великобритании. Коллекция включает все издания по гуманитарным и социальным наукам, выпущенные на Британских островах после 1915 г., а также литературу по всем областям гуманитарного знания, изданную (после 1915 г.) на английском языке в других странах мира. Главная ценность Современной британской коллекции заключается в большом разнообразии книг и периодических изданий, полученных библиотекой в качестве обязательного экземпляра. Но в состав коллекции входит и множество маленьких собраний, которые были пожертвованы библиотеке или куплены ею. Особенно большую ценность имеют публикации (информационные бюллетени и периодические издания) многочисленных научных, литературных, исторических и культурных обществ Великобритании, в том числе Британской Академии (the British Academy), Британского общества микроистории (the British Association for Local History), Уэльского археологического общества (The Cambrian Archaeological Association),

Исторического общества (the Historical Association), Общества казначейских свитков (the Pipe Roll Society), Королевского археологического института (the Royal Archaeological Institute), Королевского исторического общества (the Royal Historical Society), Королевского общества искусств (the Royal Society of Arts), Эдинбургского королевского общества (the Royal Society of Edinburgh), Шотландского общества памятников прошлого (the Scottish Record Society) и т. д. Коллекция включает богатейшее собрание источников и литературы по британской и ирландской истории XX в. В собрании широко представлены издания на ирландском, шотландском и уэльском языках.

Современная ирландская коллекция Британской библиотеки включает широкий диапазон изданий (с 1915 г.) по гуманитарным и социальным наукам, изданных в Ирландии или посвященных этой стране, главным образом это книги, журналы и брошюры. Особенно много в ней хранится работ по истории и литературе. В коллекции широко представлена продукция издательских домов Ирландской Республики и Северной Ирландии, так как Британская библиотека обладает правом обязательного экземпляра на все издания, печатающиеся в Ирландии. Коллекция включает работы по всем периодам ирландской истории, изданные в XX в., в том числе по ирландскому ревизионизму, истории женщин в Ирландии, истории Великого голода, восстанию 1798 г., политической и социальной истории Ольстера, социальной и экономической истории Ирландии, истории ирландской эмиграции, ирландско-британским отношениям на политическом и общественном уровне. В Современную ирландскую коллекцию включены издания литературных, исторических и культурных обществ Ирландии (как Северной Ирландии, так и Ирландской Республики). В том числе там можно найти публикации таких исторических обществ Ирландии, как Ирландское историческое общество (the Irish Historical Society), Общество экономической и социальной истории Ирландии (Economic and Social History Society of Ireland), Общество истории ирландских рабочих (Irish Labour History Society), Ирландское общество военной истории (Military History Society of Ireland), Историческое Ольстерское общество (Ulster Society for Historical Studies) и т. д. В коллекции широко представлены работы на ирландском языке.

Немецкая коллекция (German Collections). Немецкая коллекция Британской библиотеки является лучшим собранием немецких печатных изданий за пределами немецких стран. Она включает в себя печатные материалы по гуманитарным и социальным наукам из Германии, Австрии и Немецкой Швейцарии. В библиотеке хранится обширное собрание старопечатных книг (до 1800 г.), изданных в Германии, примерно половина из них – на латинском. Это работы по теологии и истории церкви, всеобщей истории, естественным наукам и медицине. Начиная с XIX в. библиотека систематически приобретала немецкие академические издания, включая серийные публикации научных трудов, периодику, официальные издания и художественную литературу. Библиотека владеет самым полным в мире собранием немецких и австрийских эмигрантских периодических изданий за 1933–1945 гг. Среди уникальных изданий, принадлежащих библиотеке, можно назвать два экземпляра Библии Иоганна Гутенберга, один из двух полных сохранившихся экземпляров Нового Завета английского переводчика Библии, работавшего в Германии, Уильяма Тиндэйла, а также книги из собрания немецкого писателя Людвиг Тика, экземпляр «Капитала», переданный в библиотеку самим автором, редкие иллюстрированные книги начала XX в.

Современная французская коллекция (Modern French Collections). В Современную французскую коллекцию Британской библиотеки входят материалы, опубликованные после 1850 г. по гуманитарным и социальным наукам во Франции, и издания на французском языке, вышедшие в Бельгии, Люксембурге, Канаде, Швейцарии, Африке и странах Карибского бассейна. В коллекции представлена также литература на языках малых народов, проживающих на этих территориях. Британская библиотека систематически приобретает французские книги и периодические издания по филологии, философии, искусству, архитектуре, археологии, антропологии и истории. Коллекция включает основные французские, бельгийские официальные публикации, документы по истории французских колоний. Во второй половине XX в. коллекция активно пополнялась работами по экономике, социологии, экологии, информационным технологиям. В Британской библиотеке хранится уникальная коллекция карикатур и иллюстраций, созданных во Франции и Германии во время франко-прусской войны и Парижской коммуны. Библиотека

располагает богатейшей коллекцией французской художественной литературы XIX–XX вв., причем некоторые издания из этой коллекции отсутствуют в самой Франции. Это прижизненные издания Александра Дюма-отца, запрещенные французской цензурой сочинения Шарля Бодлера, прижизненные издания Поля Верлена с автографами автора.

Итальянская и современная греческая коллекция (Italian and Modern Greek Section). Итальянская и современная греческая коллекция охватывает публикации по гуманитарным и социальным наукам из Италии, Итальянской Швейцарии, Сан-Марино, Греции и Кипра. В собрании широко представлены книги, серийные издания и электронные публикации по истории, археологии, искусству, архитектуре, филологии, художественная литература. Итальянское собрание Британской библиотеки считается одним из лучших в мире. Оно включает материалы из Италии (в том числе на всех диалектах итальянского языка от фриульского до сицилийского), Итальянской Швейцарии (включая литературу на ретороманских диалектах) и бывших итальянских колоний в Африке (Абиссинии, Эритреи, Сомали). В коллекции широко представлены произведения крупнейших итальянских авторов: Данте, Петрарки, Боккаччо, Макиавелли, Тассо, Джакомо Леопарди, Алессандро Мандзони, Альберто Моравиа, Джузеппе Томази ди Лампедузы и Умберто Эко, академические издания и критические работы. Библиотеке принадлежат уникальные исторические сочинения, выпущенные в эпоху Рисорджименто и Объединения Италии, редкие работы итальянских веристов и футуристов.

Испанские коллекции (Hispanic Section). Испанское собрание Британской библиотеки обеспечивает доступ к публикациям по гуманитарным и социальным наукам из Испании, Португалии, Латинской Америки, испаноязычных островов Карибского моря и бывших испанских и португальских территорий в Азии и Африке. Коллекция включает материалы на испанском, португальском, каталонском, галисийском, баскском языках и языках американских индейцев. Испанское собрание состоит из трех коллекций: испанской, португальской и латиноамериканской. Испанская коллекция Британской библиотеки является одним из двух самых крупных в мире собраний литературы на испанском языке за пределами Испании (второе собрание принадлежит Испанскому обществу в Америке, находящемуся

в Нью-Йорке). Испанская коллекция Британской библиотеки в основном включает в себя книги по истории и литературе. Библиотека обладает большим собранием испанских первопечатных книг XVI в., богатой коллекцией книг испанских писателей, поэтов и драматургов. Португальская и латиноамериканская коллекции включают соответственно материалы по Португалии и португалоязычным странам Африки и по странам Латинской Америки.

Голландская (фламандская) коллекция (Dutch/Flemish Section). Голландская (фламандская) коллекция Британской библиотеки включает материалы по гуманитарным и социальным наукам, издаваемые на территориях, население которых говорит на голландском языке (в том числе и на таких его диалектах, как язык фризгов и африкаанс), а также материалы по истории, культуре, современному положению этих территорий, издаваемые на других языках. Британская библиотека знаменита своим собранием старопечатных нидерландских книг (до 1850 г.), которое отражает историю печатного дела в Нидерландах. Эта коллекция может конкурировать с собраниями крупнейших нидерландских и бельгийских библиотек. Библиотека обладает уникальной коллекцией ранних нидерландских трактатов. Собрание лейденских медицинских трактатов XVI–XVIII вв. не имеет себе равных в мире. Обширна коллекция голландской литературы XIX–XX вв., в том числе в ней особенно хорошо представлена художественная литература. В голландское собрание входят уникальные коллекции голландских книг и газет, издававшихся в Нидерландах подпольно во время немецкой оккупации в годы Второй мировой войны. В последние годы голландское собрание пополнила новая коллекция, посвященная конфликту Голландии и Индонезии в 40-х гг. XX в.

Скандинавская коллекция (Scandinavian Collections). Скандинавская коллекция Британской библиотеки представляет собой одно из самых больших и самых богатых собраний книг, изданных в Скандинавских странах, находящееся вне Скандинавии. Ее преимуществом является то, что она соединяет в одном месте скандинавские книги, которые иначе можно было бы найти, только посетив несколько Скандинавских стран. Скандинавская коллекция включает в себя публикации по гуманитарным и социальным наукам всех пяти Скандинавских стран: Дании, Финляндии, Исландии, Норвегии и Швеции. В коллекции представлена литература на языках многих народов этих

стран: датском, фарерском, финском, гренландском, исландском, норвежском, саамском и шведском, а также много скандинавских книг, напечатанных по-английски. В собрание входят прекрасные коллекции по лингвистике, литературе и истории Скандинавских стран. Однако скандинавское собрание Британской библиотеки не сосредоточено исключительно на материале, касающемся Скандинавии, оно охватывает широкий диапазон международных проблем в рамках гуманитарных и социальных наук.

Славянская и восточноевропейская коллекция (The Slavonic and East European Collections). Славянская, восточноевропейская и советская коллекция Британской библиотеки – самая большая в Великобритании и во всей Западной Европе. Для нее приобретаются материалы по гуманитарным и социальным наукам, издаваемые на всех славянских и восточноевропейских языках во всех странах мира. Славянское и восточноевропейское собрание разбивается на четырнадцать коллекций, сформированных по страновому или национальному признаку. К ним относятся польская, лужицкая, чешская, словацкая, венгерская, румынская, болгарская коллекции, коллекция бывшей Югославии, албанская, балтийская, молдавская, русская, белорусская и украинская коллекции. Например, русская коллекция содержит большое количество русских книг и журналов XVI–XX вв., в том числе русские первопечатные книги, издания Российской академии наук XVIII–XX вв., издания русских и советских исторических, литературных, географических обществ, материалы по российской эмиграции XIX–XX вв. Коллекция по бывшей Югославии содержит собрания книг по Сербии, Боснии, Хорватии, а также специально подобранную литературу по Балканскому кризису и проблемам Косово.

Восточные коллекции и коллекции Министерства по делам Индии (Oriental and India Office Collections). Восточные коллекции Британской библиотеки считаются самым обширным и разнообразным собранием восточных книг и рукописей в мире. Отдел восточных коллекций и коллекций Министерства по делам Индии собирает и обеспечивает доступ к материалам, касающимся всех стран Азии, Северной Африки и взаимодействия европейцев с ними. Там хранятся материалы на языках народов Азии, Северной и Северо-Восточной

Африки по гуманитарным, социальным и политическим наукам. Коллекции Министерства по делам Индии включают библиотеку и архив бывшего министерства. В архив министерства входит также архив Ост-Индской компании. В составе этих материалов – литература и документы, касающиеся Индии, Пакистана, Бирмы, Бангладеш, Ирана, стран Персидского залива, Южной Африки, острова Святой Елены, Малайзии, Сингапура, Индонезии, Китая и Японии. Отдельно выделены коллекции по Китаю, Японии и Корее.

Африканская коллекция (African collections). Африканская коллекция Британской библиотеки включает в себя большое количество книг, журналов, газет и рукописей, посвященных Африке. Коллекция охватывает материалы XVI–XX вв. В основном это британские и собственно африканские издания, но в библиотеке представлено также большое собрание книг из Франции, Германии и Северной Америки. Коллекция включает материалы о деятельности торговых компаний, ориентированных на Африку. В собрании представлены работы путешественников, исследователей, миссионеров и колониальных чиновников, протоколы и доклады научных и миссионерских обществ, работавших в Африке. Большое место в коллекции занимает литература, издававшаяся миссионерами и колониальными властями для африканцев (например, в библиотеке хранятся редкие переводы Библии на местные языки). Библиотека располагает официальными материалами колониальных правительств в Африке, а также государственными и правительственными документами современных африканских стран.

Служба социальной информации (The Social Policy Information Service – SPIS). Служба социальной информации – структурное подразделение отдела естественных и точных наук и предпринимательства Британской библиотеки (the British Library Science, Technology and Business – STB). Служба социальной информации предназначена для предоставления широкого диапазона современной официальной, научной и статистической информации по всем странам и регионам мира по следующим темам: центральное и местное управление, семья и общественная жизнь, занятость и рынок труда, образование, благосостояние и социальное обеспечение, здравоохранение, жилищный вопрос, преступность и т. д. Коллекции Службы социальной информа-

ции включают такие материалы, как официальные публикации, книги, журналы, научные и правительственные доклады по вышеобозначенным проблемам. Например, Служба социальной информации предоставляет доступ к правительственным и министерским материалам Великобритании, протоколам заседаний палаты общин и палаты лордов (Hansard), протоколам заседаний и докладам парламентских комитетов, законодательным материалам и другим правительственным изданиям Великобритании, официальным материалам правительства и конгресса США, ООН и т. д.

Собрание газет (Newspaper Library). Собрание газет Британской библиотеки – национальный архив британских и иностранных газет. В нем хранятся британские и зарубежные газеты, оригиналы и микрофильмы начиная с XVII в. Английские газеты XVII–XVIII вв. входят в состав двух коллекций – коллекции Томасона и коллекции Бернея, которые были приобретены Британским музеем в XVIII – начале XIX в. Эти коллекции содержат уникальные материалы, но многие периодические издания этого периода утрачены. Систематический сбор британских газет начался с 1822 г. С этого времени Британский музей получал все газеты, издававшиеся в Великобритании, по праву обязательного экземпляра. Сейчас Британская библиотека получает ежегодно более трех тысяч наименований газет, издающихся в Соединенном Королевстве и Ирландской Республике, что составляет примерно семьдесят процентов газет, печатающихся на Британских островах. Собрание ирландских газет Британской библиотеки считается лучшим в мире, равного ему нет даже в самой Ирландии. В состав Собрания газет входят также газеты стран Содружества. Ежегодно Британская библиотека приобретает около трехсот наименований зарубежных газет, в основном европейских и американских.

Собрание рукописей (Manuscript Collections). Собрание рукописей Британской библиотеки – главное национальное хранилище рукописей и частных архивов, в основном на западноевропейских языках. Собрание рукописей включает в себя три основных коллекции (хотя и не исчерпывается ими): коллекцию исторических рукописей, коллекцию литературных и театральных рукописей и коллекцию священных, библейских и литургических текстов. Самые известные исторические документы в собрании – это, несомненно, две из четырех

дошедших до нас рукописей «Magna Carta» 1215 г. К другим важным ранним историческим рукописям относятся четыре из шести основных рукописей Англосаксонской хроники XI в. и один из самых ранних дошедших до нас экземпляров VIII в. «Церковной истории народа англов» Беда Достопочтенного. В коллекции представлены письма и личные бумаги практически всех британских королей, манориальные свитки, хартии, печати, картулярии, хроники и карты поместий. Собрание включает личные архивы британских государственных деятелей, премьер-министров (например, У. Ю. Гладстона и лорда Бальфура), дипломатов и видных военачальников. Коллекция литературных и театральных рукописей включает в себя средневековые рукописи, записи средневековых поэм и романов, а также архивы английских писателей и драматургов Нового и Новейшего времени. В коллекцию священных, библейских и литургических текстов входят английские, французские, итальянские, болгарские, испанские средневековые рукописные Библии, Евангелия, Псалтыри и другие священные тексты.

Коллекция старопечатных книг (Early Printed Collections).

Коллекция старопечатных книг включает книги на английском и западноевропейских языках, напечатанные до Первой мировой войны. В свою очередь она распадается на отдельные собрания: коллекцию инкунабул, Британскую печатную коллекцию 1501–1800 гг., Британскую печатную коллекцию 1801–1914 гг., Голландскую печатную коллекцию 1501–1850 гг., Французскую печатную коллекцию 1501–1850 гг., Немецкую печатную коллекцию 1501–1850 гг., Испанскую печатную коллекцию 1501–1850 гг., Итальянскую печатную коллекцию 1501–1850 гг. и Скандинавскую печатную коллекцию 1501–1850 гг. В Британской библиотеке хранится не имеющее аналогов в мире собрание британских печатных материалов XIX в. В основном материалы этого собрания получены библиотекой по праву обязательного экземпляра. В собрании представлены все разновидности печатной продукции, издававшейся на Британских островах в XIX в. В основном это художественная литература, биографии, богословские книги, литература политического характера, детские книги, книги по географии. Собрание включает в себя также крупнейшую коллекцию британских фотоматериалов XIX в.

Также в состав Британской библиотеки входят: **собрание карт** (Map Collections) – собрание карт, атласов всех частей земного шара и глобусов начиная с XV в.; **музыкальная коллекция** (Music Collections) – национальное собрание рукописных и печатных нот и аудиозаписей XIII–XX вв.; **филиателистическая коллекция** (Philatelic Collections) – собрание марок, конвертов, почтовой бумаги, книг по филателии; **отдел библиотековедения и информационных технологий** (Librarianship and Information Sciences Service), предоставляющий литературу по библиотековедению и информационным технологиям, дополняющий и поддерживающий каталог и ведущий библиографическое обслуживание читателей; **отдел естественных и точных наук и предпринимательства** (Science, Technology and Business collections – STB) – собрание литературы по естественным и точным наукам, предпринимательству, патентам и торговым маркам; **Национальный архив звукозаписей** (National Sound Archive) – коллекция аудиозаписей и видеоматериалов конца XIX – XX вв.

Читальные залы Британской библиотеки расположены по двум адресам: газетный отдел – Newspaper Library, Colindale Avenue, London, все остальные читальные залы – The British Library, Euston Road, 96, London.

ОСНОВНАЯ ЛИТЕРАТУРА О БРИТАНСКОЙ БИБЛИОТЕКЕ

Балдина И. В. Библиотека Британского музея // Библиотековедение и библиография за рубежом. Вып. 10. М., 1962. С. 87–106.

Гиляревский Р. С., Каневский Б. П. Роль Антонио Паницци в развитии теории книгоописания и комплектования фондов библиотеки Британского музея // Библиотековедение и библиография за рубежом. Вып. 30. М., 1969. С. 57–62.

Каневский Б. П. Русская книга в Британском музее XIX в. // Тр. Гос. биб-ки СССР им. В. И. Ленина. Т. 11. М., 1969. С. 106–125.

Миллер Э. Антонио Паницци и Британский музей // Библиотековедение и библиография за рубежом. Вып. 30. М., 1969. С. 45–56.

Назмутдинов И. Великобритания // Библиотекарь. 1989. № 3. С. 60–61.

Более подробную информацию о Британской библиотеке, ее фондах и каталоге можно получить на сервере Британской библиотеки в сети Интернет: <http://www.bl.uk>

Ю. Е. Комлева

ФРИДРИХ II ВЕЛИКИЙ
В ФОНДАХ ОТДЕЛА РЕДКИХ КНИГ
НАУЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ УРАЛЬСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

XVIII век – знаменитая эпоха Просвещения, проведения политики просвещенного абсолютизма в ведущих европейских странах, представленная такими яркими личностями, как Иосиф II в Австрии, Екатерина II в России, министр Помбал в Португалии и, конечно же, Фридрих II в Пруссии. Фридрих II Гогенцоллерн, прозванный Великим, – один из наиболее интересных и удачливых монархов своего времени, остающийся загадочной, необъяснимой личностью в историографии. Фридрих II Прусский, выдающийся полководец и политический деятель, являлся также и плодовитым писателем. Он оставил своим потомкам изложение своих политических и философских воззрений, исторические описания современных ему событий в различных сочинениях и переписке со многими европейскими правителями, философами и учеными XVIII в.

Личность Фридриха II, его взгляды и политическая деятельность, безусловно, интересовали его современников. Свои мемуары ему посвятила его сестра Вильгельмина, маркграфиня Байрейтская¹, его друг Александр Катт, занимавший должность чтеца при короле².

Ученые-историки XIX – начала XX в. посвятили его личности свои работы, преимущественно биографического характера³. Как представляется, меньший интерес к Фридриху II наблюдается у историков XX в., но тем не менее имеется ряд работ, посвященных этой проблеме, среди которых книги Алана Палмера⁴ и Ингрид Миттерцвей⁵.

¹ См.: *Memoires de Wilhelmine de Bareitte, la soeur de Frederic le Grand*. B., 1811.

² См.: *Friedrich der Grosse. Gespräche mit Catt*. Leipzig, 1940.

³ См.: *Carlyle T. The History of Frederick II of Prussia, Called Frederick the Great*. L., 1974; *Koser R. Geschichte Friedrichs des Grossen*. B., 1893–1903; *Kugler F. Geschichte Friedrichs des Grossen*. Leipzig, 1856; *Lavissee E. The Youth of Frederic the Great*. L., 1899; *Preus J. D. Frederick the Great, the History of Life*. L., 1837; *Idem. Frederick the Great with Friends*. L., 1838.

⁴ См.: *Palmer A. Frederick the Great*. L., 1974.

⁵ См.: *Mitterzwei I. Friedrich von Preussen: Eine Biographie*. B., 1980.

Конечно, нельзя не отметить, что рассматриваемая проблема занимала в первую очередь зарубежных историков – представителей английской, немецкой и французских школ. Что касается русской и советской историографии, то она крайне скудна. В 1844 г. вышел перевод Ф. Кони работы Франца Кюглера «История Фридриха II»⁶, которую переводчик попытался дополнить фактами из истории России, пользуясь документами архива Генерального Его Императорского Величества штаба. М. Петров дает краткий очерк жизнедеятельности Фридриха II⁷. Н. Кареев считал важным остановиться на сюжетах воспитания кронпринца и его молодых годах для объяснения сложившегося характера будущего великого короля⁸. Из современных исследователей можно назвать статьи Б. М. Туполева, которые посвящены взаимоотношениям Фридриха II со своим отцом, Фридрихом Вильгельмом I, и политической деятельности Фридриха II⁹.

Что же касается источниковой базы эпохи Фридриха II и конкретно его эпистолярного наследия, то его стихи и некоторые философские произведения были опубликованы еще при его жизни. Почти сразу же после его смерти в 1788–1789 гг. была предпринята публикация большей части его произведений и переписки на французском языке. В 1846–1857 гг. И. Пройс опубликовал работы Фридриха II в тридцати томах на французском языке со своими комментариями¹⁰. Произведения Фридриха были переведены на английский и немецкий языки. Несколько раз переиздавалась отдельно его политическая переписка и военные инструкции¹¹. На русский язык его сочинения переведены не были, за исключением некоторых цитат, встречающихся в работах Ф. Кони, Н. Кареева и Б. Туполева.

⁶ См.: Кони Ф. История Фридриха Великого. СПб., 1844.

⁷ См.: Петров М. Лекции по всемирной истории. Т. 4. СПб., 1905. С. 97–108.

⁸ См.: Кареев Н. История Западной Европы в Новое время. Т. 3. СПб., 1908. С. 329–340.

⁹ См.: Монархи Европы: Судьбы династий. М., 1996; Туполев Б.М. Фридрих II, Россия и первый раздел Польши // Новая и новейшая история. 1997. № 5, 6.

¹⁰ См.: Oeuvres de Frederic le Grand / Ed. by J. D. Preuss. Vol. 1–31. B., 1846–1857.

¹¹ См.: Die Werke Friedrichs des Grossen in deutscher Uebersetzung / Hrsg. von F. Oppeln-Bronikowski. Vol. 1–10. S. 1., 1913–1914; Die Werke Friedrichs des Grossen. In deutscher Uebersetzung / Hrsg. von G. Berthold. Vol. 1–10. B., 1912–1914; Posthumous Works of Frederick II, King of Prussia. Vol. 1–13. S. 1., 1789; Politische Korrespondenz Friedrichs des Grossen. Vol. 1–47. B., 1879–1939; Military Instructions. L., 1797; Instructions for His Generals. L., 1762.

В отделе редких книг научной библиотеки УрГУ находится ряд публикаций сочинений (1788–1789) Фридриха II.

В 1920 г. с принятием Декрета об учреждении Уральского государственного университета началось комплектование книжных фондов университетской библиотеки. В Екатеринбург было отправлено более восьмидесяти тысяч книг, в том числе пятнадцать тысяч книг Царскосельского лицея, в 1844 г. переименованного в Императорский Александровский лицей, к которому, в свою очередь, в 1818 г. перешла библиотека Александровского дворца; большинство книг XVIII в. на французском языке поступило из так называемых яшмовых комнат дворца. Оттуда же, по всей вероятности, судя по печатям, содержащимся в книгах, поступили и издания трудов Фридриха II.

Сочинения Фридриха II, находящиеся в отделе редких книг, переплетены одинаково, с общей нумерацией томов с первого по пятидесятый с надписью на корешке «Труды Фридриха II». Они включают в себя три издания сочинений и корреспонденции Фридриха II:

– *Томы 1–4*: Труды Фридриха II, короля Пруссии, изданные при жизни автора. Берлин, 1789 (Oeuvres de Frederic II Roi de Prusse. Publiees du vivant de l'auteur. В.: Voss et Fils et Decker et Fils, 1789).

– *Томы 5–19*: Фридрих II. Посмертные труды Фридриха II, короля Пруссии. Берлин, 1788 (Oeuvres Posthumes de Frederic II Roi de Prusse. В.: Voss et Fils et Decker et Fils, 1788)

– *Томы 20–25*: Дополнение к посмертным трудам Фридриха II, короля Пруссии. С целью продолжить берлинское издание. Содержащее несколько произведений, приписываемых этому знаменитому автору. Кельн, 1789. (Suplement aux Oeuvres Posthumes de Frederic II Roi de Prusse. Pour servir de suite a l'edition de Berlin. Contenant Plusieurs Pieces qu'on attribue a cet illustre Auteur. Cologne, 1789)

Томы 2[3] и 12[8] отсутствуют.

В особую группу условно можно выделить тома 26–50, которые содержат произведения, авторство которых не установлено, они не содержат даты и места издания. Название томов устанавливается по шмуцтитулу.

Трудность работы представляет язык публикаций. Фридрих II, будучи прусским королем, свой родной немецкий язык считал грубым и непригодным для литературных произведений. Все его сочинения и письма написаны на французском языке. В отечественной историографии та часть его сочинений, которая упоминается, за редкими

исключениями также указывается только на французском языке. Французский язык XVIII в. отличается от современного, и поэтому для перевода привлекался французско-русский словарь 1841 г. издания¹².

Сложность также представляет установление точной даты написания каждого отдельного сочинения, поскольку они очень редко указываются самим автором.

Была проведена работа по составлению археографического описания и полной библиографии присутствующих в фонде публикаций сочинений и корреспонденции Фридриха. Составлено развернутое оглавление каждого тома на языке оригинала, и дан перевод на русский язык.

Условно все произведения Фридриха II, представленные в данных изданиях, можно разделить на исторические, философские, литературные, а также сочинения о военной науке и его политических воззрениях.

Сочинения Фридриха II

Исторические

– Мемуары для представления истории дома Бранденбургского (1746–1751) = *Memoires pour servir a l’histoire de la maison de Brandenbourg*. Т. 1[1]. С. 1–439.

– Размышления о военных талантах и характере Карла XII, короля Швеции = *Reflexions sur les talents militaires a sur le caractere de Charles XII, Roi de Suede* (1759). Т. 3[2]. С. 383–416.

– История моего времени (1743–46) = *Histoire de mon Temps*. Т. 1[5], 2[6].

– История Семилетней войны (1763–1764) = *Histoire de la Guerre de Sert Ans*. Т. 3[7], 4[8].

– Воспоминания со времени Губертсбургского мира, 1763, до конца раздела Польши, 1775 = *Memoires depuis la paix de Hubertsbourg, 1763, jusqu’a la fin du partage de la Pologne, 1775*. Т. 5[9]. С. 3–184.

– Воспоминания о войне 1778 года = *Memoires de la guerre de 1778*. Т. 5[9]. С. 185–290.

Портрет месье де Вольтера, 1756 = *Portrait de Mr. de Voltaire*. 1756. Т. 1[20]. С. 365–366.

¹² Всеобщий французско-русский словарь. М., 1841.

Философские

– Письма о любви к родине = *Lettres sur l'amour de la Patrie ou correspondance d'Anapistemon et de Philopatros*. Т. 3[2]. С. 3–60.

– Критическое рассмотрение «Системы природы» = *Examen critique du Systeme de la nature*. Т. 6[10]. С. 139–168.

– Рассуждение о невинности заблуждений разума = *Dissertation sur l'innocence des erreurs de l'esprit*. Т. 6[10]. С. 189–218.

– Размышление о вере = *Pensees sur la Religion*. Т. 2[21]. С. 3–170.

Военная наука

– Военные предписания короля Пруссии своим генералам = *Instruction militaire du Roi de Prusse pour ses Generaux*. Т. 3[2]. С. 239–382.

– О военных походах и том, на что следует обращать внимание = *Des marches d'armees, et de ce qu'il faut observer a cet egard*. Т. 3[2]. С. 417–452.

– Искусство ведения войны (1751) = *L'art de la guerre*. Т. 4[4]. С. 349–419.

Политические

– Взгляд на настоящее состояние государственной системы в Европе (1736, 1737–38) = *Considerations sur l'etat present du corps politique de l'Europe*. Т. 6[10]. С. 3–52.

– Очерк о формах управления и обязанностях государей (1777) = *Essai sur les formes de gouvernement, et sur les devoirs des souverains*. Т. 6[10]. С. 58–88.

Литературные

– Палладион: Поэма (1751) = *Le Palladion, poeme grave*. Т. 1[20]. С. 11–190.

– Союзническая война: Поэма = *La guerre de Confederes, poeme*. Т. 1[20]. С. 191–260.

– Суд над Танталом = *Tantale en Proces*. Т. 1[20]. С. 321–364.

– Школа жизни: Комедия (1743) = *L'Ecole du Monde. Comedie*. Т. 1[20]. С. 369–446.

– О немецкой литературе = *De la litterature allemande*. Т. 3[2]. С. 61–122.

– Вступление к Генриаде месье де Вольтера = *Avant-propos sur la Henriade de Mr de Voltaire*. Т. 6[10]. С. 169–188.

- Стихотворения.
- Оды.
- Послания.
- Фацетии.

Другие произведения

– Диалог мертвых между принцем Евгением, милордом Мальборо и принцем Лихтенштейнским = Dialogue des Morts entre le Prince Eugene, Milord Marlborough, et le Prince de Lichtenstein. Т. 6[10]. С. 11–128.

– Диалог мертвых между Марком Аврелием и Реколле = Dialogue entre Marc-Aurele et un Recollet. Т. 6[10]. С. 129–138.

– Диалог мертвых между герцогом де Шуазелем, графом де Струэнзе и Сократом = Dialogue des Morts entre le Duc de Choiseul, le Comte de Struensee, et Socrate. Т. 6 [10]. С. 111–128.

– Инструкция для дирекции Академии наук в Берлине = Instruction pour la direction de l'Academie de Nobles a Berlin. Т. 3[2]. С. 453–466.

В данных изданиях представлена переписка короля с австрийскими императорами Марией Терезией и Иосифом II и с выдающимися учеными, деятелями Просвещения: Вольтером, Д'Аламбером, Кондорсе, Альгаротти, Д'Аржаном, Фонтенелем, Ролленом, Мопертюи и другими, охватывающая период примерно с 1736 г., когда он был еще кронпринцем, до самой его смерти в 1786 г.

Таким образом, информационные возможности фонда велики. На базе имеющихся в научной библиотеке УрГУ публикаций сочинений и корреспонденции Фридриха II предоставляется широкая возможность для изучения личности монарха и его деятельности в политической и военной сферах, изучения его философских воззрений, идейной направленности, а также исторических событий, международной политической ситуации знаменитой эпохи Просвещения.

А. В. Мельник

«ВЕСТНИК ЕВРОПЫ» ОБ АНГЛИИ**Библиографический указатель материалов,
опубликованных в 1866–1917 гг.**

Периодическая печать в целом как исторический источник не нуждается в доказательстве ее репрезентативности. Информация, содержащаяся в журналах дореволюционной России, богата по объему, разнообразна по содержанию и способна удовлетворить, пожалуй, любого взыскательного исследователя. Тип ежемесячного общественно-политического и литературно-художественного журнала с постоянным литературным и научным отделом сложился именно во второй половине XIX – начале XX в. «Толстые» журналы занимали ведущее положение в русской журналистике того времени. Они отличались известной универсальностью, разносторонностью программ и общероссийским характером издания. Сотрудниками и авторами публикаций в таких изданиях нередко выступали крупные писатели и ученые, выдающиеся деятели культуры и искусства, композиторы, художники, деятели народного образования.

К сожалению, в исторических исследованиях до настоящего времени материалы дореволюционной российской прессы практически не используются в качестве исторического источника¹. В первую очередь это касается страноведческой историографии. Исследователи не всегда обращают внимание на источники, обладающие колоссальным информационным потенциалом изучаемой эпохи, которые буквально находятся на расстоянии вытянутой руки. Содержание журналов рубежа XIX–XX вв. отличается большим сюжетным охватом. Значительную долю публикаций составляют материалы, посвященные заграничной жизни. Часть проблемы заключается еще и в том, что до сих пор не существует какого-либо каталога или сборника статей данных источников по той или иной проблематике.

¹ См., например: *Ерофеев Н. А.* «Дряхлый Альбион»: Англия в русской публицистике 30–40-х гг. XIX в. // Проблемы британской истории. М., 1980. С. 129–146; *Котов С. А.* Английский политический строй на рубеже XIX–XX вв. в освещении русской либерально-буржуазной публицистики // Там же. С. 217–226.

Целью настоящей публикации является ознакомление с результатами изучения русской журнальной прессы второй половины XIX – начала XX в. на примере статей журнала «Вестник Европы», посвященных истории, современной политической, социально-экономической и культурной ситуации в Англии. Ниже представлен перечень статей журнала «Вестник Европы» за 1866–1917 гг.

«Вестник Европы» являлся одним из наиболее крупных, самых читаемых и распространенных русских «толстых» журналов². Среди дореволюционных ежемесячников ему принадлежал рекорд долголетия: он просуществовал пятьдесят два года. «Вестник Европы» выходил без предварительной цензуры и ни разу не был приостановлен. Основателем журнала и его бессменным редактором и издателем на протяжении сорока трех лет был историк и общественный деятель М. М. Стасюлевич. Среди ведущих сотрудников журнала, формировавших его основное направление, выделялась большая группа либеральных ученых и публицистов, преимущественно историков и литературоведов: это Н. И. Костомаров, С. М. и В. С. Соловьевы, К. К. Арсеньев, Д. Л. Мордовцев, А. Ф. Кони, Н. А. Котляревский, А. Н. Веселовский, К. Д. Кавелин и другие. В 1908 г. издателем журнала стал М. М. Ковалевский, который ежегодно печатал в «Вестнике Европы» до десяти своих научных работ.

Уже по первоначальному замыслу основателей журнала значительное место в нем отводилось исследованиям, очеркам, беллетристическим произведениям на темы и сюжеты из отечественной и зарубежной истории. Поэтому при создании «Вестник Европы» был объявлен журналом «историко-политических наук», а в 1870 г. был преобразован в «журнал истории, политики и литературы». Но если до 1905 г. большее внимание уделялось всемирной истории, то с момента Первой русской революции на первое место вышли текущая политика и злободневные проблемы русской жизни. Однако отечественные примеры постоянно рассматривались в сравнении с историческим и современным опытом других европейских стран.

Регулярные английские сюжеты поддерживали постоянные корреспонденты (С. И. Рапопорт, Дионео, А. Чекин), которые предос-

² См. об этом: *Есин Б. И.* Либерально-буржуазный журнал «Вестник Европы» // Русская журналистика 70–80-х гг. XIX в. М., 1963; *Савенков А. Л.* «Вестник Европы» // Очерки по истории русской журналистики и критики. Т. 2. Л., 1965.

тавляли материалы как в форме кратких сообщений, так и в форме обстоятельных репортажей об Англии. Частыми оказывались публикации известных ученых-историков – таких, как В. И. Герье, М. М. Ковалевский, А. Савин, Е. Тарле. В издании также занимали особое место заметки путешественников, обывателей, которые стремились донести свои впечатления до читающей публики.

Исследование показало, что английские сюжеты являлись постоянным предметом внимания авторов журнала «Вестник Европы» на протяжении всего периода существования журнала. Материалы, относящиеся к английской тематике, можно условно разделить на следующие рубрики:

– Экономика и социальные преобразования (например: *Янжул И.* Соляной налог и последствия его отмены в Англии и России. 1881. Т. 3, кн. 6; Т. 4, кн. 7; *Рапопорт С. И.* Неудавшаяся стачка в Лондоне. 1898. Т. 3, кн. 5).

– Политическая жизнь страны (например: *Дерюжинский В. Ф.* Публичные митинги в Англии. 1893. Т. 1, кн. 2; Т. 2, кн. 3; *Савин А.* Фабианцы: Из лондонских наблюдений. 1903. Т. 4, кн. 8; *Майский В.* Ллойд-Джордж, 1916. Кн. 1).

– Англия и мир (например: *Минаев И. П.* Англичане в Бирме. 1887. Т. 6, кн. 11; *Нольде Б. Э.* Англия и ее автономные колонии. 1906. Т. 5, кн. 9; *Ковалевский М. М.* Германцы против англичан. 1915. Кн. 5).

– История Англии (например: *Толстой Ю. В.* Англия и ее виды на Россию в XVII в.: По новым документам. 1875. Т. 4, кн. 8; *Ковалевский М. М.* Причины обезземеливания крестьян в Англии. 1909. Т. 2, кн. 4; *Нольде Б. Э.* Корона в Англии: Переписка королевы Виктории. 1909. Т. 5, кн. 9).

– Образование, университеты, религия (например: Идеи о классическом и реальном образовании в Англии нашего времени. 1867. Т. 3, сентябрь; *Герье В. И.* Университеты и народ в Англии. 1896. Т. 1, кн. 2; Церковная школа в Англии. 1904. Т. 2, кн. 3).

– Общество и повседневная жизнь (например: *Рапопорт С. И.* Обыватели Лондона и их быт. 1897. Т. 3, кн. 5; *Гейкинг Г.* Домашняя и общественная жизнь в Англии. 1906. Т. 6, кн. 12).

Следует отметить, что в каждом номере журнала в отделе «Иностранное обозрение» («Иностранная политика», «Корреспонденция») регулярно помещался краткий обзор актуальных событий, происхо-

дивших в той или иной стране. Приведенный ниже перечень статей не включает в себя данные этих обзоров.

1866

Заметка о ремесленном образовании у нас и за границей. Т. 4, декабрь. Педагогическая хроника. С. 8–27 (подпись *С. П.*).

О парламентской реформе в Англии 1866 г. Т. 3, сентябрь. Историческая хроника. С. 118–168 (подпись *И.*).

Различие английских и французских взглядов на народное образование, речь Маколея об этом предмете. Т. 2, июнь. Педагогическая хроника. С. 1–18.

Соловьев С. М. Эпоха конгрессов. Т. 3, сентябрь. С. 232–284; Т. 4, декабрь. С. 210–254.

1867

Идеи о классическом и реальном образовании в Англии нашего времени. – Т. 3, сентябрь. Педагогическая хроника. С. 4–18 (подпись *П. П.*).

Скребицкий А. И. Очерки из истории крестьянства в Европе. Т. 2, июнь. С. 201–256; Т. 3, сентябрь. С. 271–335; Т. 4, декабрь. С. 182.

Соловьев С. М. Эпоха конгрессов. Т. 1, март. С. 331–366; Т. 2, июнь. С. 300–344; Т. 3, сентябрь. С. 336–384; Т. 4, декабрь. С. 276.

1868

Арсеньев К. К. Королева Елизавета и реформация. Т. 1, кн. 2. С. 796.

Ирландия перед судом общественного мнения в Англии. Т. 2, кн. 4. С. 870–901 (подпись *Л. П.*).

1869

Английский радикал тридцатых годов. Т. 4, кн. 8. С. 794 (подпись *Л. А-въ*).

Вопрос о классических языках в Англии. Т. 1, кн. 1. Хроника. С. 396–408 (подпись *А.*).

Питин А. Н. Русские отношения Бентама [The Works of Jeremy Bentham, Published under the Superintendence of His Executor, John Bowring]. Т. 1, кн. 2. С. 784–819; Т. 2, кн. 4. С. 730.

Суэцкий канал [Histoire de l'isthme de Suez, par Olivier Ritt] Т. 6, кн. 12. Иностранная литература. С. 784–831. (Подпись *Л. А-въ*).

Эпидемия пьянства и борьба с ней в Америке и Европе. Т. 2, кн. 3. С. 279–303 (подпись *Л. А-въ*).

1870

Европа и ее силы в 1869 г. Т. 1, кн. 1. С. 235–271; Т. 1, кн. 2. С. 691–721; Т. 3, кн. 5. С. 193–235 (подпись *Л. П.*).

Иезуиты в современной Англии [Lothar, by the Right Honourable V. Disraeli]. Т. 5, кн. 9. С. 319–360 (подпись *Л. П.*).

Новая книга Диксона о России [Free Russia, by W. H. Dixon]. Т. 3, кн. 5. С. 346–373 (подпись *Д.*).

Полонский Л. А. Очерки английского общества в романах А. Троллопа. Т. 4, кн. 8. С. 613–675; Т. 5, кн. 10. С. 667.

Тернер Ф. Г. Поездка на Суэцкий канал: Путевые заметки. Т. 3, кн. 5. С. 48–103.

1871

Полонский Л. А. Женские типы в романах А. Троллопа. Т. 4, кн. 8. С. 513–568.

Полонский Л. А. Конец парламентской сессии в Англии и избирательный билль. Т. 5, кн. 9. Хроника. С. 455–476.

Таль Н. А. Английские семейные хроники [Sir Harry Hotspur of Humblethwaite, by Ant. Trollope]. Т. 2, кн. 3. Иностранная беллетристика. С. 306–331.

Таль Н. А. Шотландский брак и английская молодежь [Man and wife, by Wilkie Collins]. Т. 1, кн. 1. С. 256–311.

1872

Английское мнение о русском флоте [The Imperial Russian Navy, ed. by E. J. Reed]. Т. 5, кн. 9. Хроника. С. 416–426 (подпись *Z.*).

Утин Е. И. Англия в книге Тэна [Notes sur l'Angleterre, par H. Taine]. Т. 5, кн. 9. С. 124–151; Т. 5, кн. 10. С. 691–735; Т. 6, кн. 11. С. 186–257.

1873

Анненков М. Н. Международный тюремный конгресс и английские тюрьмы. Т. 1, кн. 2. С. 706–765.

1874

Идея личного благосостояния в современном обществе [Ueber die Freiheit in der Volkswirthschaft, von Dr. Heirich Maurus]. Т. 1, кн. 2. Иностранная литература и наука. С. 802–845 (подпись *P-в*).

Речь Тиндалля в британском обществе поощрения наук. Т. 6, кн. 12. Хроника. С. 834–864 (подпись *А. Э.*).

Россель Ю. Дж.-С. Милль и его школа. Т. 3, кн. 5. С. 5–33; Т. 3, кн. 6. С. 473–511; Т. 4, кн. 7. С. 132–165; Т. 4, кн. 8. С. 667–707; Т. 5, кн. 10. С. 654–684; Т. 6, кн. 12. С. 672–719.

Терентьев М. Торговая политика Англии: Исторический очерк. Т. 5, кн. 9. С. 73–108.

1875

Полонский Л. А. Современный роман в Англии: Литературные очерки. Т. 6, кн. 11. С. 245–281.

Реньяр А. Наука и литература в современной Англии: Письма из Англии. Т. 1, кн. 1. С. 330–370; Т. 4, кн. 7. С. 180–213.

Толстой Ю. В. Англия и ее виды на Россию в XVII в.: По новым документам. Т. 4, кн. 8. С. 477–522.

1876

Безак Е. Сельская община в России: Статья Д. Макензи-Уоллеса. Т. 4, кн. 8. С. 649.

Вторая поездка г-на Рида в Россию, в извлечении из писем его в «Times». Т. 1, кн. 1. С. 337–373 (подпись Z.).

Реньяр А. Наука и литература в современной Англии: Письма из Англии. Т. 1, кн. 1. С. 232–268; Т. 4, кн. 7. С. 200–236.

Современный английский юморист [Happy Thoughts, by F. C. Burgand]. Т. 6, кн. 12. С. 743–773 (подпись Л. П.).

Стасов В. В. Столицы Европы и их архитектура. Т. 1, кн. 2. С. 505–544; Т. 2, кн. 3. С. 254–279.

1877

Английская книга о России [Russia, by Mackenzie Wallace]. Т. 2, кн. 4. Хроника. С. 891–895 (подпись А. П.).

Веселовский А. Н. Джонатан Свифт, его характер и сатира. Т. 1, кн. 1. С. 137–199.

Всемирный торговый рынок и его современное положение. Т. 4, кн. 7. С. 156–174 (подпись W.).

Реньяр А. Наука и литература в современной Англии: Письмо пятое. Т. 1, кн. 2. С. 737–773; Письмо шестое. Т. 4, кн. 7. С. 270–303.

Россель Ю. А. Аграрный вопрос и его главные задачи: Земле-владение и земледелие в России и других европейских государствах, кн. А. Васильчикова. Т. 3, кн. 6. С. 604–709.

Россия в книге Д. Макензи-Уоллеса [Russia, by Mackenzie Wallace. Vol. 1–2]. Т. 3, кн. 5. С. 317–372 (подпись Л. П.).

Соловьев С. М. Россия и Европа в первой половине царствования Александра I. Т. 3, кн. 5. С. 236; Т. 4, кн. 8. С. 708–739; Т. 5, кн. 9. С. 106; Т. 5, кн. 10. С. 686; Т. 6, кн. 11. С. 268–313.

Эпизод из жизни министра. Очерк из романа Троллопа [The Prime Minister, by Anthony Trollope]. Т. 3, кн. 6. С. 500–526 (подпись *Л. А-вб*).

1878

Корш В. Ф. Ремесленные союзы в Англии. Т. 4, кн. 8. С. 635–646.

Миллер О. Ф. Лорд Байрон и его судьба: Биографический очерк. Т. 1, кн. 2. С. 457–500; Т. 2, кн. 4. С. 652–689.

Патронат в России и за границей: Организация помощи освобожденным из мест заключения. Т. 1, кн. 2. С. 640–671 (подпись *И. Ф.*).

Реньяр А. Наука и литература в современной Англии: Письмо седьмое. Т. 2, кн. 3. С. 230–265; Письмо восьмое. Т. 4, кн. 7. С. 260–296.

1879

Веселовский А. Н. Роберт Грин и его исследователи. Т. 4, кн. 8. С. 552–580.

Новая биография лорда Биконсфильда. Т. 5, кн. 9. С. 269–305 (подпись *В. К.*).

Реньяр А. Наука и литература в современной Англии: Письмо девятое. Т. 1, кн. 1. С. 287–320; Письмо десятое. Т. 4, кн. 7. С. 318–356.

Россия и Англия в Средней Азии. Т. 5, кн. 10. С. 732–753 (подпись *В. К.*).

1880

Реньяр А. Наука и литература в современной Англии: Письмо одиннадцатое. Т. 1, кн. 1. С. 332–366; Письмо двенадцатое. Т. 4, кн. 7. С. 77–111.

1881

Новая биография Байрона [Byron, by John Nickol]. Т. 1, кн. 2. С. 561–607 (подпись *А. С.*).

Реньяр А. Наука и литература в современной Англии. Т. 1, кн. 1. С. 168–198; Т. 5, кн. 10. С. 733–754.

Стороженко Н. Л. Английские моралисты XVII в.: А. Смирнов. История английской этики. Т. 5, кн. 9. С. 122–136.

Томас Карлейль: Очерк его жизни и произведений. Т. 3, кн. 5. С. 256–284; Т. 3, кн. 6. С. 619–656 (подпись *А. С.*).

Янжул И. Соляной налог и последствия его отмены в Англии и России. Т. 3, кн. 6. С. 745–769; Т. 4, кн. 7. С. 192–208.

1882

Реньяр А. Наука и литература в современной Англии. Т. 4, кн. 7. С. 172–190.

1883

Либералы и либерализм в Западной Европе: Несколько слов по поводу наших недоразумений. Т. 1, кн. 1. Хроника. С. 420–429 (подпись *Л. С.*).
Реньяр А. Наука и литература в современной Англии. Т. 5, кн. 9. С. 123–147.

1884

Мартенс Ф. Ф. Эдинбургский университет и трехсотлетний его юбилей: Историко-культурный очерк. Т. 5, кн. 9. С. 109–163.
Слонимский Л. З. Западноевропейские монархии прежде и теперь. Т. 6, кн. 12. С. 679–706.

1885

Ковалевский М. М. Национальный вопрос в старом и новом свете. Т. 3, кн. 6. С. 677–731.
Слонимский Л. З. Поземельный вопрос в Европе и России. Т. 2, кн. 3. С. 172–211; Т. 2, кн. 4. С. 744–777.
Столетие газеты «Таймс» [The Centenary of the Times. By W. Fraser Rae]. Т. 2, кн. 3. Хроника. С. 411–434 (подпись *Б.*).

1886

Жомини А. Г. Россия и Европа в эпоху Крымской войны. Т. 1, кн. 2. С. 657–724; Т. 2, кн. 3. С. 176–242; Т. 2, кн. 4. С. 655–734; Т. 3, кн. 5. С. 253–302; Т. 3, кн. 6. С. 543–594; Т. 4, кн. 7. С. 204–260; Т. 4, кн. 8. С. 658–714; Т. 5, кн. 9. С. 179–236; Т. 5, кн. 10. С. 550–619.
Ковалевский М. М. Кризис в западных конституциях. Т. 3, кн. 5. С. 161–202.
Пытин А. Н. Русский роман за границей [V-te E. M. de Voguy, le Roman Russe]. Т. 5, кн. 9. С. 301–344.

1887

Минаев И. П. Англичане в Бирме: Из путевых впечатлений. Т. 6, кн. 11. С. 153–192.

1888

Пытин А. Н. Иноземцы в московской России. Т. 1, кн. 1. С. 255–296.
Слюзберг Г. Попечение о бедных в Англии. Т. 5, кн. 10. С. 551–601.

1890

Клейбер И. А. Кембриджский университет: Очерк. Т. 5, кн. 9. С. 214–237; Т. 5, кн. 10. С. 543–580.

Мак-Гахан В. Американцы и европейская эмиграция. Т. 5, кн. 10. С. 508–542; Т. 6, кн. 11. С. 154–194.

Янжул И. И. Практическая филантропия в Англии. Т. 1, кн. 2. С. 620–674; Т. 2, кн. 3. С. 55–85.

1891

Янжул И. И. Из психологии народов: Экономическое значение «времени» и «пространства». Т. 2, кн. 3. С. 204–237.

1892

Ковалевский М. М. Англомания и американофильство во Франции XVIII в.: Очерки. Т. 6, кн. 11. С. 5–35; Т. 6, кн. 12. С. 445–477.

1893

Дерюжинский В. Ф. Публичные митинги в Англии: Очерки из политической истории Англии. Т. 1, кн. 2. С. 582–618; Т. 2, кн. 3. С. 142–176.

1894

Мартенс Ф. Ф. Россия и Англия в начале XIX столетия. Т. 5, кн. 10. С. 653–695; Т. 6, кн. 11. С. 186–223.

1895

Венгерова З. А. Новые течения в английском искусстве. Т. 3, кн. 5. С. 192–235.

Новейшие реформы местного самоуправления в Англии. Т. 5, кн. 9. С. 96–122 (подпись *И. К-ъ*).

Слонимский Л. З. Наполеон и Кромвель. Т. 2, кн. 4. С. 595–618.

1896

Герье В. И. Опыт городского попечения о бедных. Т. 5, кн. 10. С. 566–585.

Герье В. И. Университеты и народ в Англии. Т. 1, кн. 2. С. 465–494.

1897

Женские медицинские колледжи в Англии и С.-Америке: Из поездки зимой 1895–96 гг. Т. 4, кн. 8. С. 574–598; Т. 5, кн. 9. С. 88–103 (подпись *О. Л.*).

Рапопорт С. И. Английская деревня: Впечатления и заметки. Т. 4, кн. 8. С. 509–536.

Рапопорт С. И. Обыватели Лондона и их быт: Письмо из Англии. Т. 3, кн. 5. С. 406–416.

1898

Мартенс Ф. Ф. Россия и Англия в царствование императора Николая I. Т. 1, кн. 1. С. 5–31; Т. 1, кн. 2. С. 465–502; Т. 2, кн. 3. С. 5–43.

Мартенс Ф. Ф. Россия и Англия накануне разрыва 1853–54 гг. Т. 2, кн. 4. С. 563–610.

Покровская М. И. Женский труд по устройству жилищ для бедных за границей. Т. 4, кн. 8. С. 764–774.

Рапопорт С. И. Английские рабочие на досуге: Очерки развлечений рабочих в Лондоне. Т. 5, кн. 9. С. 219–246.

Рапопорт С. И. В Южном Уэльсе: Из путевых заметок. Т. 2, кн. 3. С. 203–232.

Рапопорт С. И. Неудавшаяся стачка в Лондоне: Из современной жизни Лондона. Т. 3, кн. 5. С. 224–244.

1899

Рапопорт С. И. Ввоз и вывоз: Из литературы и жизни современной Англии. Т. 4, кн. 8. С. 739–765.

Рапопорт С. И. История одной улицы: Из домашней жизни беднейшего слоя лондонского населения. Т. 6, кн. 11. С. 121–158.

Рапопорт С. И. Промышленные «республики»: Из наблюдений над экономическими кооперациями в Англии. Т. 2, кн. 3. С. 131–167.

1900

Венгерова З. Джон Рескин (1819–1900). Т. 3, кн. 6. С. 674–692.

Веселовский А. Байрон в Лондоне, 1812–16 гг.: Слава и разрыв со страной. Т. 3, кн. 5. С. 189–237.

Веселовский А. Из жизни Байрона, 1788–1812 гг. Т. 2, кн. 3. С. 29–74. Женские клубы в Лондоне. Т. 6, кн. 12. Хроника. С. 865–872 (подпись *Ан. Ар-вичъ*).

Рапопорт С. И. Борьба с конкуренцией: Очерк нового промышленного движения в Англии. Т. 6, кн. 11. С. 257–276.

Рапопорт С. И. Колониальная политика Англии в ее прошлом и настоящем. Т. 2, кн. 3. С. 154–191.

1901

Веселовский А. Байрон в Венеции, 1806–19 гг. Т. 2, кн. 4. С. 645–691.

Рапопорт С. И. Лондонское самоуправление и его органы. Т. 5, кн. 9. С. 96–115.

Тарле Е. Характеристика общественных движений в Европе XIX в. Т. 1, кн. 2. С. 702–730; Т. 2, кн. 3. С. 167–198.

1902

Мелкие промыслы в Англии. Т. 6, кн. 11. С. 303–316 (подпись *Б-й*).

Рапопорт С. И. Моя поездка в Шотландию: Воспоминания, наблюдения, заметки. Т. 4, кн. 7. С. 79–139.

Савин А. Общедоступные прения в Лондоне: Письмо в редакцию. Т. 2, кн. 3. Хроника. С. 372–387.

1903

Рапопорт С. И. В Центральной Англии: Заметки и наблюдения. Т. 5, кн. 9. С. 57–89.

Савин А. Фабианцы: Из лондонских наблюдений. Т. 4, кн. 8. С. 637–661.

1904

Рапопорт С. И. Верующий Лондон. Т. 6, кн. 11. С. 36–70.

Тотомיאну В. Задачи городского благоустройства в Западной Европе. Т. 1, кн. 1. С. 334–348.

Церковная школа в Англии. Т. 2, кн. 3. С. 5–20 (подпись *С. Р.*).

1906

Брун М. Палата лордов в Англии. Историко-политический этюд по вопросу: одна или две палаты? Т. 3, кн. 5. С. 176–219.

Гейкинг Г. Виды кооперации и ее пределы: Очерк кооперативного движения в Великобритании. Т. 1, кн. 1. С. 279–301.

Гейкинг Г. Домашняя и общественная жизнь в Англии: Наблюдения и заметки. Т. 6, кн. 12. С. 561–601.

Дерюжинский В. Общественное мнение и законодательство в Англии. Т. 5, кн. 10. С. 441–486; Т. 6, кн. 11. С. 154–196.

Нольде Б. Э. Англия и ее автономные колонии: Исторический очерк. Т. 5, кн. 9. С. 5–67.

Рапопорт С. И. Очерки из жизни лондонского юношества. Т. 1, кн. 2. С. 536–559.

Рапопорт С. И. По поводу «Новой Утопии» [H. Wells, A Modern Utopia]. Т. 2, кн. 3. Хроника. С. 408–416.

1907

Гейкинг А. Торговая политика Англии: Очерк. Т. 6, кн. 12. С. 695–729.

Рапопорт С. И. Английские радикалы первой четверти XIX в. Т. 6, кн. 12. С. 553–583.

Рапопорт С. И. По Ирландии: Заметки и наблюдения. Т. 4, кн. 8. С. 491–517; Т. 5. Кн. 9. С. 121–146.

1908

Рапопорт С. И. Рабочая партия в Англии и ее руководители. Т. 3, кн. 6. С. 619–640.

1909

Арсеньев К. К. Парламентские коалиции в Англии и Франции. Т. 5, кн. 9. С. 196–206.

Дионео. Письма из Лондона. Т. 3, кн. 5. С. 389; Т. 5, кн. 9. Хроника. С. 365–379.

Ковалевский М. М. Мильтон как поборник народного самодержавия и автономии личности. Т. 6, кн. 11. С. 121–140; Т. 6, кн. 12. С. 461–481.

Ковалевский М. М. Причины обезземеления крестьян в Англии. Т. 2, кн. 4. С. 758–770.

Лавринович Ю. Конституционное движение в Египте. Т. 6, кн. 12. Хроника. С. 788–797.

Мирович Н. Новый фазис женского движения в современной Англии. Т. 4, кн. 8. Хроника. С. 810–819.

Нольде Б. Э. Корона в Англии: Переписка королевы Виктории. Т. 5, кн. 9. С. 50–66.

Пажитнов К. Рабочий договор и его новые формы на Западе. Т. 5, кн. 10. С. 614–638.

Рапопорт С. И. Законодательное творчество в Англии. Т. 5, кн. 10. С. 556–573.

Рапопорт С. И. Политическая психология. Т. 3, кн. 6. С. 777.

1910

Дионео. Письма из Лондона: Демаркационная линия. Кн. 1. С. 354–368; Любопытное совпадение. Кн. 5. С. 289–301; «Оторванные листья». Кн. 9. С. 383–397.

Мижухев П. Как живут рабочие в Англии. Кн. 2. С. 83–104; Кн. 3. С. 223–241.

Рапопорт С. И. Вожди либеральной партии в Англии. Кн. 3. С. 114–132.

Чекин А. Безработица и борьба с ней в Англии. Кн. 12. С. 137–157.

1911

Дионео. Письма из Лондона: Чизуикский парламент. Кн. 1. С. 301–316; Кн. 5. С. 285.

Пажитнов К. Жилищный вопрос на Западе и в России. Кн. 8. С. 286–298.

1912

Дионео. Письма из Лондона: По поводу одной книги. Кн. 1. С. 319–334; Клэрджимены. Кн. 3. С. 281–296; О чудесном. Кн. 7. С. 304–319; Юбилей Times'а. Кн. 10. С. 317–331.

Ковалевский М. М. Начало русско-английского сближения. Кн. 3. С. 241–264.

Пажитнов К. Современная дороговизна на Западе и в России. Кн. 2. Хроника. С. 297–315.

Рапопорт С. И. Письма Дж. Ст. Милля. Кн. 2. С. 213–224.

Чекин А. «Акт о национальном страховании»: Страхование на случай болезни и инвалидности в Англии. Кн. 10. С. 271–289.

Чекин А. Стачки транспортных рабочих в Англии. Кн. 1. Хроника. С. 229–291.

1913

Дионео. Письма из Лондона. Кн. 1. С. 302–316; Кн. 8. С. 293–307.

Острогорский М. Конституционная эволюция Англии (в течение последующего полувека). Кн. 9. С. 174–205; Кн. 10. С. 174–200; Кн. 11. С. 149–170; Кн. 12. С. 153–170.

1914

Дионео. Письма из Лондона: Замок царицы Блодьюуд. Кн. 1. С. 369–385; Кн. 4. С. 271–287; Границы прилива. Кн. 8. Хроника. С. 273–287; Кн. 12. С. 250–262.

Мижухев П. Практика и теория одной образцовой английской фабрики. Кн. 5. С. 302–316.

Чекин А. Новые основы охраны труда в Англии. Кн. 9. Хроника. С. 254–275.

Чекин А. Тенденция аграрной эволюции в Англии. Кн. 3. Хроника. С. 246–270.

1915

Бланк Р. Заграничные настроения: Путевые впечатления. Кн. 5. С. 296–312.

Дионео. В стороне от войны. Кн. 12. С. 265.

Дионео. Письма из Лондона. Кн. 2. С. 265–280; Через канал. Кн. 6. С. 274–290.

Керженцев В. Земельный вопрос и политические партии Англии. Кн. 2. С. 103–129.

Ковалевский М. М. Германцы против англичан. Кн. 5. Хроника. С. 265–295.

Майский В. Уравновешенная Англия. Кн. 5. С. 313–337.

Чекин А. Письма из Лондона: Война и общественная жизнь в Англии. Кн. 1. Хроника. С. 237–260; Война и английские колонии. Кн. 7. С. 237–264; Неизведанными путями. Кн. 11. С. 249–277.

1916

Ковалевский М. М. Соперничество немецкого, французского и английского влияния на русскую интеллигенцию с середины прошлого столетия. Кн. 1. С. 210–234.

Котляревский Н. Шекспир и старая Россия, 1616–1916. Кн. 5. С. 23–31.

Майский В. Ллойд-Джордж: Политическая характеристика. Кн. 1. С. 131–167.

Мижухев П. Англия и Соединенные Штаты. Кн. 3. С. 201.

Слонимский Л. Англичане о внешней политике и будущем мире. Кн. 1. С. 372–377.

1917

Дионео. Письмо из Лондона. Кн. 4–6, апрель–июнь. С. 596–618; Кн. 9–12, сентябрь–декабрь. С. 359–371.

Люблинский И. Правосудие в Англии в эпоху революции половины XVII в. Кн. 7–8, июль–август. С. 75–107.

ДЕБЮТ

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ СТУДЕНТОВ И АСПИРАНТОВ

И. Н. Викторов

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ДЕМОКРАТИЯ В ШВЕЦИИ (1970–1980-е)

Экономическая демократия – это различные формы участия наемных работников во владении предприятиями: коллективная ответственность трудящихся на фирмы и компании, акционерная собственность наемных работников, участие в распределении прибылей. Экономическая демократия, таким образом, касается прежде всего отношений собственности. В качестве ее подуровня выступает производственная (индустриальная) демократия, которая предполагает различную степень участия наемных работников в управлении предприятием: полное самоуправление (рабочий контроль), соучастие (совместное управление предпринимателей и наемных работников), представительство рабочих и служащих в правлениях фирм и т. д.

Экономическая демократия – интеллектуальное достижение европейского социал-реформизма. В основе ее лежат идеи демократического социализма, высказанные Э. Бернштейном и фабианцами более ста лет тому назад. Однако до конца 1960-х гг. экономическая демократия почти не осуществлялась на практике. Социал-демократы занимались созданием государства благосостояния. Но на рубеже 1960–70-х гг. положение стало меняться. В обстановке левого подъема к экономической демократии обратились почти все рабочие и социалистические партии Европы. Швеция не стала исключением. Тем более что в этой стране имелась своя традиция экономической демократии, развитая в трудах Я. Брантинга, П. А. Ханссона и Э. Вигфорсса – «отцов» шведской модели. Экономическая демократия превратилась в один из главных политических вопросов в общественных дебатах страны в 1970–80-х гг. Эти процессы и рассматриваются в данной статье.

Первые симптомы кризиса индустриального общества

В конце 1960-х гг. в Швеции, как и в других западных странах, произошел левый подъем и радикализация общества, особенно молодежи. Новое поколение не принимало более ценностей общества потребления и требовало его радикального преобразования. Этот духовный фактор в общем-то не имел определяющего значения для изменения экономической политики. Но он стал важным свидетельством того, что индустриальное общество вступило в полосу кризиса.

Социал-демократия как ведущая политическая сила шведского индустриального общества стала терять свою популярность. В связи с этим многие авторы указывают прежде всего на глубинные изменения в социальной структуре, которые привели к ослаблению позиций шведского рабочего движения и в конце концов к потере СДРПШ правительственной власти на выборах 1976 и 1991 гг. Имеется в виду рост числа служащих и сокращение удельного веса рабочего класса. Доля занятости в реальном секторе экономики, включая сельское хозяйство, неуклонно снижалась, составив в 1995 г. менее 30 %¹.

Но главная проблема заключается в том, что формирующееся шведское постиндустриальное общество не состоит более из двух или трех классов. Оно становится все более и более раздробленным – появляется множество новых социальных слоев, которые имеют свои собственные интересы: различные группы служащих частного сектора, служащие общественного сектора и т. д. Старые классы рабочих, крестьян, предпринимателей также остаются, но теряют при этом положение господствующих классов и перестают быть единым целым (впрочем, это вряд ли относится к представителям крупного капитала). Мозаичность общества переходит социальные рамки, появляются различные группы интересов: ассоциации потребителей, квартиросъемщиков, пенсионеров, автовладельцев и т. д. И примирить интересы столь многочисленных групп, прийти к новому общественному компромиссу взамен того, что был заключен в 1930-х гг., становится крайне сложно².

¹ См.: Общие данные о Швеции: Экономика Швеции. Стокгольм, 1997.

² См.: Юханссон А. Л. Анализ шведской модели // Северная Европа: Проблемы истории. М., 1995. С. 335–337, 347–348. О дроблениях и противоречиях внутри уже существующих социальных слоев см.: De Geer H. En förnyad reflektion om den svenska modellen och arbetslivets förändringar // Den svenska modellen. Lund, 1994. S. 108–114.

Все же социальные сдвиги – явление долговременного порядка. Оно не может объяснить, почему в начале 1970-х гг. шведское рабочее движение резко повернуло влево и выдвинуло требования проведения радикальных реформ вплоть до изменения существующей экономической системы. Ответ на этот вопрос может быть найден в тех процессах, которые происходили в области производства. В 1960-х гг. появились первые признаки истощения потенциала производственных структур, особенно ориентированных на экспорт. Усилилась международная конкуренция, шведские компании стали постепенно сдавать свои позиции. Но в то время они могли еще компенсировать потери путем интенсификации и рационализации в пределах существующих структур производства. Это выразилось, во-первых, в росте слияний компаний, а во-вторых, в автоматизации рабочего процесса и его разделении на более мелкие операции. Конвейерное производство, таким образом, становилось все более фрагментированным и детализированным. Естественно, это вызвало ухудшение условий труда, усиление психических и в меньшей степени физических нагрузок на трудящихся. Ответом рабочих, как и в других странах Запада, стали «дикие» забастовки (то есть не санкционированные профсоюзным руководством и нарушавшие условия коллективных договоров) и другие формы сопротивления³.

В итоге эпоха «мира на производстве» закончилась. Первым симптомом того, что не все ладно, стала забастовка лапландских шахтеров. Она началась в декабре 1969 г. и продолжалась два месяца, охватив две тысячи рабочих. Внимание всей страны было приковано к событиям на далеком севере. Шахтеры государственной компании ЛКАБ жаловались на жесткие меры повышения эффективности, централизации и технократизации труда. Никто из профсоюзного или партийного руководства не приехал к шахтерам: забастовка формально окончилась ничем. Но она показала слабые места в профсоюзном движении и социал-демократии. Риторика классовой борьбы вновь зазвучала в Швеции. За событиями в Лапландии последовали другие «дикие» забастовки по всей стране⁴.

³ См.: *Pontusson J.* At the End of the Third Road: Swedish Social Democracy in Crisis // *Politics & Society*. 1992. Sept. Vol. 20, iss. 3. P. 324.

⁴ См.: *Hadenius S.* Swedish Politics During the 20th Century: Conflict and Consensus. Stockholm, 1997. P. 110–111.

Давление снизу вынудило социал-демократов отказаться от стратегии роста, тем более что она не была теперь очевидна, и перейти к обсуждению проблем экономической демократии, о которой предпочитали не вспоминать в течение предшествующих десятилетий. Начиная со съезда в 1967 г. СДРПШ вновь выдвинула требования усиления равенства и создания более справедливого общества. Интересно сравнить, как понимали экономическую демократию Улоф Пальме и профсоюзные экономисты Рудольф Мейднер и Анна Хедборг.

Отстаивая идеалы демократического социализма, лидер СДРПШ с 1969 г. полагал, что он достигается в три этапа. Первые два – политическая и социальная демократия – в Швеции уже достигнуты. Наступил черед третьему этапу – демократии экономической. Она охватывает несколько проблем. Первая состоит в масштабах государственного вмешательства в экономику. Пальме полагал, что необходимо усилить влияние общества на развитие народного хозяйства. Речь шла главным образом о косвенных мерах регулирования. Новое заключалось в том, что Пальме признавал неотъемлемой частью экономической демократии обновление трудового процесса, усиление влияния трудящихся на производство и необходимость их соучастия в управлении предприятием. В качестве дополнительной меры говорилось о демократизации образования капитала. Процесс установления производственной демократии, которую он в принципе ассоциировал с экономической, должен был занять несколько десятилетий⁵.

Экономическая демократия в представлении Р. Мейднера и А. Хедборг носила более всеобъемлющий характер и включала не только реформы трудового законодательства, но и активное вмешательство государства в развитие промышленности. Однако в центре их концепции находился вопрос о собственности. Именно коллективное образование капитала позволяет говорить о «третьем шаге» рабочего движения – от политической и социальной демократии к экономической. Только изменение соотношения собственности может привести к усилению влияния трудящихся в сфере производства. Общественные инвестиции в виде фондов наемных работников помогли бы, считали профсоюзные экономисты, развитию промышленности страны⁶.

⁶ См.: *Hedborg A., Meidner R. Folkhemsmodellen*. Stockholm, 1984. S. 16–17, 25–26.

⁵ См.: *Palme O. Att vilja ge vidare*. Stockholm, 1986. S. 31–51; *Idem. Democratizing the Economy // Eurosocijalism and America*. Philadelphia, 1982. P. 224–232.

Радикализация общества, в особенности профсоюзных и партийных низов, привела к целой серии реформ в области экономической и производственной демократии.

Первой новацией была так называемая «активная индустриальная политика». Она предполагала селективное государственное вмешательство в процесс перестройки структуры шведской промышленности. Тем самым нарушалось право бизнеса единолично распределять инвестиции. Но активная индустриальная политика, начатая на рубеже 60–70-х гг., была рассчитана на экономический рост. Поэтому неудачные меры в этом направлении, предпринятые уже несоциалистическими правительствами в конце 70-х гг. с целью выхода из кризиса, дискредитировали саму идею активной индустриальной политики⁷.

Вторым направлением стала деятельность Четвертого пенсионного фонда. В отличие от трех предыдущих, этот фонд получил право вкладывать свои капиталы непосредственно в акции компаний. Однако установленный предел в 10 % голосов на каждом предприятии, сверх которого Четвертый пенсионный фонд не имел право приобретать акции, вряд ли способствовал продвижению экономической демократии⁸.

Наиболее важными результатами реформ стали трудовое законодательство 70-х гг. и фонды наемных работников.

Реформы в области производственной демократии

Производственная демократия в представлении шведских социал-демократов – неотъемлемая часть экономической. Эта проблема давно волновала рабочее движение Швеции, в первую очередь профсоюзы. Государство, как правило, не вмешивалось в переговорный процесс между трудом и капиталом, поэтому законодательных ограничений власти предпринимателей на производстве было немного; 32-й параграф устава Объединения работодателей Швеции (ОРИ) отдавал все полномочия по распределению и организации производства в руки работодателей. Собственно, именно на этом и был основан «дух Сальтшебадена». Правда, право увольнения в 1938 и 1964 гг.

⁷ См.: *Pontusson J. The Limits of Social Democracy: Investment Politics in Sweden.* Ithaca; L., 1992. P. 127–160.

⁸ См.: *Плевако Н. С. Швеция: Реформизм против реформы?* М., 1990. С. 73–79.

было несколько ограничено, а на предприятиях с 1946 г. существовали фабрично-заводские комитеты, которые имели информационную функцию⁹.

Шведские предприниматели были готовы идти на некоторые уступки (например, по вопросам безопасности труда и здоровья), но этого было уже недостаточно. Под нажимом профсоюзов социал-демократическое правительство пошло на проведение серьезных реформ в области производственной демократии. Семидесятые годы стали временем интенсивного законодательства о труде.

Закон об охране окружающей среды на рабочем месте давал право представителям профсоюзов останавливать производство в случае угрозы жизни и безопасности работников.

Закон о гарантии занятости (1974) защищал рабочих от увольнений без достаточно веских на то причин, отдельные нарушения были теперь не в счет.

Закон о статусе профсоюзных служащих был направлен против их дискриминации при выполнении ими своих обязанностей и т. д.¹⁰

Закон о представительстве в правлениях лиц, служащих в акционерных обществах и в экономических объединениях (1976), обязал включать в правления частных фирм с числом работающих не менее двадцати пяти человек двух представителей от профсоюзов. Отныне они на равных правах принимали участие в обсуждении дел компаний (кроме вопросов, связанных с заключением коллективных договоров с организациями наемных работников) и имели право решающего голоса¹¹.

Сердцевиной законодательства стал закон о совместных решениях в трудовых отношениях (Medbestdmmandelagen – MBL), или о совместном управлении производством¹². Вопросы найма и увольнения, организации работы и ее распределения перестали быть прерогативой только предпринимателей. Круг вопросов, которые профсоюзы имели право поднимать при заключении коллективных договоров, теперь

⁹ См.: Плевако Н. С. Указ соч. С. 43–47.

¹⁰ См.: *Einhorn E. S., Logue J. Modern Welfare States: Politics and Policies in Social Democratic Scandinavia*. N. Y., 1989. P. 251–252; *Palme O. Democratizing the Economy...* P. 229–230.

¹¹ См.: Швеция: Конституция и законодательные акты. М., 1983. С. 278–284.

¹² Подробно об истории принятия закона и его сути см.: Плевако Н. С. Указ. соч. С. 47–57.

выходил далеко за рамки размеров зарплаты. В случае если предполагаются важные изменения на предприятии, будь то производственная сфера или занятость персонала, работодатель обязан провести по этим вопросам переговоры с организацией наемных работников. Но в законе была сделана серьезная оговорка: в случае «особых причин» предприниматель имел право осуществить решение до проведения переговоров. Следовательно, последнее слово по-прежнему осталось за предпринимателем.

Второе нововведение – право профсоюзов на получение информации об экономической и кадровой политике предприятия, которую предприниматель был обязан предоставлять регулярно.

Кроме того, работодатель с принятием закона потерял преимущественное право толкования условий коллективного договора. Теперь оно переходило к профсоюзам, касалось ли это трудовых обязанностей или возникновения спора по совместному управлению производством¹³.

Однако закон носил рамочный характер и не был обязателен для предпринимательской стороны. Он лишь предоставлял профсоюзам возможность поднимать вопросы о совместном управлении производством на коллективных переговорах и самим добиваться их реального осуществления. Все зависело от силы и компетентности конкретных профсоюзов, от текущей экономической и политической ситуации в стране. С приходом в 1976 г. к власти коалиции неосоциалистических партий работодатели неохотно шли на уступки. В результате во второй половине 70-х гг. в частном секторе не был подписан на национальном уровне договор на основе MBL, хотя отдельные его положения были введены без формальной договоренности на многих крупных заводах Швеции. Вместе с тем законодательство о труде в целом способствовало со временем улучшению условий на рабочем месте, повысило чувство ответственности работников за их предприятие. Профсоюзы и предприниматели проявили готовность к диалогу, который завершался порой достижением взаимовыгодного компромисса. Вообще аналога закону MBL нигде в мире нет.

Нарушило ли трудовое законодательство 70-х гг. «дух Сальтшё-бадена»? Здесь надо иметь в виду, что оно не было единым и охватывало три проблемы. Первая касалась гарантии занятости. Вторая заключалась в укреплении коллективного переговорного процесса

¹³ См.: Швеция: Конституция и законодательные акты. С. 262–269.

и расширении прав профсоюзов в этой области (MBL, закон о статусе профсоюзных служащих). Все это соответствовало одной из предпосылок компромисса 30-х гг. – отделению условий продажи рабочей силы от собственно производственного процесса. Напротив, третья часть законодательства (частично MBL, закон о представительстве трудящихся в правлениях компаний, закон об охране окружающей среды на рабочем месте) вмешивалась в систему властных отношений на предприятии и непосредственно угрожала интересам работодателей. Именно в этой сфере профсоюзам пришлось умерить свои амбиции из-за противодействия не только ОРШ и буржуазных партий, но и руководства СДРПШ¹⁴.

Результаты законодательства оказались довольно скромными по сравнению с тем, что требовали профсоюзы. Все же шаг в направлении производственной демократии был сделан.

Фонды Мейднера: несостоявшийся шведский социализм

В течение длительного времени шведская социал-демократия предпочитала не затрагивать вопрос о собственности на средства производства. С одной стороны, это противоречило бы сути шведской модели индустриальных отношений – компромиссу между трудом и капиталом. С другой стороны, реформы в направлении государства благосостояния, казалось, обеспечивали экономическое равенство и социальную справедливость. Однако в обстановке левого подъема шведское рабочее движение в начале 1970-х г. пересматривает свое отношение к роли собственности в процессе демократизации экономики. Это означало возвращение к истокам социал-демократии 20–40-х гг. Тогда социализация средств производства рассматривалась рабочим движением как важнейшая предпосылка для достижения социализма. Но были и другие связанные с особенностями послевоенной шведской экономической политики обстоятельства, которые способствовали появлению требований трудящихся о коллективном накоплении капитала.

Политика солидарной заработной платы, которую проводили шведские профсоюзы, означала отказ работников наиболее высоко-рентабельных предприятий от части причитающейся им зарплаты,

¹⁴ См.: *Emark K. Sammanhällning och intressepolitik // Den svenska modellen. S. 49–50.*

которая уходила в карман предпринимателей. Результат – усиление концентрации капитала и власти, что входило в противоречие с официально провозглашаемой целью более справедливого распределения доходов, а также серия «диких» забастовок против ограничения заработной платы высокооплачиваемых групп рабочих. Рост богатства и власти в частных руках зашел слишком далеко. Кроме того, деятельность шведских транснациональных корпораций стала восприниматься как угроза интересам страны. Все большую часть производства и капиталов они переводили за границу. Между тем рост экономики и полная занятость не были теперь столь очевидны. Время оптимизма прошло.

На съезде Центрального объединения профсоюзов Швеции (ЦОПШ) в 1971 г. было признано необходимым участие трудящихся в прибыли в форме создания коллективных фондов накопления капитала. Оно было призвано способствовать усилению влияния наемных работников на производстве. Разработка вопроса была поручена группе экспертов во главе с Рудольфом Мейднером. Перед ними было поставлено три задачи:

- 1) устранить недостатки политики солидарной заработной платы – появление сверхприбылей;
- 2) предотвратить дальнейшую концентрацию капитала как часть экономического процесса;
- 3) усилить влияние наемных работников на производстве при помощи их участия во владении собственностью¹⁵.

Идея фондов возникла не в Швеции. В 1970-х гг. эта проблема активно обсуждалась в ФРГ, Нидерландах и Дании. Но проект, разработанный Мейднером, стоял среди прочих особняком: он носил системоизменяющий характер.

Обнародование проекта 27 августа 1975 г. вызвало небывалый общественный резонанс и расколело политическую элиту Швеции. Действительно, предложение группы ЦОПШ носило радикальный характер и на первый взгляд шло вразрез с традициями шведского рабочего движения. Однако сам Мейднер подчеркивает, что фонды наемных работников, не являясь частью шведской модели, были ее логическим следствием¹⁶.

¹⁵ См.: *Meidner R. A Swedish Union Proposal for Collective Capital Sharing // Eurosociology and America. P. 27–31.*

¹⁶ См.: *The Rise and Fall of the Swedish Model: Interview with Rudolf Meidner // Challenge. 1997. Jan./Febr. P. 78–79.*

Что же представлял собой план Мейднера? Главным в нем были вопросы собственности и власти. Предусматривалось создание на предприятиях с числом занятых свыше пятидесяти человек фондов наемных работников. Ежегодно 20 % прибыли компаний обращались в акции и передавались в собственность фондов, руководство которых назначалось профсоюзами. По мере повышения доли фондов в акционерном капитале увеличивалось и представительство организаций трудящихся в правлениях фирм. Форма владения капиталом фонда носила коллективный характер, принцип индивидуального участия исключался. Собственниками фондов, таким образом, становились сами наемные работники как коллектив. По подсчетам Мейднера, через двадцать пять – семьдесят лет, в зависимости от прибыльности, под их контроль передавалась большая часть акций частных компаний, причем крупнейших. В проект вносился и элемент ускорения. По мере роста части акционерного капитала фондов к ним отходила все большая часть прибыли, которая оставалась после 20 %-го вычета и налогов. Она также превращалась в акции¹⁷. Фактически это означало постепенную социализацию без прямого изъятия собственности. Фонды наемных работников, таким образом, предоставляли уникальную возможность трансформации шведского капитализма в социализм. Именно это имели в виду экономисты ЦОПШ. Позднее сам Мейднер говорил: «Фонды наемных работников содержат элемент социализма в традиционном смысле. Социализм означает, что по крайней мере часть средств производства отдается в руки наемных работников как коллектива... Шведские социал-демократы не используют слово “социализм”, поскольку они знают, как его боятся люди. По политическим причинам они избегают употреблять этот термин. Но для меня демократический социализм в смысле большего влияния наемных работников и правительства на средства производства – хорошая шведская традиция, традиция рабочего движения. В действительности она не является чем-то новым и восходит к идеям Брантинга и Вигфорсса. Менее всего я хотел бы отрицать наличие элемента социализма в первоначальных фондах наемных работников»¹⁸.

¹⁷ См.: Плевако Н. С. Указ. соч. С. 84–85.

¹⁸ Цит. по: Olsen G. M. The Struggle for Economic Democracy in Sweden. Aldershot, 1992. P. 105.

Проект был крайне отрицательно воспринят несоциалистическими партиями и предпринимательскими кругами, которые развернули широкомасштабную кампанию против фондов Мейднера под лозунгом угрозы «корпоративного социализма». Тон общественных дебатов стал чрезвычайно резким. В ответ ОРШ и Шведский промышленный союз выдвинули даже альтернативную систему участия в прибылях компаний. Председатель последнего Эрланд Вальденстрем представил план, в соответствии с которым путем добровольных отчислений от заработной платы работники становились совладельцами акционерного капитала компании¹⁹. Он мало что менял и вполне укладывался в русло традиционного патернализма.

В самом рабочем движении к предложению отнеслись неоднозначно: оно было радикальным. Не имея возможности выступить против идеи фондов наемных работников, лидеры СДРПШ подчеркивали, что это не окончательный вариант, избегали обсуждения проблем собственности, делали акцент на других преимуществах в случае проведения реформы – более справедливом распределении доходов, увеличении влияния трудящихся на производстве и т. д. Более того, позже выяснилось, что партийное руководство с самого начала имело серьезные возражения против плана Мейднера²⁰.

Большинство членов профсоюзов поддержало проект Мейднера. На состоявшемся в июне 1976 г. съезде ЦОПШ он был одобрен на следующих основных принципах: капитал фондов формируется из прибылей компаний; действие системы необходимо распространить на всех трудящихся; безотносительно к тому, участвует ли их предприятие в фондах, капитал остается в тех фирмах, откуда он взят, никто не имеет права изъять какую-либо его часть; должно быть обеспечено влияние местных профсоюзов на руководство фондов: централизации и бюрократизации следует избегать²¹.

Однако спустя три месяца прошли выборы в риксдаг – СДРПШ потеряла власть после своего сорокачетырехлетнего правления. Касясь той роли, которую сыграл вопрос о фондах в предвыборной кампании, сам Р. Мейднер писал, что рабочее движение не было готово бороться за проект и оказалось поэтому беззащитным перед

¹⁹ *Einhorn E. S., Logue J. Op. cit. P. 255.*

²⁰ *Pontusson J. The Limits of Social Democracy... P. 193.*

²¹ *См.: Meidner R. Op. cit. P. 31.*

наступлением несоциалистических партий, которые превратили его в главный предмет нападков на социал-демократов. Общественное мнение в результате было дезориентировано, что и сказалось на результатах голосования²².

Поддержка идеи фондов со стороны профсоюзов была настолько сильна, что работа над созданием фондов наемных работников продолжилась и после 1976 г. Но с каждым новым проектом в первоначальный план Мейднера вносилось столько дополнений и поправок, что в итоге от него не осталось камня на камне²³.

К трем предыдущим целям, которые разработал Мейднер, теперь добавилось еще две. Первая была связана с экономическим кризисом, в который погрузилась Швеция во второй половине 70-х гг. Фонды наемных работников должны были содействовать увеличению инвестиций в шведскую промышленность, которая бы получила в этом случае капитал без перераспределения доходов от рабочих к капиталистам. Акцент, таким образом, сместился с проблемы власти и собственности к образованию капитала.

Пятой целью стала привязка фондов (а главным принципом проекта Мейднера была их неделимость) к пенсионной системе, которая давно стала признанным элементом смешанной экономики. Это также было сделано по политическим соображениям²⁴.

Но деловые круги и буржуазные партии не оценили компромисса, на который пошло руководство СДРПШ. Конечно, они прекрасно поняли, что «фонды выброшены в корзину». Но любой намек на перераспределение собственности и власти был неприемлем для них. Поэтому кампания не только не приостановилась, но и разгорелась с новой силой. Частному сектору (а 80 % шведских газет принадлежит именно ему) в итоге удалось настроить большинство шведов против фондов наемных работников и даже организовать массовые демонстрации в свою поддержку. В общественном сознании произошел довольно сильный поворот не в пользу инициативы рабочего движения.

²² *Meidner R.* Op. cit. P. 32.

²³ Подробно история разработки новых проектов 1978 и 1981 гг. см.: *Плевако Н. С.* Указ. соч. С. 95–106.

²⁴ См.: *Meidner R.* Op. cit. P. 32; *Pontusson J., Kuruvilla S.* Swedish Wage-Earner Funds: An Experiment in Economic Democracy // *Industrial & Labor Relations Review.* 1992. July. Vol. 45, iss. 4. P. 783. (Мейднер прекратил участвовать в работе над проектом в 1978 г.)

Тем не менее в 1983 г. после возвращения социал-демократов к власти фонды наемных работников были введены. Образовалось пять региональных независимых друг от друга фондов. Поскольку частный сектор наотрез отказался делегировать своих представителей, советы директоров назначались профсоюзами (шесть из десяти человек) и государством. Если план Мейднера предусматривал только один источник финансирования фондов – раздел прибыли, то введенный в действие закон исходил из двух: 20 % прибыли до вычета налогов и 0,2 % от общих издержек на рабочую силу (т. е. вычеты из зарплаты трудящихся). Но вместо обязательного обращения части прибыли в акции предприятия, донора капитала, фондам было предоставлено право приобретать акции любых шведских компаний. Тем самым делалась ставка на рыночный механизм перераспределения собственности. Причем для каждого фонда был определен потолок в 8 % владения акциями одного предприятия, дающими право голоса. Теоретически (чего никогда не случилось) вместе с пределом в 10 % Четвертого пенсионного фонда все фонды вместе взятые могли контролировать до 50 % акций одной компании.

Но самым главным отличием, которое перечеркнуло весь первоначальный план Мейднера, стало ограничение поступления капитала в фонды сроком на семь лет. Система фондов, таким образом, стала лишь своеобразным экспериментом, но не более того²⁵.

Каковы были результаты деятельности фондов в 1983–1990 гг.? В финансовом отношении они оказались представлены неплохо: норма прибыли была довольно высокой. Однако это было связано прежде всего с инфляционным бумом 80-х гг. К тому же руководство фондов делало довольно рискованные капиталовложения. Недолгий период существования системы заставлял ставить перед собой краткосрочные цели.

Масштаб деятельности фондов был крайне незначительным. К концу 1989 г. все они вместе взятые владели только 3 % акционерного капитала страны, в то время как доля двадцати пяти крупнейших частных компаний составляла 17 %, а восьми страховых компаний – 15 %. Ко всему прочему портфель инвестиций фондов оказался сильно диверсифицирован. Естественно, их вклад в экономический рост и увеличение занятости был минимальным²⁶.

²⁵ *Pontusson J., Kuruvilla S. Op. cit. P. 786–789.*

²⁶ *Pontusson J. Swedish Wage-Earner Funds... P. 11–14.*

Самый же главный итог заключается в том, что фонды наемных работников в том виде, в каком они были созданы в 1983 г., оказались крайне неудачным экспериментом в области экономической демократии. Фонды не способствовали, в отличие от того же MBL, усилению влияния роли трудящихся на производстве. Законодательство 1983 г. преследовало более чем скромные цели. А каковы были цели, таковы оказались и результаты. Поэтому ликвидация системы фондов несоциалистическим правительством в 1991 г. произошла почти незаметно.

Борьба за экономическую демократию была проиграна шведским рабочим движением. Почему это произошло? И могло ли случиться иначе? Шведская социал-демократия всегда проводила свою политику в рамках существующей системы. Компромисс с капиталом и лежал в основе шведской модели индустриального общества. В результате были достигнуты значительные успехи. Но этот же самый курс предопределил и поражение инициатив 70-х гг. Пользуясь своей системной властью, частный бизнес может отвергнуть любую реформу, которая угрожает его интересам.

Фонды Мейднера можно также рассматривать как попытку шведской модели дать ответ на вызовы глобализации. Ведь модель создавалась для национального уровня. Она предполагала контроль государства над экономикой своей страны. А раз контроль начинает теряться, модель должна уйти в прошлое.

Однако проблема бегства шведских компаний за границу все еще актуальна. Настоятельно необходимы общественные инвестиции. В настоящее время ЦОПШ рассматривает вопрос о создании инвестиционных фондов, финансируемых из взносов рабочих, по примеру Квебека. Но вопрос о социализации более не поднимается.

О. С. Данилова, Л. В. Слуцкая

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ И ВОСПРИЯТИЕ ИСТОРИЧЕСКИХ СОБЫТИЙ

Европейские интеллигенты и русская революция

В сегодняшней ситуации методологического плюрализма особого внимания заслуживают подходы в духе «глубокой истории», отличные от традиционно-событийной истории, обеспечивающие новое видение ее проблем. В свете этого актуальным представляется изучение исторической памяти как устойчивой системы отношений к знаковым событиям прошлого и осмысление ее влияния на восприятие событийной реальности. Методы «традиционной» истории далеко не всегда позволяют уловить взаимосвязь ментальных, протекающих во «времени большой длительности» процессов и явлений исторически моментальных. Наиболее последовательно тема соотношения исторической памяти, исторической науки и событийной реальности изложена представителем школы «Анналов» Пьером Нора в книге «Франция – память»¹. Стержнем рассуждений П. Нора выступает тезис о том, что историческая наука как репрезентация прошлого представляет собой искусственную память, которой противостоит естественная память социальных групп, нации и отдельных людей. Такое разведение исторической памяти и исторической науки представляется весьма плодотворным. «История – это наука о людях во времени, которой постоянно необходимо сочетать знание мертвых со знанием живущих»². Методологический подход, основанный на изучении и анализе исторической памяти, может представить в новом свете известные проблемы. В качестве примера можно проследить, какое место занимали представления о Великой французской революции в умах европейских интеллектуалов, ставших на какое-то время «попутчиками большевизма», и как они влияли на их отношение к русской революции и советской действительности, определяя поведение и поступки. В обширном ряду привлеченных «соблазнам большевизма» европейцев

¹ См.: Франция – память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж и др. СПб., 1999.

² Там же. С. 300–301.

особое место занимают два очень разных, но в чем-то удивительно близких человека – П. Паскаль и В. Серж.

Пьер Паскаль (1890–1983) – член французской военной миссии в России в 1916–1918 гг., попутчик большевизма в 1918–1933 гг., обратившийся в коммунизм, «как идут в монастырь», и потому удостоенный соотечественниками ироничного титула «христианского большевика», вся жизнь и творчество которого были подчинены идее «русской религии». После взятия власти большевиками Паскаль напишет: «Русская революция, какая бы реакция за ней ни последовала, вызовет такой же огромный резонанс, как революция 1789 г., и даже больший: это не случайность, это эпохальное событие...»³ Таким образом, с точки зрения Паскаля, «теоретический» большевизм является знаком чего-то более глубинного. Он только поверхностно направлен против христианства, ибо сам еще не знает своей природы. Русский народ принимает его как знамя, но на самом деле большевизм стремится к установлению христианства на земле, и это имеет гораздо большее историческое значение, чем 1789 год.

Разочарованный в опыте Великой французской революции, Паскаль остается в России в надежде на воплощение загубленных идеалов прошлого. Достаточно перенести на российскую почву идею исторического избранничества: исконно Франция была «старшей дочерью Церкви», ее миссия – стать во главе христианского мира Европы и вести его по пути Божьему. Однако она «...забыла о своем долге и во зло употребила ниспосланные ей дары ... устами своих философов она распространила среди европейских народов нечестие, а в галликанстве, отрицая верховенство папы, в XVIII в. устремилась к установлению своей независимости от Бога»⁴. Потому и цель Октября 1917 г. француз Паскалю виделась как воплощение Царства Божьего на земле – царства равенства, братства, свободы и справедливости. Шанс русской революции Паскаль видит однозначно христианским, но уже в декабре 1917 г. он напишет: «Петроград сегодня представляет собой небывалую сцену. На ней разыгрывается дуэль двух обществ: нынешнего и завтрашнего. Понять друг друга они не способны, они расположены в разных плоскостях. Они не видят общей

³ *Pascal P. Mon journal de Russie (a la mission militaire francaise), 1916–1918. Lauzanne, 1975. P. 247.*

⁴ *Карсавин Л.П. Жозеф де Местр // Вопросы философии. 1984. № 3. С. 96.*

почвы, поскольку помимо самих себя не признают ничего. Общая почва могла бы найтись, ибо есть нечто высшее – Церковь, но ни те ни другие не желают ее признавать, а потому обречены: одни – на гибель, другие – на неудачу»⁵.

Паскаля привлекли равенство в бедности, утопический социализм, христианский дух общности и социальный порядок, декларируемые большевиками. Он был мистиком русской революции, но все более явно обнаруживающаяся пропасть между политической линией, провозглашенной в 1917 г., и неотвратимым отклонением от нее в противоположную сторону заставила его вновь обратиться к практике 1789 г. Вместо того чтобы создать новый мир, большевики восстанавливают власть денег и богачей – эта констатация помогает связать свое недавнее разочарование со старой ненавистью к буржуазии, которая изобрела взамен религии патриотическое идолопоклонство антихристианского характера.

Кронштадтское восстание, политика НЭПа заставляют признать Пьера Паскаля, что русская революция провалилась. Она потеряла для него свою чистоту, перестала быть осуществлением религиозных обетований. Содержание некогда привлекавших ценностей на практике оказалось диаметрально противоположным: равенство людей свелось к концепции уравнительной справедливости, индивидуально-личное начало стало лишь частью системно-целого, а марксизм оказался облеченным в форму религии человекобожия. Власть революции оказалась направлена не на самозащиту, а на господство. Читая в то время все, что касается французского террора, он делает вывод, что в России настает период Директории: «Время благоприятствует расторопным и проворным, царит лицемерие, оппозиция неотличима от большинства»⁶.

Виктор Серж (1890–1947) – скорее русский интеллигент, чем европейский интеллектуал, творчество которого, посвященное советской России и судьбам русской революции, позволяет проследить путь от принятия большевизма до разочарования в нем. Не будучи в отличие от Паскаля непосредственным свидетелем революции 1917 г. (он приехал в Россию в 1919 г.), Серж также оценивал российскую действительность первой трети XX в. через призму событий Фран-

⁵ *Pascal P. Mon journal de Russie, 1916–1918. P. 247.*

⁶ *Pascal P. Mon journal de Russie, 1927. Lauzanne, 1986. P. 34.*

цузской революции конца XVIII в. Виктор Серж выявлял «...поразительные параллели, которые проходят между французской и русской революциями»⁷, проявившиеся не только в целом масштабе, но и в отдельных событиях и действиях.

В Октябре 1917 г. Серж увидел воплощение своих идеалов, согласующихся с общечеловеческими ценностями, которые не были реализованы западноевропейской демократией в начале XX в. Демократизм, с его принципами свободы, равенства и народовластия, сопутствующий ему гуманизм, а также интернациональная и коммунистическая идеи привлекли Сержа на сторону русской революции, которая была способна претворить в жизнь идеалы, не реализованные Великой французской революцией в 1789 г. Однако конкретные исторические события – подавление Кронштадтского восстания, становление на путь однопартийной диктатуры, усиление террора – не оправдали его революционно-романтических ожиданий. Ужесточение режима, единоличная власть партии, подавление инакомыслия были изначально неприемлемыми для Сержа. Проводя параллели между двумя революциями, он усматривает сходство якобинского и большевистского режимов, где идет «истребление внутренних врагов в тюрьмах»⁸. По его мнению, создание ЧК – одна из «тяжелейших ошибок, совершенных большевистскими лидерами в 1918 г.»⁹ Серж сравнивает ЧК с Комитетом общественного спасения, а Троцкого – с Карно и отмечает, что «революционные трибуналы были менее эффективными, чем Чрезвычайная комиссия русской революции»¹⁰.

Трансформация идеи социализма, усиливающийся террор приводят его к мысли о вступлении в Рабочую оппозицию, образованную в 1923 г. Однако ее разгром привел к победе бюрократии, и сталинское вступление во власть явилось для Сержа началом контрреволюции, которую он сравнивает с переворотом 9 термидора: «Примечательное совпадение дат: советский термидор произошел в ноябре 1927 г., в годовщину взятия власти. За 10 лет истощенная революция повернулась против себя самой»¹¹. Из двух сторон социализма – индиви-

⁷ *Serge V. L'an I de la Revolution Russe. P., 1930. P. 376.*

⁸ *Ibid.*

⁹ *Serge V. Memoire d'un revolutionnaire, 1901–1941. P., 1951. P. 89.*

¹⁰ *Serge V. L'an I de la Revolution Russe... P. 377.*

¹¹ *Serge V. Memoire... P. 237.*

дуалистической и материалистической – победу одержала вторая, сводящая осуществление интересов и целей личности к идее индивидуального устройства хозяйственной жизни, тем самым диктуя индивиду самоограничения. Советская политическая жизнь стала теперь в его глазах такой же достойной презрения, как и буржуазный парламентаризм. «Строители социализма – свора выскочек, не понимающая значения слова “совесть”. Мы были беспощадны, чтобы изменить мир, они будут такими, чтобы сохранить добычу ... все в их руках. Они будут бесчеловечны из трусости»¹². Русская революция, как в свое время и французская 1789 г., вышла из-под воли тех, кто в разное время претендовал на руководство ею.

Историческая память о Великой французской революции, как показывает анализ взглядов Пьера Паскаля и Виктора Сержа, сыграла решающую роль в определении их позиции по отношению к событийной реальности революционной России. Двух разных и одновременно похожих людей объединила память об эпохальном событии во Франции в конце XVIII в., рассматриваемая как «управление прошлым в настоящем»¹³. Однако «память в силу своей природы уживается только с теми деталями, которые ей удобны»¹⁴, потому оба интеллигента, обращаясь к опыту французской революции, уделяли большее внимание тем моментам, которые соответствовали их идеалам. Так, Виктор Серж обращался непосредственно к идеям революционных лидеров (он зачитывался работами Сен-Жюста, Робеспьера, Бабефа, Бланки) и анализировал их поступки. «Ошибка Робеспьера ... Неподкупный подвел революцию к самоубийству, отрубив слишком много голов. Он был прав, пока гильотинировал правых, но как только начал гильотинировать левых – он пропал»¹⁵. В отличие от Сержа, для которого на первый план выходили политические установки, Пьер Паскаль обращался к духовному сходству двух революций. Ему близка мысль, высказанная в июле 1917 г. митрополитом Львовским и Галицким: «Россия гибнет не от революции, а от революции без Бога на французский манер»¹⁶. Таким образом,

¹² Серж В. Полночь века. Дело Тулаева. Челябинск, 1991. С. 120.

¹³ См.: Франция – память. С. 13.

¹⁴ См.: Там же. С. 20.

¹⁵ Serge V. Naissance de notre force. P., 1931. P. 201.

¹⁶ Pascal P. Mon journal de Russie, 1916–1918. P. 143.

историческая память (в данном случае укорененная в конкретном образе Французской революции) представляет собой некий абсолют и является необходимым атрибутом истории, всегда негласно влияющим на сознание людей и их поведенческие роли. Она «вносит вклад в создание новой истории символического типа, которая лучше отвечает научным и гражданским потребностям времени»¹⁷, это своеобразный способ бытия истории, который она утратила.

Ю. В. Запарий

МИРОТВОРЧЕСКИЕ ОПЕРАЦИИ ООН В ПЕРИОД БОСНИЙСКОГО КРИЗИСА 1991–1995 гг.

В последнее время локальные конфликты и пути их разрешения стали одними из основных вопросов международной политики. Большое значение в процессе урегулирования имеет деятельность ООН, направленная на достижение мира и безопасности. Именно ООН разработала принцип миротворчества. Миротворчество подразумевает под собой совокупность мер, включающих в себя мирные средства в соответствии с шестой главой Устава ООН. Данные меры направлены на предотвращение, сдерживание и прекращение конфликтов. К основным аспектам миротворческих операций относят развертывание сил вдоль линии прекращения огня, доставку гуманитарной помощи, охрану зон безопасности, оказание давления на стороны для обеспечения выполнения мирных договоренностей.

После окончания «холодной войны» в течение 1989–1995 гг. ООН санкционировала больше миротворческих операций, чем за предыдущие сорок лет своего существования. К концу 1994 г. ООН провела шестнадцать миротворческих операций, в которых было занято семьдесят тысяч военнослужащих из шестидесяти пяти стран¹.

После «холодной войны» ООН столкнулась с новыми возможностями и препятствиями. Ведущие мировые державы отвели значительную роль ООН в так называемом новом международном порядке,

¹⁷ Франция – память. С. 12.

¹ Рид Д. Во имя мирного будущего на планете // Междунар. жизнь. 1995. № 3–4. С. 16.

который выражает их интересы и претензии. В такой стратегии приоритетное значение придается Совету Безопасности. Новое соотношение сил в мире и совпадение мнений снизило возможность наложения вето. Новым стало то, что Генеральная Ассамблея ООН отходит на второй план. Вводятся в обиход новые принципы, особенно в области прав человека, которые отдают приоритет так называемой «гуманитарной интервенции» перед считавшимися до последнего времени фундаментальными принципами международного сообщества: сохранением территориальной целостности, невмешательством во внутренние дела государства.

Согласно статье 43 главы 7 Устава ООН все члены Организации обязуются предоставить в распоряжение Совета Безопасности по его требованию и в соответствии с особым соглашением необходимые для поддержания международного мира и безопасности вооруженные силы. В настоящее время Совет Безопасности при осуществлении принудительных мер в основном опирается на вооруженные силы НАТО, главным образом США. Причиной этого является наличие лучшей технической базы и способность материального обеспечения операции. Все эти тенденции четко проявились в операции ООН в Югославии.

Данная миротворческая миссия – самая крупномасштабная и самая дорогая (ее годовой бюджет составляет около двух миллиардов долларов, что превышает в полтора раза регулярный ежегодный бюджет всей ООН)². ООН начала предметно заниматься рассмотрением конфликтной ситуации в Югославии ранней осенью 1991 г. Двадцать пятого сентября Совет Безопасности принял резолюцию № 713³, где выражалась глубокая озабоченность боевыми действиями в Югославии, было введено эмбарго на поставку оружия и военного снаряжения в эту страну. В ноябре-декабре 1991 г. началось реальное вмешательство ООН. После заключения 2 января 1992 г. соглашения о прекращении огня между военным руководством Хорватии и Югославской народной армией Совет Безопасности учредил резолюцией № 743 от 15 декабря 1991 г. новую миротворческую операцию и принял решение направить в Хорватию контингент сил ООН, который вскоре достиг численности в четырнадцать тысяч человек.

² Горелик А. СООНО – работая во имя мира // *Междунар. жизнь*. 1995. № 3–4. С. 110.

³ Официальный документ ООН. RES/1991/713.

Хотя изначально мандат миротворческих сил ограничивался лишь Хорватией, уже на раннем этапе было предусмотрено, что после достижения демилитаризации районов под охраной ООН сто военных наблюдателей будут передислоцированы в отдельные точки Боснии и Герцеговины, где к тому времени разгорался конфликт. В период наступления боснийских сербов в апреле 1992 г. Совет Безопасности призвал все стороны достичь соглашения о прекращении огня, а также вмешательства извне. Совет Безопасности потребовал от всех сторон создания необходимых условий для беспрепятственной доставки гуманитарной помощи в Сараево и Боснию. Доставка гуманитарной помощи стала отправной точкой вовлечения ООН в гражданскую войну в Боснии и Герцеговине, где миссия ООН с самого начала взаимодействовала с Управлением верховного комиссара ООН по делам беженцев и Международным комитетом Красного Креста. Объем поставленных задач очень быстро потребовал резкого увеличения численности миротворческого контингента.

Именно в Боснии ООН пришлось столкнуться с наиболее сложными проблемами, что в свою очередь стало причиной беспрецедентных решений и новаций в миротворческом процессе.

Группа сил ООН была разделена на две части: основная находилась в Кизельяке, а пост – в Сараево, где был расположен штаб миссии, возглавляемый французским генералом Морильоном. Две пятых состава штаба были представителями военных сил НАТО. Выполнению операции мешали отсутствие разведанных о военных действиях, плохая связь и нерешительность высшего командования. Кроме того, продвижению колонн с гуманитарной помощью препятствовали постоянные боевые действия конфликтующих сторон.

Поэтому первым шагом для обеспечения выполнения операции было принятие решения о создании запретной зоны для полетов авиации. Резолюцией Совета Безопасности № 781 от 9 октября 1992 г. был наложен мораторий на все военные полеты над Боснией, кроме самолетов миссий ООН. Выполнение и наблюдение за запретом было возложено на силы ООН. Однако сербские самолеты продолжали нарушать зону. В марте 1993 г. были совершены воздушные атаки на Брсчо и Градачак, обстреливались деревни в восточной Боснии. Исходя из сложившейся ситуации, Совет Безопасности ООН резолюцией № 816 от 31 марта 1993 г.⁴ разрешил применять силу в случае

⁴ Официальный документ ООН. RES/193/816.

нарушения запрета. Второго апреля руководство НАТО, предупредив о своей готовности, согласилось принять участие в такой операции, получившей название «Запретного полета».

Другим не менее важным вопросом стала проблема поддержания наземных операций с воздуха. Руководство операцией долгое время не решалось на введение данной меры, хотя о ее необходимости военные стали говорить с самого начала миссии. Особенно остро данная проблема встала после создания зон безопасности (согласно резолюциям Совета Безопасности ООН № 819 от 16 апреля и № 824 от 6 мая 1993 г.) В связи с нарушениями воюющими сторонами зон безопасности Совет Безопасности ООН резолюцией № 836 от 4 июня 1993 г. принял решение об использовании воздушных сил.

События в зоне безопасности в Бихаче и помощь со стороны хорватских сербов привели к тому, что была принята резолюция № 958 от 19 ноября 1994 г., которая позволила применение силы вокруг зон безопасности. Согласно этому решению Совета Безопасности, 21 ноября авиабаза в Хорватии, с которой производился обстрел Бихача, подверглась авиаударам НАТО. В Белграде в итоге 23 ноября было подписано соглашение, по которому хорватские сербы отказывались от помощи боснийским сербам. Тем самым угрозы и реальное применение воздушных сил позволили избежать нарушений зоны безопасности и нейтрализовать обстановку.

Таким образом, практика проведения миротворческой операции в Боснии и Герцеговине стимулировала процесс решения миротворческих проблем силовыми методами. Появлению этой тенденции способствовали ряд факторов и прежде всего новая ситуация в мировой политике после окончания «холодной войны», а также впервые в практике ООН участие в миротворческой операции сил НАТО.

Сотрудничество этих двух организаций уже тогда носило очень сложный характер: ООН, неся глобальную ответственность за мир и безопасность, проводила операцию в Югославии в целях политического урегулирования конфликта, пусть даже с частичным применением силы. НАТО же как военный альянс, переживающий период адаптации к реалиям «послеблокового» мира, как правило, был склонен к моментальному использованию мер принуждения, прежде всего с участием ВВС, а также приданию самой миротворческой операции преимущественно характера военной акции. Именно эта тенденция возобладала во взаимоотношениях ООН и НАТО спустя несколько лет в период кризиса в Косово.

Н. С. Голубецкая

ПРОБЛЕМА ВЛИЯНИЯ АНДАЛУССКОЙ НАРОДНОЙ ПОЭЗИИ НА КУРТУАЗНУЮ ЛИРИКУ ТРУБАДУРОВ

Сегодня христиане и мусульмане, европейцы и арабы все больше вовлекаются в «единый мир». Но в диалоге различных культур по-прежнему чувствуются напряженность, трудности в нахождении общего языка. В связи с этим представляется чрезвычайно актуальным обращение к историческим примерам культурного взаимовлияния.

В районе Средиземноморья на протяжении столетий активно взаимодействовали между собой различные по социокультурным параметрам цивилизации. Именно поэтому Средиземноморье дало миру наиболее яркие примеры культурного синтеза. Один из них – мусульманская Испания (вернее, страна аль-Андалус, или просто Андалусия, как ее называли арабы), которая в Средние века была лидером мусульманского Запада в экономическом и культурном отношении.

Арабское вторжение на Иберийский полуостров в VIII в. положило начало длительной эпохе широких и плодотворных контактов христианского и мусульманского миров в самых разнообразных областях. Общеизвестны факты, связанные с влиянием архитектуры, декоративного искусства, философской мысли мусульманской Испании на культуру Западной Европы в Средние века. В этом контексте актуален и поиск точек соприкосновения в сфере литературы. Одной из нерешенных проблем в этой области является спор о возможном влиянии арабо-испанской поэзии на европейскую, и прежде всего провансальскую лирику.

С конца IX в. в Андалусии, помимо поэзии, на классическом арабском языке существовала и народная поэзия (так называемые *заджали*), которая представляла собой продукт слияния двух культур – арабской и романской. Заджаль – это рифмованное стихотворение строфической формы (трехстишие со стихом-репризой, форма которой одинакова для всех строф). Одной из главных особенностей андалусской строфической поэзии является ее двуязычие (арабского и романского разговорных языков). В каждом произведении сочетаются две темы: любовная и панегирическая. Лучшими образцами «смешанной поэтической системы» Андалусии считаются произведения Ибн Кузмана (ок. 1080–1160):

Влюблен я в звездочку. Любой, ее заметя	}	<i>Стих-реприза</i>
И полюбив ее, повержен и убит.	}	<i>Трехстишие-монорим</i>
Я знаю, и меня она не пощадит.		
Смогу ли от нее найти надежный щит	}	<i>Стих-реприза</i>
Или не властен я рассеять чары эти?		
Зачем же прячешься куда-то от меня?	}	<i>Трехстишие-монорим</i>
Я изнемог уже от страстного огня...		
Когда ж благословит нас Бог, соедини,	}	<i>Стих-реприза</i>
И ниспошлет любви взаимной долголетье ¹ .		

В литературе существует точка зрения, согласно которой у истоков провансальской лирики стояла арабо-испанская строфическая поэзия, образец которой приведен выше. Ее сторонники (например, Х. Рибера² и Менендес Пидаль³ из испанских авторов и А. Б. Куделин⁴ в отечественной литературе) приводят следующие аргументы:

Во-первых, арабо-испанская народная поэзия существовала в Андалусии уже в конце IX в., то есть за два столетия до появления в Провансе первого трубадура.

Во-вторых, наличие контактов первых трубадуров Южной Франции с дворами правителей испанских и арабских государств Пиренейского полуострова (тесные брачные отношения между королевскими дворами, частые путешествия, использование рабов-пленников из Андалусии и т. п.)

В-третьих, отсутствие в принципе языкового барьера, так как арабо-андалусские заджали писались на наречии, понятном романскому населению.

В-четвертых, в стихотворениях Гильома IX, графа Пуату и герцога Аквитанского, который считается первым трубадуром, впервые на европейской почве присутствует настоящая рифма, отличающаяся от ассонанса и играющая самостоятельную роль. А к этому времени

¹ См.: Андалусская поэзия. М., 1988.

² См. об этом: Куделин А. Б. Арабо-испанская строфика как «смешанная поэтическая система»: Гипотеза Х. Риберы в свете последних открытий // Типология и взаимосвязи средневековых литератур Востока и Запада. М., 1974.

³ Менендес Пидаль Р. Испанская литература Средних веков и эпохи Возрождения // Менендес Пидаль Р. Избр. соч. М., 1961.

⁴ Куделин А. Б. Характерные черты арабо-испанской газели XI в. // Актуальные проблемы изучения литератур Африки. М., 1969.

в арабо-испанской поэзии рифма стала уже неотъемлемой, обязательной частью стиха. Кроме того, среди произведений Гильома IX и других ранних трубадуров встречаются трехстишия-моноримы со стихом-репризой (заджали).

Например, у Гильома IX мы читаем:

Я радость знал, любил я бой,	}	<i>Трехстишие-монорим</i>
Но – с ними разлучен судьбой –		
Взыскаю мира, пред тобой,	}	<i>Стих-реприза</i>
Как грешник, я стою согбен.		
Я весельчак был и не трус,	}	<i>Трехстишие-монорим</i>
Но, с Богом заключив союз,		
Хочу тяжелый сбросить груз	}	<i>Стих-реприза</i>
В преддверье близких перемен.		

В-пятых, общность тематики андалусских заджалей и лирики трубадуров: куртуазная любовь, превосходство любимой, покорность и служение любви и т. д.

Но есть и другая точка зрения, сторонники которой (например, Родригес Лапа, Аппель и Жанруа в западной⁵ и А. А. Смирнов – в отечественной литературе⁶) отрицают возможность влияния андалусской строфической поэзии на лирику ранних трубадуров. Они говорят о латинском происхождении любовной провансальской поэзии. Но надо отметить, что аргументация представителей этой точки зрения неубедительна и постоянно опровергается сторонниками теории об андалусском влиянии.

А теперь хотелось бы выразить собственную точку зрения на рассматриваемую проблему. По-моему, можно говорить только об ограниченном влиянии арабо-испанской народной поэзии на провансальскую лирику, так как наличие элементов андалусской строфики отмечается лишь в нескольких из сохранившихся произведений ранних трубадуров. А значит, их появление, по-видимому, можно объяснить данью моде и красоте звучания заджалей. Но нельзя не признать, что еще в XI в., у истоков своей истории, провансальская лирика испытала андалусское влияние, результатом которого явилась концепция слу-

⁵ О взглядах Родригеса Лапа, Аппеля и Жанруа см.: Менендес Пидаль Р. Испанская литература Средних веков...

⁶ См., например: Смирнов А. А. Средневековая литература Испании. Л., 1969.

жения любви, отличающаяся от рыцарского служения, так как последнее требовало от сеньора взаимности по отношению к вассалу.

Кроме того, на наш взгляд, именно благодаря «смешанному» характеру арабо-испанской поэзии она могла оказать влияние и на провансальскую лирику. В связи с этим, вероятно, более правомерно было бы говорить не об «учительском» андалусском влиянии (о котором говорили сторонники первой теории), а о равноправном сотрудничестве, органическом соединении двух начал.

Д. П. Глазкова

РОССИЯ ГЛАЗАМИ АНГЛИЧАН: «ПУТЬ ИЗ АНГЛИИ В МОСКВУ...» РИЧАРДА ЧЕНСЛОРА

Изучение культурного взаимовлияния России и Англии на сегодняшний день является весьма актуальным. Проблема «своего» и «чужого» в отечественной историографии последних лет заняла видное место. Отношения между странами, население которых отличается по менталитету и культуре, сложны и полны противоречий. Нередко из-за неосторожного слова или поступка представителя какого-либо государства формируется либо негативное, либо позитивное отношение ко всему народу в целом. Часто очень сложно избавиться от сложившихся таким образом предрассудков. Изучение истории появления взаимных контактов может помочь разобраться в сложности и противоречивости отношений государств в разные периоды.

В российской историографии проблема «чужого» получила распространение в связи с образом немца в русской культуре. Тему взаимодействия русских и немцев сегодня разрабатывает С. В. Оболенская¹. Работ, посвященных культурным контактам России и Англии в Новое время, не так уж много. Выделяются работы В. Н. Александренко, написанные в конце XIX в.² Серьезным исследованием последних

¹ См., например: *Оболенская С. В.* Образ немца в русской народной культуре XVIII–XIX вв. // Одиссей. М., 1991; *Она же.* Германия глазами русских военных путешественников 1813 г. // Там же. М., 1993

² См. об этом: *Alexandrenko B.* The First Russian Students in England // *The Academy.* 1889. 7 Decemb. Vol. 34, № 918; *Александренко В. Н.* Русские дипломатические агенты в Лондоне в XVIII в. Т. 1–2. Варшава, 1897 и др.

лет стала книга Э. Кросса «У темзских берегов. Россияне в Британии в XVIII в.»³, где автор рассматривает деловые, частные, культурные и учебные поездки русских в Англию, описывая их быт, возникающие в незнакомой стране проблемы и их отношения с англичанами.

В период раннего Нового времени Англия достигает высокого уровня развития в экономике, культуре, политике и становится одной из самых могущественных мировых держав. В этот период активно развивается производство, торговля, расширяются дипломатические, культурные контакты с другими европейскими государствами. Именно в этот период культура Англии достигает своего наивысшего расцвета. Все это находило отражение в менталитете англичан. Жители Британских островов были людьми, которые стремились достичь совершенства и безупречности во всем, но в то же время они оставались консерваторами и с трудом шли на изменение старых традиций, внесение новшеств. Будучи людьми сдержанными, они не показывали открыто своих эмоций и чувств, всегда были очень вежливы и почтительны с другими.

Знакомство британцев с Московией произошло практически случайным образом: 24 августа 1553 г. один из кораблей северной экспедиции Хью Уиллоби, которая была организована английскими купцами с целью открытия новых торговых партнеров, прибило бурей к устью Северной Двины. Капитан корабля Ричард Ченслор был приглашен посетить столицу Московского государства, где он имел возможность поближе познакомиться с «новооткрытой» страной⁴.

До нас дошло сочинение о России, оставленное Ченслором, – «Путь из Англии в Москву и путешествие по внутренним областям Московского государства», которое было создано в 50-х гг. XVI в. после поездки Ричарда Ченслора в Москву в 1553 г.

Сочинение состоит из двух частей: первая написана Климентом Адамсом на латинском языке и посвящена описанию создания экспедиции, трагической гибели двух ее кораблей и прибытию Ченслора в Московское государство, вторая часть была написана самим Ченслором (в виде частного письма), в ней содержится описание Московии, русского народа, его быта и нравов.

³ См.: Кросс Э. У темзских берегов: Россияне в Британии в XVIII в. СПб., 1996.

⁴ См.: Похлебкин В. В. Внешняя политика Руси, России и СССР за 1000 лет в именах, датах, фактах: Ведомства внешней политики и их руководители. Вып. 1. М., 1995. С. 727.

Переводчиком и издателем данного сочинения является знаменитый советский историк и археолог Юрий Владимирович Готье (1873–1943)⁵. Ю. В. Готье пытался сохранить язык и стиль произведения, что ему великолепно удалось; учитывались и более ранние переводы, в частности переводы сочинения Климента Адамса, появившиеся в 20–30-х гг. XIX в.⁶, а также перевод рассказа Ченслора, сделанный в 80-х гг. XIX в. профессором С. М. Середонинным.

В начале своего рассказа Ченслор подробно описывает товары, которые производятся в России: это было очень важно для Англии, ведь английские купцы искали торговых сношений с новыми странами, а земли, леса, реки Московии обладали несравненными богатствами.

Несколько строк автор уделяет описанию своего приема у царя Ивана IV, а также обеда, который был устроен в честь английского посла. Ченслор подробно описывает убранство обеденной палаты, посуду, а также сам процесс обеда. Ему удается очень точно отметить превосходство царя над остальными боярами в таком, казалось бы, незначительном, повседневном событии, как обед: «...прежде чем были поданы яства, великий князь послал каждому большой ломоть хлеба, причем разносивший называл каждого, кому посылалось, по имени и говорил: “Иван Васильевич, царь русский и великий князь Московский, жалуют тебя хлебом”. При этом все должны были вставать и стоять пока приносились эти слова»⁷.

Ченслора удивляет то, с каким великолепием и роскошью русский царь отправляет послов в иные государства, хотя повседневная жизнь самого царя не отличается какими-либо излишествами.

Кроме того, все путешественники, которые посещали Россию, восхищались удивительной выносливостью русских людей, и Ричард Ченслор не был исключением. Ему трудно понять, как эти неустойчивые на первый взгляд к различным перипетиям люди могут неделями, месяцами находиться в военных походах, не имея ни палаток, ни достаточного довольствия. Автор даже немного укоряет англичан, которые не отличались выносливостью: «Я спрашиваю вас, много ли

⁵ См.: Английские путешественники в Московском государстве в XVI в. Л., 1937.

⁶ Отечественные записки. 1826. Ч. 27; Журнал Министерства народного просвещения. 1838. Октябрь.

⁷ То государства // Английские путешественники в Московском государстве в XVI в... С. 58.

нашлось бы среди наших хвастливых воинов таких, которые могли бы прожить с ними в поле хотя бы только месяц»⁸.

Ричард Ченслор, привыкший к службе, не зависимой ни от кого, кроме него самого, не может согласиться с принципом, существовавшим тогда в Московском государстве: землю, данную за службу, могли забрать при негодности человека к службе. Англичанина удивляет непонятное ему повиновение и смирение с установкой, когда «все принадлежит Богу и государевой милости»⁹, в отличие от ситуации в его родной Англии, где каждый простолюдин может сказать, про то, что ему принадлежит, что оно «Бога и мое собственное»¹⁰.

По мнению Ченслора, русские по природе склонны к обману. Это очень интересное, но вызывающее сомнение замечание, потому что, насколько известно, русские всегда отличались тем, что были простаками, которых было легко обмануть. Возможно, некоторые поступки русских, совершенные ими по простоте душевной в присутствии Ченслора, были сочтены им за хитрость или обман. Тем не менее автор замечает, что русские очень набожны, о чем свидетельствуют различные религиозные обряды.

Несмотря на критическое отношение к русскому народу, Ричард Ченслор отмечает в этих странных людях небывалую скрытую силу: «Я могу сравнить русских с молодым конем, который не знает своей силы и позволяет малому ребенку управлять собою и вести себя на уздечке, несмотря на всю свою великую силу; а ведь если бы этот конь сознавал ее, то с ним бы не справился ни ребенок, ни взрослый человек»¹¹.

Рассказ Ченслора имеет большое значение для изучения нравов, обычаев и культуры России середины XVI в., так как он, хоть и кратко, описывает почти все стороны жизни русского народа. А то, что рассказ не лишен некоторого субъективизма, придает ему не меньшую значимость и привлекательность: перед нами предстает мнение человека о стране, в которую он попадает впервые и о которой прежде ничего не слышал.

⁸ Путь из Англии в Москву... С. 60.

⁹ См.: Там же. С. 61.

¹⁰ См.: Там же.

¹¹ См.: Там же. С. 61–62.

АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОЕ УСТРОЙСТВО АНГЛИЙСКОЙ КОЛОНИИ ВИРДЖИНИЯ В 1619–1623 гг.

Сегодня США – мировая сверхдержава. Каковы же истоки великой демократии США? Первопричины следует искать в истории возникновения первого представительного-законодательного органа на территории США – Генеральной ассамблеи, которая была учреждена в первой английской североамериканской колонии – Вирджинии.

1619-й год – год коренных изменений в административно-правовом устройстве Вирджинии. Американские историки считают его годом рождения великой американской демократии, обуславливая это созданием на территории США первого представительного учреждения – Генеральной ассамблеи.

Но этот представительный орган возник не сразу, предпосылки к его формированию начали складываться в Вирджинии с начала 10-х гг. XVII в. До 1623 г. Вирджиния была под властью Вирджинской компании, получившей во владение земли североамериканского континента по королевской хартии 1609 г., где располагалась колония. До 1619 г. фактическая абсолютная власть в колонии принадлежала губернатору, назначаемому Вирджинским советом. Руководство Вирджинской компании поначалу считало, что только жесткая суровая дисциплина и порядок, вводимый посредством жесточайших законов, способны обеспечить быстрое освоение новых земель и рост доходов компании.

Но время шло, а колония так и не приносила дохода – силовые меры управления на деле себя не оправдали. И в самой компании, и в Вирджинском совете поняли, что надо реформировать административно-территориальное устройство колонии. Все пришли к выводу: чтобы колонисты могли выжить и сами себя прокормить, необходимо дать им хоть небольшую, но самостоятельность в деле освоения новых земель, сделать законы более мягкими и демократичными.

Первый шаг на этом пути был сделан губернатором Дейлом в 1614–1616 гг. Он осуществил в колонии важное нововведение: за определенную плату наиболее состоятельные колонисты получали участки земли в три акра в свое владение при условии ежегодной выплаты земельной ренты в пользу компании. Кроме того, в их обязанности

входило месяц в году обрабатывать на общей земле компании. Работающим на компанию сервентам разрешалось теперь поэтому один месяц в году трудиться для собственного прокормления. Это нововведение привело к росту производительности труда, а значит, увеличило доходность колонии. Именно после этого распоряжения Дейла Вирджиния начинает не без выгоды для себя экспортировать табак. Уже в 1616 г. первый груз табака был отправлен в Лондон и выгодно продан¹. Это было первым доказательством неэффективности принудительных мер.

Так как административно-командная система управления колонией себя дискредитировала, а пайщикам компании нужна была прибыль, то в 1616 г. внутри Вирджинского совета началась работа по подготовке перехода от монопольного владения землей к ее распределению между свободными колонистами, разработка новой административно-законодательной системы колонии. Итогом работы стала Инструкция от 8 ноября 1618 г. Учитывая бесчисленные жалобы на произвол губернаторов, компания предусматривала установить подходящую форму местного представительства и справедливые законы «для благотворного руководства и управления обитающим там народом». Именно эта часть инструкции послужила для многих американских историков поводом назвать ее Великой хартией привилегий, постановлений и законов, которая санкционировала создание первого представительного учреждения в английских колониях и явилась проектом первой колониальной писаной конституции.

Характер и форма нового управления излагались в Ордонансе и установлениях для совета и ассамблеи Вирджинии. Он дошел до нас лишь в копии 1621 г. Ордонанс предусматривал сохранение совета колонии как судебного учреждения и консультативно-совещательного органа при губернаторе. Члены совета назначались в Лондоне. Новым являлось создание законодательного органа колонии – Генеральной ассамблеи, включавшей в себя членов совета, а также двух представителей (*бэрджис*) от каждого поселка. Инициатива созыва Ассамблеи исходила от губернатора, обязанного собирать ее не реже одного раза в год². Законы и постановления, принимаемые Ассамблеей,

¹ История США. Т. 1. М., 1983. С. 20.

² См.: *Слезкин Л. Ю.* У истоков американской истории: Виргиния, Новый Плимут, 1606–42 гг. М., 1978. С. 86.

по своему духу и букве должны были максимально приближаться к правовым нормам, существовавшим в Англии³. Губернатор располагал правом вето. Принятые законы входили в силу только после их ратификации кварталным собранием компании в Лондоне.

Ассамблея неизбежно должна была стать органом если не контролирующим, то наблюдающим за деятельностью губернаторов, нередко злоупотреблявших своей властью для личной выгоды, придать больший вес и авторитет постановлениям, адресованным колониям, придать им вид вводимых с согласия колонистов, что отражало существующую парламентскую практику. Но как следует из документов, Генеральной ассамблее отводилась подчиненная роль. Решающее слово на первом этапе ее существования все же принадлежало губернатору и компании⁴.

В апреле 1619 г. в столицу Вирджинии Джеймстаун прибыл назначенный компанией новый губернатор и генерал-капитан Д. Ирдли. Под его наблюдением происходило распределение земли колонистам в частную собственность. Но земля была пожалована лишь фрименам – акционерам компании, сервенты же не получили ничего. После раздачи земли в частную собственность в июле состоялись выборы депутатов в Генеральную ассамблею Вирджинии. Право голоса имели лишь фримены. Не могли принимать участия в голосовании женщины, несовершеннолетние и сервенты. Избиратели изъявляли свою волю поднятием рук или голосом. Но тем не менее при кажущейся демократии свободы волеизъявления у голосующих не было, так как управляющие и руководители плантаций давали указания относительно избрания нужных представителей и таким образом контролировали голосование в своих пределах. Поэтому на первой сессии Ассамблеи поселенцы были представлены землевладельцами Вирджинии и агентами лондонских акционеров.

Первая сессия Генеральной ассамблеи проходила с 30 июня по 4 августа 1619 г. Спикером Ассамблеи депутаты избрали члена совета и секретаря колонии Джона Пори, второе должностное лицо после губернатора. Всего в работе Ассамблеи принимали участие по разным источникам от двадцати семи до тридцати депутатов. В Ассамблее были представлены губернатор, его шесть помощни-

³ См.: *Невинс С., Коммаджер Г.* История США. Нью-Йорк, 1991. С. 23.

⁴ См.: *Nation of Nations.* N. Y., 1990. P. 49.

ков, по два представителя от четырех поселков (сити, тауна) и семи частных плантаций⁵.

Первыми актами Ассамблеи были шесть петиций к казначею, совету и компании в Англии. В них выдвигалось требование определить границы земельных владений, предоставленных ранее губернаторам, членам совета и служащим компании, закрепить за прежними поселенцами право на занятую ими землю, установить новый порядок наделения землей, указать рамки полномочий губернатора⁶. Таким образом, главное внимание в работе Ассамблеи было сосредоточено на упорядочении наделения земельной собственностью и в вопросе заселения осваиваемых земель.

На заседании 2 августа Ассамблея приняла ряд законов, извлеченных из королевских инструкций. Этот свод законов характеризует обстановку в колонии, быт и нравы колонистов. Условно его можно разделить на три части.

Первая статья свода законов запрещает притеснять индейцев, наносить им какие-либо обиды, но за нарушение этого предписания никакого наказания не предусматривалось, хотя остальные законы содержат суровые санкции за их малейшее нарушение. Этой статьей, носившей чисто декларативный характер, колонисты объявляли себя не завоевателями, а мирными поселенцами, хотя без притеснений местного населения колонизация была бы в принципе невозможна.

Следующие статьи свода посвящены мерам борьбы против праздности, игры в кости или карты, пьянства, излишеств в одежде и украшениях. Каждому, кого уличали в безделье, назначали хозяина, которому он должен служить за жалование до тех пор, пока, как говорилось в законе, осужденный «не проявит очевидных признаков исправления». Критерии этих признаков закон не называл.

Для борьбы с игрой в кости или карты было постановлено, что выигравший теряет свой выигрыш и оба игрока платят по десять шиллингов штрафа. Из них десять шиллингов получает тот, кто донес об этом, а остальные деньги идут на благотворительные или религиозные цели той корпорации, где был совершен проступок.

При задержании за пьянство в первый раз нарушителю следовало внушение духовного лица наедине, во второй раз – публично, в третий

⁵ См.: *Слезкин Л. Ю.* Указ. соч. С. 90.

⁶ См.: *Самойло А. С.* Английский колониализм в Северной Америке в XVII в. М., 1963. С. 37.

раз пьяницу заключали на двенадцать часов в колодки и приговаривали к штрафу. Если же пьяница оказывался должностным лицом, то в третий раз он подлежал заточению в тюрьму и отстранению от должности. При продолжении запоев более строгие меры определялись губернатором и Советом колонии.

При излишествах в украшениях или одежде положено было наставление священника холостому за собственное поведение, а женатому – за себя и за жену.

Вторая группа законов касалась отношений с индейцами. Индейцев можно было брать на работу лишь с разрешения губернатора и принимая ряд мер предосторожности (на ночь помещать их в отдельное помещение, сторожить и так далее). Для обращения индейцев в христианство каждому поселению, плантации рекомендовалось брать на воспитание детей индейцев. Торговать с индейцами с разрешения губернатора могли все, кроме сервентов. Запрещалось продавать или давать индейцам больших собак. За нарушение был положен штраф в пять шиллингов. Продажа индейцам пороха или оружия вообще каралась смертной казнью через повешение. Таким образом, законодательно Ассамблея пыталась свести к минимуму возможность индейских нападений и усиления индейцев.

Третья группа законов регулировала частные взаимоотношения колонистов, их трудовые обязательства. Законодательно предписывалось регистрировать всех прибывших и прибывающих сервентов с указанием даты окончания контрактов, чтобы предотвратить всякую возможность уклонения от обязательств. За несоблюдение сервентами и арендаторами условий контрактов предписывалось наказывать по усмотрению губернатора и Совета колонии. Сервент, который еще в Англии договорился служить кому-либо, но, приехав в Вирджинию, нанялся к кому-то другому, наказывался отбыванием службы последовательно по обоим контрактам. Под угрозой наказания запрещалось сманивать чужих сервентов и арендаторов. При этом наказывали и соблазнившего, и соблазненного⁷.

Краткий свод законов, составленный первым представительным собранием английской колонии в Америке, зафиксировал резкое социальное разделение белого населения Вирджинии на несколько категорий: свободных мелких держателей земли, крупных землевла-

⁷ См.: *Самойло А. С.* Указ. соч. С. 38–41.

дельцев и кабальных слуг. Для сервентов предусматривались телесные наказания, принудительное закабаление и ограничения в правах. Формально сервенты рабами не считались, но их реальное положение и права были сходны с рабскими. Сервенты признавались дееспособными, но их правоспособность и деликтоспособность были ограничены, юридическую ответственность за проступки сервентов мог нести их хозяин. Например, хозяин мог заплатить штраф за своего сервента. Законы в целом служили интересам хозяев, как, впрочем, и судебная практика, которую могла осуществлять Ассамблея: так, например, когда один из землевладельцев пожаловался на грубость и нерадивость своего сервента, то было принято решение ежедневно пороть провинившегося при четырех днях стояния у столба с прибитыми ушами. В то же время Ассамблея сочла нужным объявить, что считает неприемлемым телесные наказания для «достойных людей» – полноправных свободных колонистов⁸. Богатые колонисты могли избежать телесного наказания, заплатив штраф, сервенты же не могли этого сделать. Однако то, что было предусмотрено в законах как санкция, не всегда выполнялось. Глупо было сечь до полусмерти или казнить живущих впроголодь людей за отказ работать или кражу продовольствия, тем более что смертность среди колонистов из-за болезней, голода, холода и стычек с индейцами составляла около восьмидесяти процентов.

Таким образом, на основании этих законов можно реконструировать социальную структуру колонии Вирджиния:

– слой мелких собственников-производителей (свободные мелкие держатели земли, своим трудом обрабатывавшие свой участок), которые были независимыми, обладали правоспособностью, дееспособностью и деликтоспособностью;

– слой крупных собственников (хозяева больших владений, на которых работали наемные рабочие), это были самые богатые и влиятельные люди колонии, которые обладали всей полнотой прав и свобод колонистов Вирджинии;

– слой наемных работников-сервентов, которые признавались дееспособными, но их правоспособность и деликтоспособность были ограничены, а это значит, что они были неполноправно свободными.

Также следует обратить внимание, что на первом плане в своде законов поставлены нормы, касающиеся главным образом поведения

⁸ См.: Слезкин Л. Ю. Указ. соч. С. 91.

колонистов, их морали (наказания за безделье, пьянство, азартные игры, излишества в одежде). Это объясняется, с одной стороны, влиянием кальвинизма в самой колонии, ибо многие колонисты переселились в Америку также и по религиозным причинам, с другой стороны, законы действительно старались пресечь пьянство и аморальное поведение, которое имело место в колонии, и направить жизнь сервента на служение хозяину⁹.

Само введение представительного органа (Генеральной ассамблеи) и принятие соответствующего законодательства имели целью увеличить доходы Вирджинской компании и были предложены Вирджинским советом в Лондоне. Таким образом, демократичные для того времени порядки в Вирджинии были введены сверху, а не снизу, и эта инициатива вскоре принесла свои плоды. После распределения земель в частную собственность и с отменой жестоких губернаторских законов приток переселенцев в Вирджинию увеличился. Всего к 1625 г. в колонии проживало по разным данным от тысячи двухсот восемнадцати до тысячи двухсот двадцати семи человек, а к 1630 г. – уже около пяти тысяч человек.

Доходы Вирджинской компании росли, и все было бы хорошо, если бы не недовольство короля и его приближенных слишком уж вольной деятельностью руководства Вирджинской компании. Учреждение в колонии представительных органов, избираемых всеми свободными жителями колонии, что было неслыханным демократизмом для того времени; введение казначеем колонии Эдвардом Сэндисом либеральных методов управления и расширение полномочий органов самоуправления в 1621 г.¹⁰ – все это вызвало недовольство королевской власти. Поэтому под предлогом защиты колонии от индейцев Яков I в 1623 г. потребовал возвращения пожалованной Вирджинской компании хартии на владение колонией¹¹. 20 ноября 1623 г. королевский суд признал хартию аннулированной¹². С этого времени Вирджиния становится королевской колонией.

Таким образом, в 1619 г. в Вирджинии появилось первое представительное выборное административно-законодательное учреждение –

⁹ См.: *Невинс А., Коммаджер Г.* Указ. соч. С. 29.

¹⁰ См.: *Самойло А. С.* Указ. соч. С. 42.

¹¹ См.: *Нейман К. Ф.* История американских соединенных штатов. СПб., 1866. С. 16.

¹² См.: *Самойло А. С.* Указ. соч. С. 42.

Генеральная ассамблея. Но можно ли с ее появлением говорить о возникновении в колонии демократии как власти всех граждан? Конечно нет. Демократия же эта была буржуазной, она зародилась в английском обществе и в основном защищала интересы небольшой группы богатых и влиятельных колонистов, для которых мнения сервентов и мелких земельных собственников мало что значили, поэтому инициатива организации представительного органа исходила от английских пайщиков – крупных акционеров Вирджинской компании, а не от самой колонии. Генеральная ассамблея возникла не в результате намерения воплотить в жизнь демократический идеал, а как стремление эффективнее использовать капиталы, вложенные в колонию.

Н. А. Кручинина

ИНДУСТРИАЛЬНОЕ ОБЩЕСТВО И СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЕКТЫ БРИТАНСКИХ ЛИБЕРАЛОВ И СОЦИАЛИСТОВ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX в.

Англия явилась лидером процесса формирования в странах Запада индустриального общества, которое сложилось в ней к концу XIX в. Его важнейшие черты: демократическая политическая система, высокий уровень промышленного развития и урбанизация, новая социальная структура (большинство в обществе составляют средний и рабочий классы), массовизация важнейших форм политической и социальной жизни, широкое распространение индивидуалистического сознания.

Индустриальное общество означало также и появление нового человека – *homo industrialis*. Это преимущественно горожанин, его социальный статус определяется личными жизненными успехами и профессиональной принадлежностью, средства для жизни и содержания своей семьи он получает в основном за счет своего труда, который часто является узкоспециализированным и однообразным, он обладает всем комплексом политических прав и возможностью влиять на жизнь своей страны как на центральном, так и на местном уровне, наконец, для человека индустриальной эпохи характерна

индивидуализация и заметное ослабление религиозного сознания, вера в науку и прогресс.

Новое общество поставило перед англичанами и новые проблемы, отчасти характерные для индустриального Запада в целом, отчасти являвшиеся особенностью общественного развития Англии конца XIX – начала XX в. Это прежде всего сохранение имущественного ценза для избирателей и полное отстранение женщин от политической жизни, неравноправие профсоюзных организаций в системе трудовых отношений, тяжелые условия труда и бедность значительной части рабочего класса. Секуляризация и индивидуализация сознания привели к потере многими людьми духовно-нравственных ориентиров и создали условия для возникновения «массового сознания».

Индустриальное общество во многом определило формирование в Англии в конце XIX – начале XX в. новых партийно-политических течений – социального либерализма и социализма, которые предложили свое видение современного человека и его проблем. Крупнейшими теоретиками социального либерализма в этот период были Г. Л. Сэмюэл, Д. А. Гобсон, Л. Т. Хобхауз. В социалистическом течении ведущим в теоретическом плане выступало Фабианское общество и его лидеры – С. Вебб и Б. Вебб.

И социальные либералы, и социалисты сумели увидеть многие проблемы индустриального общества. Они подчеркивали индивидуализм своих современников, преимущественно городской образ жизни, высокий уровень специализации и интенсификации труда. И те и другие обращали внимание на низкий жизненный и образовательный уровень большинства рабочих, на распространенную среди них безработицу, неудовлетворительное благоустройство городов и слабость системы здравоохранения¹. Но способы решения этих проблем социальные либералы и фабианцы предлагали различные.

Социальные либералы сохранили в основе своей доктрины классическую либеральную индивидуалистическую концепцию, считая личную ответственность, трудолюбие, предприимчивость человека основным условием его успешной жизненной карьеры. Но они при-

¹ См.: Сэмюэл Г. Л. Либерализм: Опыт изложения принципов и программы современного либерализма в Англии. М., 1906. С. 9–11, 15–17; Гобсон Д. А. Проблемы бедности и безработицы. СПб., 1900. С. 5–27; Вебб С. Положение труда в Англии за последние шестьдесят лет. СПб., 1899. С. 6–28.

знали, что в современном обществе человек зачастую не способен (в силу условий своего рождения, воспитания, образования или в силу каких-то жизненных обстоятельств) самостоятельно обеспечить себе достойное существование. Поэтому, с их точки зрения, долг общества и государства – обеспечить всем своим гражданам возможность для улучшения своей жизни, создать минимально необходимые условия, которые помогут человеку самому бороться со своими жизненными трудностями и самому пробивать себе дорогу в жизни². Отсюда в социальном либерализме возникла концепция государственного социального регулирования.

Социальные либералы предложили обширную программу социальных реформ. Она включала следующие требования: запрещение детского труда; законодательное сокращение рабочего дня; охрана труда на фабриках и в домашних мастерских и создание универсального фабричного законодательства; введение государственных пенсий престарелым; организация государственной системы бирж труда и проведение общественных работ для помощи безработным; установление компенсации, которую предприниматель должен выплатить рабочему, пострадавшему от несчастного случая на производстве, или (в случае смертельного исхода) его семье; введение льготных условий при строительстве жилья муниципалитетами; рассрочка при покупке жилья рабочими; ужесточение санитарного контроля над трущобами; принятие действенных мер по организации обязательного посещения школ и повышение возраста, до которого дети должны посещать школу; запрещение труда детей после (или до) посещения школы; повышение заработной платы учителям и т. д.³ Эта программа была ориентирована на создание законодательной базы, которая способствовала бы повышению жизненного уровня рабочих, обеспечила защиту их интересов перед предпринимателями, право на труд и среднее образование.

Либеральные кабинеты Г. Кэмпбелл-Баннермана и Г. Асквита (1905–1915) частично реализовали эту программу, проведя серию социальных реформ, наиболее важными из которых были Закон о пенсиях 1908 г., Закон о страховании на случай безработицы, болезни и инвалидности 1911 г., новые профсоюзные законы, существенно

² См.: *Сэмюэл Г.Л.* Указ. соч. С. 2, 21–22.

³ См.: Там же. С. 56–59, 73–76, 94–124, 158–183.

расширившие права тред-юнионов. Почти в полном объеме социальная программа либералов, выдвинутая ими в начале XX в., была реализована уже после Первой мировой войны.

Социальные либералы выступали также за введение всеобщего избирательного права для мужчин, так как именно через систему демократии избиратели, с их точки зрения, должны способствовать защите и укреплению своих прав и оказывать влияние на внутреннюю политику страны. И в то же время, многие из них не поддерживали лозунга женского избирательного права⁴.

Таким образом, социальные либералы не предполагали принципиальных перемен ни в политической системе, ни в отношениях собственности. Претендуя на роль общенациональной партии, либералы не видели необходимости в самостоятельном политическом представительстве рабочих. Не отрицая профсоюзного движения как варианта борьбы рабочих за свои права, либералы все же высказывались за решение проблем рабочих на парламентском уровне путем принятия соответствующей законодательной базы.

Социалисты, напротив, рассматривали индивидуализм не только как крайне отрицательную черту, не отвечающую потребностям нового состояния общества, но и как причину современных социальных проблем. Экономическая и общественная система, основанная на принципах индивидуализма, не может быть справедливой, так как большинство населения общества составляют наемные работники, а основные средства производства – земля и промышленность – принадлежат явному меньшинству⁵.

С. и Б. Веббы в своих работах утверждали, что только на основе принципов коллективизма общество и государство смогут решить проблемы бедности и безработицы. Они предлагали заменить индивидуальную частную собственность на средства производства общественной собственностью и общественным контролем. С их точки зрения, муниципализация и национализация земли и основных отраслей промышленности должна стать основой такой организации производства материальных благ, которая позволит удовлетворить потребности всего общества. В таком случае рента с земли и про-

⁴ См.: Сэмюэл Г.Л. Указ. соч. С. 316–327.

⁵ См.: Вебб С. Истинный и ложный социализм (Fabian Tract N 51) // Вебб С. Социализм в Англии. Пг., 1918. С. 29–33.

мышленного капитала будет собственностью всего народа в целом, материальное положение рабочих перестанет зависеть от частных владельцев, естественные и культурные богатства страны будут распределены справедливо между всеми ее гражданами⁶.

При этом фабианцы полностью не отказывались от принципа индивидуализма, признавая важность сохранения в обществе предпринимательской инициативы и политических свобод. Но они полагали возможным и необходимым подчинить индивидуализм коллективизму до «общественно необходимого уровня», чтобы обеспечить достойный уровень жизни всему английскому народу⁷.

Однако фабианцы не требовали немедленной реформы в отношениях собственности, считая, что должно пройти время, пока большая часть общества примет их идеи.

Воплощением принципа социалистического коллективизма в современной Англии С. и Б. Веббы считали промышленную демократию. Под этим термином они понимали систему профессиональных союзов, организованных на принципах демократии, активно защищающих права своих членов перед предпринимателями и функционирующих одновременно как общества взаимопомощи. Неограниченная свобода предпринимательства и неограниченное право предпринимателей распоряжаться трудом и временем своих рабочих являются, с их точки зрения, разновидностью общественного деспотизма, близкого к рабству. Рабочие должны выступать как партнеры предпринимателей, заинтересованные в общем деле. Кроме того, рабочие должны заботиться о достижении таких условий труда и такого уровня заработной платы и социальных гарантий, чтобы обеспечить себе и своим семьям достойный уровень жизни, и добиваться этого следует с помощью тред-юнионов⁸. В таком виде промышленная демократия в начале XX в. уже реализована в Великобритании.

Но С. и Б. Веббы понимали промышленную демократию и более широко – как соуправление производством предпринимателей, наемных работников и государства. Производство есть общественно необхо-

⁶ См.: *Вебб С.* Истинный и ложный социализм... С. 32; *Он же.* Политика фабианцев и английский социализм (Fabian Tract N 70) // *Вебб С.* Социализм в Англии... С. 59–60, 63–64.

⁷ См.: *Вебб С.* Политика фабианцев... С. 60.

⁸ См.: *Вебб Б., Вебб С.* Теория и практика английского тред-юнионизма. Т. 2. СПб., 1901. С. 658–659, 674–677, 685–686.

димое действие, поэтому нельзя допустить, чтобы предприниматели руководили им единолично. Предприниматели (собственники или наемные руководители муниципализированных или национализированных предприятий) должны определять технологию производства, рабочие – условия труда. Но над любым производством обязательно должен осуществляться контроль общества, причем не просто посредством рыночного механизма спроса (такой контроль есть всегда). Государство как представитель и выразитель интересов всего общества в целом должно напрямую вмешиваться в вопросы производства и управления предприятиями в интересах всего общества. Методы государственного вмешательства могут быть различными: от разработки соответствующего законодательства до прямого регулирования отношений предпринимателей и наемных работников в случае трудовых конфликтов⁹. Такая промышленная демократия для Великобритании – это вопрос будущего. Дальнейшее развитие промышленной демократии Веббы считали одним из возможных путей коренного преобразования общественного устройства Великобритании на социалистических началах.

Фабианцы, в отличие от либералов, выступали за введение всеобщего избирательного права в полном смысле этого слова. Но политическая демократия у них приобретала иной смысл. Через систему демократии народ должен был контролировать не только систему управления муниципализированными и национализированными отраслями хозяйства, но и остальные сферы жизни общества. Правда, собственно управление государством, и в частности общественным сектором экономики, фабианцы оставляли в руках профессионалов¹⁰.

Таким образом, социальные либералы выступили за самосовершенствование человека индустриального общества. К функциям государства они относили лишь создание условий, которые помогли бы самому человеку измениться и улучшить свою жизнь. Фабианские социалисты сделали акцент на изменении общественной системы и отношений собственности, считая, что, изменив общество и его экономическую организацию, они тем самым добьются и улучшения жизни людей. В действительности дальнейшая история Велико-

⁹ Вебб Б., Вебб С. Теория и практика английского тред-юнионизма. Т. 2. С. 663–664, 669–671.

¹⁰ Вебб С. Политика фабианцев... С. 58–60.

британии оказалась как бы «сплавом» этих двух концепций. Англия до сегодняшнего дня остается страной с очень сильно развитыми традициями индивидуализма. Идеи социалистического коллективизма, конечно, не стали в ней основой организации общества, но концепция промышленной демократии была востребована и реализована в системе трудовых отношений в виде соучастия профессиональных союзов в управлении производством и даже в контроле за государственной социальной политикой. Социально ориентированное государство во второй половине XX в. стало неотъемлемой частью общественной и экономической структуры Великобритании, но система взаимоотношений труда и капитала построена во многом на основе партнерства предпринимателей и профсоюзов.

С. В. Куницкий

ПРОБЛЕМА ДЕШИФРОВКИ В БОРЬБЕ РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНЫХ СЛУЖБ ВЕЛИКОБРИТАНИИ И ГЕРМАНИИ В 1930-х гг.

Среди источников информации разведслужб любой страны наиболее важным является перехват, дешифровка и чтение зашифрованных сообщений противника. Дешифровальные службы обеспечивают быстрое поступление информации «из первых рук», поэтому большинство разведданных следует оценивать в свете этого источника. Плоды дешифровки являются результатом проникновения в замыслы противника, они позволяют обеспечить внезапность своего ответа на какие-либо его действия. Таким образом, позволить читать свои коды и шифры – равносильно проигрышу кампании.

Дешифровальная служба Великобритании – Государственная школа кодов и шифров (ГШКШ), образованная в 1919 г., в 30-х гг. переживала кризис¹. Снижение ее эффективности объясняется уверенностью, порожденной успехами 1915–1918 гг. Можно сказать, что легко достающаяся информация начала разлагать разведку. Считалось,

¹ См.: *Фалиго Р., Коффер Р.* Всемирная история разведывательных служб. Т. 1. М., 1997. С. 172–174.

что с началом новой войны Великобритания сможет добиться таких же успехов в этой области. Однако дешифровальной службе необходим широкий непрерывный поток технической и оперативной информации, так как работа дешифровальщиков не ограничивается только математическими расчетами. Кроме того, службе дешифрования нужен был счастливый случай, который бы дал в ее руки секретную документацию, являющуюся отправной точкой в работе.

К середине 1930-х гг. старые специалисты команды адмирала Реджинальда Холла, пионера дешифровки Великобритании, ушли, поэтому спешное строительство службы в связи с кризисом в Абиссинии в 1935 г., по сути, нужно было начинать с нуля².

Службы дешифровки Германии – Бюро исследований при Министерстве авиации и Отдел шифрования при Министерстве иностранных дел – находились еще в процессе становления³. Не имея традиций, они активно использовали новшества. Таким образом, германские дешифровальные службы стали первыми использовать в работе сложное механографическое оборудование.

Нападение Италии на Абиссинию предоставило немецким дешифровальщикам возможность снять первый «урожай» в результате обработки радиообмена английского флота. Корабли английских военно-морских сил использовали в переговорах шифры военного времени, которые оказались малонадежными. Основные слова и фразы повторялись регулярно, что позволило быстро «взломать» эти коды. Таким образом, разведка Германии в мирное время сумела обеспечить себя материалами, позволившими ей дешифровать коды высокой степени надежности в последующие годы.

Английская разведка в 30-х гг. находилась под жестким прессом со стороны правительства, ее бюджеты постоянно урезались. Следствием этой политики явилось недоукомплектование службы радиоразведки, которая была поставщиком «сырья» для дешифровальщиков. К 1938 г. руководитель СИС (Secret Intelligence Service) настолько потерял веру в возможности ГШКШ, что в одном из внутренних меморандумов отметил, что организация «...была совершенно непригодной для тех целей, ради которых она создавалась»⁴.

² См.: Маклахлан Д. Тайны английской разведки, 1939–45 гг. М., 1997. С. 38.

³ См.: Фалиго Р., Коффер Р. Указ. соч. С. 265–271.

⁴ Цит. по: Найтли Ф. Шпионы XX в. М., 1994. С. 254.

Началом возрождения ГШКШ стало проникновение в германскую систему «Энигма». Этот аппарат для шифровки сообщений открыл новую эру в работе разведки. Он был принят на вооружение рейхсвера в 1928 г. и повысил степень надежности шифровки, так как результаты его работы можно было распознать только с помощью электронно-аналитической техники.

Главную роль в проникновении в «Энигму» сыграли польские специалисты – математики Мариан Реевский, Тадеуш Лисицкий и Генрик Зыгальский. Документальный материал для их работы поступал по каналам французской разведки через сотрудника немецких дешифровальных служб Ганса Тило Шмидта. Он предоставил группе дешифровки справки об использовании «Энигмы», таблицы ключей к ней и пояснения к шифровкам.

Группа М. Реевского изучает механические процессы, протекающие в «Энигме». Для ускорения дешифровки они создают специальную счетную машину. На основе сравнения перехваченных шифровок и полученных от Шмидта ключей при помощи электронной аналитической машины поляки приближаются к разгадке.

На трехсторонней встрече в январе 1939 г. польская сторона передает французской и английской разведкам по экземпляру «Энигмы», описания методов дешифрования и криптографические «бомбы», ускоряющие работу. Получив все наработки команды М. Реевского, ГШКШ обрела инструмент, обеспечивающий рост ее авторитета в ходе Второй мировой войны⁵.

Таким образом, в условиях мирных 30-х гг. шло становление дешифровальных служб будущих противников и создание запаса прочности, который в полной мере проявится в годы будущей войны. Оценивая эту работу, следует признать, что немецкие дешифровщики преуспели в этой области больше своих английских коллег. Еще в 1936 г. они заложили основу расшифровки кодов высокой степени надежности, позволившую им читать английские шифры вплоть до 1943 г. Англичане же с помощью франко-польского центра в Брюно расшифровали первое сообщение «Энигмы» только осенью 1939 г., с началом военных действий.

⁵ См. об этом: *Уинтерботем Ф.* Операция «Ультра». М., 1996. С. 267–270; *Фалиго Р., Коффер Р.* Указ. соч. С. 408–415.

В. С. Глушко

РОЛЬ ВЕЛИКОБРИТАНИИ В ФОРМИРОВАНИИ ОБЩЕЙ ПОЛИТИКИ ЕС В ОТНОШЕНИИ БАЛКАНСКОГО КРИЗИСА (1991–1995)

Югославский кризис 90-х гг., произошедший в условиях трансформации всей системы международных отношений и структуры всеобщей безопасности в постбиполярной Европе, явился непосредственным выражением переходного кризиса «нового поколения», охватившего значительное число участников и проблем. Развитие югославского кризиса совпало с кульминационным периодом интеграции Европейского сообщества. В связи с этим для ЕС участие в антикризисном урегулировании на Балканах являлось важнейшим тестом дееспособности Европы на самостоятельное разрешение проблем подобного масштаба и осуществление в этом направлении общей внешней политики и политики безопасности.

Участие Великобритании в процессе урегулирования конфликта в бывшей Югославии, а также ее роль в формировании и практической реализации общей миротворческой концепции ЕС представляются весьма существенными составляющими в сложной мозаике взаимоотношений между ведущими европейскими державами в вопросах создания новой системы безопасности и определения антикризисной политики по отношению к глобальным этнонациональным кризисам в постбиполярном мире. «Заинтересованность в становлении нового международного порядка и сохранении стабильности в Центральной и Юго-Восточной Европе в дополнение к стремлению сохранить свой статус ведущей европейской державы побуждали Великобританию играть значительную роль в югославских событиях»¹.

В силу традиционных геополитических интересов в Балканском регионе и особой позиции в структуре ЕС Лондон играл роль одного из основных факторов в процессе международного урегулирования в бывшей Югославии. Действуя исключительно в рамках европейских и международных организаций (ЕС, ЗЕС, СБСЕ, НАТО, ООН), британская дипломатия полностью разделяет всю ответственность

¹ *Gow J. British Perspectives // Intern. Perspectives on the Yugoslav Conflicts. L., 1997. P. 91.*

провалов и успехов международного сообщества в разрешении сложнейшего регионального конфликта. Вместе с тем позиция Великобритании отличалась особым подходом к ряду ключевых вопросов югославского урегулирования, что выделяло ее голос из общего хора европейских держав. Разброс оценочного диапазона британской политики по проблеме бывшей Югославии весьма значителен: от обвинений в «просербской направленности» действий Лондона², до утверждения о «посредническом и нейтральном характере» политики Великобритании на Балканах³.

В реальности балканская политика британской дипломатии во многом определялась детальным анализом различных аспектов югославского конфликта, как внутренних, так и внешних. Великобритания рассматривала югославские события через своеобразную призму этноисторических противоречий. Югославский конфликт «...в меньшей степени понимался как проявление современных тенденций дезинтеграции и в большей степени как отражение традиционного исторического противоборства»⁴. Как отмечал глава Министерства иностранных дел Великобритании Дуглас Хогг, «конфликт в Югославии носит в основном этнический и исторический характер»⁵. Подобное видение специфики югославских событий усиливалось четкими параллелями с ситуацией в Северной Ирландии. Традиционный осторожный подход Лондона к сложнейшему межэтническому конфликту в Северной Ирландии оказывал несомненное влияние на политику Великобритании в отношении конфликта на Балканах. Подобный взгляд на проблему во многом формировал позицию Великобритании в процессе определения ключевых моментов общеевропейской политики урегулирования, так как «Великобритания всегда была в центре дебатов по вопросам признания, применения военной силы и принятия экономических санкций»⁶. В соответствии с общей линией ЕС по урегулированию конфликта в бывшей Югославии на базе демократического диалога, уважения принципов СБСЕ

² См.: The Independent. 1993. 8 Sept.

³ См.: Sharp J. Bankrupt in the Balkans: British Policy in Bosnia. L., 1992. P. 19.

⁴ Gow J. Triumph of the Lack of Will: International Diplomacy and the Yugoslav War. L., 1997. P. 175.

⁵ Central and Eastern Europe: Problems of the Post-Communist Era. First Report. Vol. 2. L., 1992. P. 58.

⁶ Gow J. British Perspectives... P.88.

и прав человека для Лондона выход из кризиса виделся в конституциональном реформировании федерации и сохранении в том или ином виде единой Югославии. Явные центробежные тенденции в бывших югославских республиках и проблема признания их независимости вызвали активные дискуссии в рамках ЕС. Характерным положением британских взглядов на данную проблему являлось то, что односторонняя поддержка права наций на самоопределение в ущерб принципам территориальной целостности Хельсинского заключительного акта понималась как угроза международной стабильности и поощрение сепаратизма. Тем самым британские официальные круги фактически ставили знак равенства между односторонними декларациями о независимости и «местническим деспотизмом». В рамках ЕС подобный подход нашел поддержку среди государств, которые сталкивались с проблемами этнонациональных сепаратистских движений. Оценивая события в бывшей Югославии исключительно как этнический конфликт, британская дипломатия рассматривала режим международного признания независимости бывших югославских республик и фактическую интернационализацию югославского конфликта в качестве своеобразного катализатора антагонизма противоборствующих сторон.

Фактически в первой половине 1991 г. в рамках Европейского сообщества оформились две основных концепции трансформации Югославии. Первый вариант, предложенный Великобританией, предусматривал сохранение единой политической структуры государства и осуществление преобразований в рамках стабильной миротворческой системы условий, сформированных ЕС. Второй вариант, разработанный германской дипломатией, подразумевал сознательную дезинтеграцию Югославской Федерации (посредством признания независимости югославских республик) и фактическую интернационализацию кризиса.

Заявление германского правительства (на саммите министров иностранных дел стран ЕС в Брюсселе 16–17 декабря 1991 г.) о готовности Бонна признать в одностороннем порядке независимость Словении и Хорватии угрожало серьезным дипломатическим расколом Европейскому сообществу. Однако в ходе брюссельского саммита удалось достигнуть определенного консенсуса между оппонентами в лице Великобритании и Германии. Великобритания в обмен на уступки со стороны Германии по проблеме валютного союза ЕС в рамках Маастрихтского договора признала возможную перспективу поэтапного признания независимости бывших югославских республик.

Таким образом, «Великобритания продемонстрировала свою нерасположенность к резкой конфронтации с Германией по югославскому вопросу, особенно в рамках ЕС, подвергая опасности более важный для них Маастрихтский договор»⁷. В результате сложилась ситуация, при которой содержание политики Великобритании на Балканах «в большей степени зависело от внутренних сделок в рамках ЕС, чем от обстоятельств самого югославского конфликта»⁸.

Инициированное Германией международное признание независимости Словении и Хорватии 15 января 1992 г. не приблизило окончание кризиса, а признание Боснии и Герцеговины 7 апреля 1992 г. лишь усугубило ситуацию, спровоцировав активизацию военного противостояния в Югославии. Как отмечал, в частности, глава Гаагской мирной конференции по бывшей Югославии лорд Каррингтон, «признание являлось трагической ошибкой Европы»⁹. Но вместе с тем британская дипломатия пыталась использовать возможный потенциал политики признания для политического решения югославской проблемы. Таким образом, можно констатировать, что позиция Великобритании во многом заложила основные принципы политики признания, реализуемой ЕС на Балканах в период с декабря 1991 г. по июнь 1992 г.

Особая позиция Великобритании в формировании общей антикризисной политики ЕС была продемонстрирована и в решении ключевых вопросов о применении санкций, возможности реализации военной интервенции в процессе разрешения югославского конфликта. Британская дипломатия играла весьма важную роль в исходе дебатов о применении военной силы и экономических санкций в бывшей Югославии. Лондон занял негативную позицию в отношении участия стран ЕС в целом и Великобритании в частности в военных акциях в бывшей Югославии. Следует заметить, что из всех государств ЕС Великобритания с особым нежеланием рассматривала идею европейских и любых других интервенционистских сил как в 1991 г., так и в более поздний период¹⁰.

⁷ *Dyker D., Vojvoda I. Yugoslavia & after: A Study in Fragmentation, Despair and Rebirth.* L., 1996. P. 167.

⁸ *Wiberg H. Yugoslavia and Conflict Resolution // Religion and War.* Belgrade, 1994. P. 111.

⁹ *Карингтон Л. Двије грешке Европе // Побједа.* 1992. 29 септ. С. 10.

¹⁰ См.: *Sharp J. Intervention in Bosnia // The World Today.* 1993. 2 Febr. P. 29.

В результате позиция Великобритании фактически и определила характер военной составляющей антикризисной политики ЕС на Балканах. Первоначальное устойчивое неприятие Лондоном перспектив разрешения югославского конфликта силовыми методами было обусловлено не только опасением втягивания европейских государств в полномасштабные военные действия, но и реальной оценкой потенциала и возможностей ЗЕС в проведении подобной акции и соответствующем анализе готовности ЕС принять политическое решение о военном вмешательстве. В Лондоне совершенно справедливо полагали, что у правительств европейских государств напрочь «отсутствовала политическая воля выставить экспедиционные силы»¹¹. Министр иностранных дел Великобритании Дуглас Хэрд заявил: «Единственное, что может гарантировать мир, – это экспедиционные силы. Но ни одно европейское правительство серьезно не рассматривало такой вариант»¹². В итоге, по мнению британских официальных кругов, «...ни ЕС, ни ЗЕС оказались не в состоянии самостоятельно принудить к миру силой»¹³. Подобный подход Великобритании в определении конкретных перспектив военной интервенции со стороны ЕС в балканский конфликт реально обусловил девальвацию возможности реализации конкретных силовых акций в процессе урегулирования кризиса.

Вместе с тем британские политики и военные выражали готовность участия в миротворческих операциях по поддержанию мира на Балканах, осуществляемых под эгидой ООН. Британский контингент являлся одним из основных составляющих миротворческих сил СООНО в бывшей Югославии. Отдавая должное необходимости создания подобного механизма сдерживания, Лондон весьма четко и однозначно придерживался гуманитарного характера проводимых операций, всячески избегая их расширения. В данном отношении британская концепция гуманитарной интервенции во многом закладывала основы европейской модели миротворчества, реализуемой ЕС на протяжении всего югославского конфликта.

Отвергая перспективу военной интервенции как эффективного средства антикризисного урегулирования ситуации на Балканах, бри-

¹¹ Gow J. British Perspectives... P. 94.

¹² Interview Channel 4TV, Diplomacy and Deceit. 2 Aug. 1992, Bloody Bosnia. Media Transcription Service, M 2578. P. 4.

¹³ London Press Association. 1992. 2 June (FBIS-WEU-92-107. 1992. 3 June. P. 11)

танская дипломатия делала основную ставку на использовании мер исключительно экономического и политического характера. Оценивая приоритеты антикризисной политики ЕС в бывшей Югославии, британские политики исходили из того, что «экономические санкции и политическое давление произведут больший эффект, чем военная интервенция»¹⁴. Подобный подход во многом определил позицию Лондона по проблеме подходов и методов антикризисного урегулирования ситуации на Балканах. Великобритания поддерживала идею созыва Конференции Европейского сообщества по Югославии (с августа 1992 г. – Международная конференция по бывшей Югославии), которая приобрела значение решающей попытки ЕС погасить югославский кризис политическими средствами. Перспектива формирования активного переговорного поля под эгидой Международной конференции для поиска политического соглашения между противоборствующими сторонами представлялась британским политикам наиболее приемлемым вариантом пути выхода из кризисной ситуации.

Помимо мер политического урегулирования конфликта в бывшей Югославии, введение жесткого пакета экономических санкций (согласно резолюции № 757 СБ ООН) рассматривалось британским внешнеполитическим ведомством как одна из немногих результативных мер влияния на ситуацию. Из всех стран ЕС Великобритания являлась наиболее последовательным сторонником применения экономических санкций с целью оказания давления на противоборствующие стороны конфликта. Активное лоббирование Лондоном мер экономического воздействия обусловило их присутствие в антикризисной политике ЕС в качестве своеобразной константы на протяжении всего югославского кризиса.

Позиция Великобритании во многом определяла и политику ЕС в отношении американской концепции «жесткого миротворчества», реализуемой администрацией Клинтона со второй половины 1993 г. Основные элементы американской концепции урегулирования (lift and strike), предусматривающие возможность снятия эмбарго на поставки оружия в Боснию и Герцеговину, а также перспективу нанесения серии воздушных ударов в качестве силового фактора давления на противоборствующие стороны конфликта, столкнулись с весьма сдержанным отношением со стороны ЕС. В рамках структуры ЕС

¹⁴ Paris AFP. 1991. 18 Sept. (FBIS-WEU-91-183. 1991. 20 Sept. P. 2).

Великобритания выражала наиболее явную оппозицию усилению силовой доминанты в процессе балканского урегулирования. Частичное снятие эмбарго на поставки вооружения в Боснию и Герцеговину виделось с позиции Лондона в свете своеобразного патронирования одной из противоборствующих сторон конфликта и соответственно рассматривалось как утрата нейтрального статуса международного сообщества в разрешении кризиса в бывшей Югославии. Возможность масштабных воздушных ударов и расширение зоны их применения оценивались британской дипломатией в качестве катализатора процесса вывода сил СООНО из зоны конфликта, что могло привести к слабо прогнозируемым последствиям. В итоге Великобритании удалось на определенном этапе сыграть роль своеобразного буфера, воспрепятствовавшего втягиванию ЕС в орбиту американской политики на Балканах.

Провал европейского миротворчества на Балканах и кризис политики ЕС, явно обозначившиеся к февралю 1994 г., в период после Сараевского кризиса, символизировали окончательное завершение этапа европейского миротворчества. В условиях краха европейской модели миротворчества для Великобритании своеобразная дилемма выбора между двумя противоположными стратегиями урегулирования – «поддержкой усилий ООН в переговорном процессе либо ориентацией на попытки НАТО достигнуть политического решения при помощи силы оружия»¹⁵ – разрешилась в пользу натоцентристского подхода. Долгосрочным следствием подобной трансформации стал фактический распад единой европейской политики на Балканах. Произошла определенная деформация европейской формулы антикризисного урегулирования и отход от принципа самоидентичности европейской системы безопасности. В период после Дейтона ведущие европейские державы, и в первую очередь Великобритания, фактически восприняли американскую схему упрощенного силового решения, что впоследствии нашло свое отражение в ходе Косовского кризиса.

Анализ проблем участия Великобритании в формировании общей политики ЕС в отношении урегулирования конфликта на Балканах позволяет сделать вывод о том, что ключевые особенности антикризисной политики ЕС в бывшей Югославии в период 1991–1995 гг. (основанные на специфике подходов и методов европейской модели

¹⁵ *Rose M. Fighting for Peace. L., 1998. P. 52.*

миротворчества) во многом сложились под влиянием британской схемы разрешения сложных этнонациональных конфликтов. Несмотря на явные недостатки подобной концепции и очевидные провалы в ходе ее осуществления, Великобритания последовательно отстаивала возможность достижения мирного разрешения конфликта на основе общедемократических принципов в рамках активного поля переговорного процесса. Ее непосредственное участие в процессе формирования общей антикризисной политики ЕС на Балканах в очередной раз продемонстрировало высокую степень влияния Великобритании на процесс становления и развития системы общеевропейской безопасности в постбиполярный период.

С. Л. Холкин

«ДВИЖЕНИЕ ЗА САМОУСИЛЕНИЕ» В КИТАЕ
Ценностный аспект действий политической элиты
на примере категорий «целесообразность»,
«внешнее» и «внутреннее»

Однажды Чжуану Чжоу приснилось, что он – бабочка, весело порхающая бабочка. Он наслаждался от души и не сознавал, что он – Чжоу. Но вдруг проснулся, удивился, что он – Чжоу, и не мог понять: снилась ли Чжоу бабочка или бабочке снится Чжоу...

Чжуан-цзы

Перед тем как непосредственно перейти к проблеме, автор считает необходимым сделать небольшое пояснение, относящееся к ее предыстории. В современной англо-американской синологии уже давно бытует мнение, что отдельные китайские реформаторы второй половины XIX в. нередко оценивали открытие Китая Западом не только как «потрясение основ Поднебесной», но также и как благоприятный фактор для усиления империи. При этом из поля зрения исследователей зачастую выпадает проблема внутренних ценностных установок, присущих политической элите Поднебесной. Данный текст – это попытка акцентировать внимание на социально-психологических мотивах поведения лидеров «движения за самоусиление».

Сон, в который провалилась Срединная империя с появлением у берегов Гуаньчжоу кораблей европейцев, действительно сродни тому самому знаменитому сновидению Чжуан-цзы. И дело тут даже не столько в способности традиционной китайской элиты адекватно оценить последствия «варварского вторжения». Напротив, финал, к которому пришло «движение за самоусиление», по сути, подтвердил прогнозы наиболее вдумчивых цинских сановников. Хотелось бы подчеркнуть: вопрос скорее не в том, *что* конкретно декларировали лидеры Поднебесной, говоря о той или иной ситуации, а в том, *какое объяснение* они подыскивали для собственных, иногда весьма неблагоприятных с китайской точки зрения поступков. Или, говоря языком даосской притчи, *когда же* человек способен отличить сон от яви?

Впрочем, «движение за усвоение заморских дел» начиналось отнюдь не как философский диспут. Основной его целью было отразить слишком уж реальную угрозу нападения «западных варваров». На первый взгляд выстраивается достаточно прозрачная логика действий представителей китайской политической элиты в решении данного вопроса: если сила Запада кроется исключительно в технике, Поднебесная должна заимствовать эти технические умения, чтобы потом побить врага его же оружием. На этот случай имелась даже соответствующая китайская поговорка: «И и чжи и» – «Управлять варварами, используя варваров». Однако такая показная прозрачность мотивов усвоения заморских секретов, похоже, была для лидеров «движения за самоусиление» прекрасным способом скрыть весь комплекс причин, который побудил их инициировать реформы, выставив на всеобщее обозрение только очевидные. (Кстати, для подобного типа поведения тоже существует подходящее китайское выражение: «Да янь да инь» – «Все обнажить – значит все утаить».) Эти несомненно талантливые люди видели в изменившейся ситуации уникальный случай для достижения своих собственных целей. Однако речь здесь не шла о политическом сепаратизме или личном эгоизме. Подобные чисто западные понятия просто-напросто неприменимы к китайскому типу мировосприятия. Между тем основные действующие персонажи драмы под названием «Самоусиление» были истинными носителями китайской культуры во всем ее многообразии, что бы ни говорили по этому поводу их консервативные оппоненты. А потому выделить решающие факторы, которые повлияли на содержание ре-

форм, можно, только проанализировав систему ценностей, свойственную политической элите Поднебесной.

Для китайца нет ничего важнее, чем гармонично увязывать в любом поступке внешние и внутренние аспекты собственной деятельности. Причем делать это таким образом, чтобы его собственные интересы и стремления всегда были надежно прикрыты заботой о групповых интересах и соответствовали нуждам социума. Идеалом является такое положение вещей, при котором личные мотивы того или иного социально ориентированного поступка просто незаметны для окружающих¹. Зато им очень хорошо видно «лицо» человека. И если китаец сумел достичь этого уровня, он считался не просто «мудрым» или «знающим», но гуманной и высокоморальной личностью. Иными словами, подобная «дымовая завеса» совсем не означает своекорыстия поступков. Скорее, можно говорить о врожденной потребности китайца к игровому восприятию действительности вкупе с желанием пребывать в гармонии с окружающим его социальным миром.

В политической практике Китая данная культурная черта создает необходимость существования как бы двух параллельных политических курсов. Один, внешний, предназначен для того, чтобы по определению быть достоянием широкой общественности. Другой, тайный, внутренний, ни под каким видом не подлежит огласке. Существование подобной «закулисной» политики было освящено традицией, а потому являлось абсолютно легитимным. Это, по сути, те скрытые возможности властителя, которые могут быть им реализованы, как только для этого представится удобный случай.

Между тем сама категория «случая», «перемены» также является базовой в формировании шкалы ценностных предпочтений китайца. Уважительное отношение к удобному случаю, который во что бы то ни стало необходимо использовать себе на благо, отражено в большинстве древнекитайских канонов. Человека в Китае с детства приучали видеть в перемене знак Неба, который необходимо верно уловить и принять за основу дальнейшего поступка, либо отсутствия такового². Причем этот поступок должен быть в высшей степени решительным, ибо только тогда он будет гуманным в конфуцианском понимании этого термина³. Именно такой путь в китайской тради-

¹ См.: *Малявин В. В.* Тридцать шесть стратагем. М., 1998. С. 23.

² См.: *Луной // Конфуций.* Я верю в древность. М., 1998. С. 34.

³ См.: *Фингаретт Г.* Конфуций: Мирянин как святой // Конфуций. Указ. соч. С. 350.

ции и ведет к полной реализации личности. А Ли Хунчжан, Цзен Гофань, Чжан Чжидун и некоторые другие лидеры «движения за самоусиление» несомненно были личностями в глазах современников-китайцев, да и не только китайцев. И следовательно, поступки этих людей можно интерпретировать исходя из социально-психологической шкалы ценностей, характерной для Срединной империи.

В этой связи необходимо заметить, что, говоря о значении появления европейцев в Поднебесной, провинциальные лидеры часто использовали в своих меморандумах выражение «пэнь чуй» – «меняющаяся ситуация». Возможно, самым знаменитым примером могут служить слова Ли Хунчжана о перемене, «равной которой не было несколько тысяч лет»⁴. Правда, руководители региональных элит рассматривали последствия происходящих событий исключительно в общегосударственном масштабе, демонстрируя свою искреннюю озабоченность проблемами обороноспособности и экономического роста страны. Однако необходимо иметь в виду, что не использовать случай подобного масштаба для самореализации было бы в глазах облеченного властью китайца самой непростительной ошибкой. При этом не меньшей ошибкой был бы и отход от норм социальных приличий в отношениях с варварами, чреватый потерей лица, то есть гражданской смертью.

Таким образом, выстраивается своеобразная внутренняя логика ведущих мотивов поведения политической элиты Китая второй половины XIX в. В особенности эта схема применима к верхушке провинциальных кланов, которая более всего была вовлечена в процесс межкультурного диалога: появление европейцев, поставившее Поднебесную на грань хаоса, как и всякий кризис, давало стране шанс выиграть противостояние, для чего, по мнению инициаторов реформ, было необходимо всего-навсего лишить варваров технического превосходства. Того единственного преимущества, которое давало им небольшой перевес над великой культурой Срединной империи. Однако помимо глобальных национальных интересов у региональных руководителей существовали и более узкие цели, которые также требовали собственной реализации. С этой точки зрения появление европейцев, взорвав исконный порядок вещей, стало в глазах лидеров провинциальных элит подарком Неба, который при правильном использовании

⁴ См.: The Cambridge History of China. Vol. 12. Cambr., 1980. P. 234.

гарантировал довольно мощное усиление их позиций. Соответственно выстраивались те самые две линии политической активности, о которых говорилось выше. И когда Ли Хунчжан, Го Сунтао или Ван Тао призывали к усвоению западных военно-технологических новшеств, они отнюдь не желали ослабить позиции центра, перетягивая одеяло на себя⁵. Напротив, действия большинства реформаторов объяснялись искренне государственнической позицией. Просто она была всего лишь одним из мотивов.

Второй, пожалуй даже более важной, составляющей действий лидеров «самоусиления» стало вполне легитимное по китайским меркам желание извлечь максимальную личную (клановую, политическую, экономическую и т. д.) выгоду из нестабильной ситуации и, не потрясая основ, использовать энергию самого потрясения. Будучи изначально внутренним мотивом, эта тенденция оказывала решающее влияние на деятельность региональных лидеров реформистского толка. Но полностью она могла реализоваться только при возникновении в Поднебесной очередной ситуации тотальной нелегитимности, когда *тянь мин* (мандат Неба) выскользнет из рук правящей династии. Причем сами руководители провинциальных администраций вряд ли намеревались активно ускорять процесс сепаратизма, предпочитая быть пассивными потребителями дивидендов.

Вопрос, стремился ли, к примеру, тот же Ли Хунчжан изменить сами *параметры легитимности* и создать элементы новой политической культуры, остается открытым. Быть может, здесь стоит говорить даже не о желании, а о возможности иначе посмотреть на процесс диалога с Западом. Во всяком случае в попытке прорыва за рамки традиционной схемы мировосприятия есть что-то от той самой старой даосской притчи, которую мы привели в эпиграфе. Ведь когда небывалые события вынудили китайскую цивилизацию пробудиться, ей пришлось выбирать между собственным сном и чужой явью. И похоже, что выбор этот до сих пор не сделан.

⁵ *Right M.* The Last Stand of Chinese Conservatism. L., 1957. P. 121.

Анфимова, Ольга Артемьевна, студентка исторического факультета Уральского государственного университета им. А. М. Горького.

Васильева, Наталья Васильевна, студентка магистратуры исторического факультета Уральского государственного университета им. А. М. Горького.

Викторов, Илья Николаевич, студент исторического факультета Уральского государственного университета им. А. М. Горького.

Высокова, Вероника Витальевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры новой и новейшей истории Уральского государственного университета им. А. М. Горького.

Глазкова, Дарья Петровна, студентка исторического факультета Уральского государственного университета им. А. М. Горького.

Глушко, Вадим Семенович, выпускник аспирантуры отделения международных отношений Уральского государственного университета им. А. М. Горького.

Голубецкая, Наталья Сергеевна, студентка исторического факультета Уральского государственного университета им. А. М. Горького.

Данилова, Ольга Сергеевна, аспирантка кафедры новой и новейшей истории Уральского государственного университета им. А. М. Горького.

Запарий, Юлия Владимировна, студентка исторического факультета Уральского государственного университета им. А. М. Горького.

Комлева, Юлия Евгеньевна, студентка исторического факультета Уральского государственного университета им. А. М. Горького.

Кручинина, Наталья Александровна, магистр истории, ассистент кафедры новой и новейшей истории Уральского государственного университета им. А. М. Горького, аспирантка кафедры новой и новейшей истории.

Куницкий, Сергей Владимирович, студент исторического факультета Уральского государственного университета им. А. М. Горького.

Мельник, Анна Викторовна, студентка магистратуры исторического факультета Уральского государственного университета им. А. М. Горького.

Сумин, Алексей Викторович, студент исторического факультета Уральского государственного университета им. А. М. Горького.

Слуцкая, Людмила Владимировна, аспирантка кафедры новой и новейшей истории Уральского государственного университета им. А. М. Горького.

Суровень, Дмитрий Александрович, кандидат исторических наук, доцент кафедры Древнего мира и Средних веков Уральского государственного университета им. А. М. Горького.

Холкин, Станислав Леонидович, магистр истории, ассистент кафедры новой и новейшей истории Уральского государственного университета им. А. М. Горького.

Чевтаев, Анатолий Гаврилович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой новой и новейшей истории Уральского государственного университета им. А. М. Горького, заведующий Центром исследований новой и новейшей истории Великобритании исторического факультета Уральского государственного университета им. А. М. Горького.

Научное издание

IMAGINES MUNDI

Альманах
исследований всеобщей истории
XVI–XX вв.

Выпуск 1. *Альбионика*

Редактор и корректор Р. Н. Кислых
Компьютерная верстка – Н. В. Комардина

ЛР № 020257 от 22.11.96. Подписано к печати 3.05.2001. Формат 60x84 ¹/₁₆.
Бумага офсетная. Гарнитура *Times*. Уч.-изд. л. 10,3. Усл. печ. л. 10,46.
Тираж 200 экз. Заказ 117.

Издательство Уральского университета. 620083, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4.

Отпечатано в ИПЦ «Издательство УрГУ». 620083, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4.